

АԢСНЫ АКУЛЬТУРЕИ АԤОУРЫХ-КУЛЬТУРАԤ
ԤЫНХА АХЪЧАРЕИ РМИНИСТРРА

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ И ОХРАНЫ
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
РЕСПУБЛИКИ АБХАЗИЯ

**АԢСУА ХӘЫНԤҚАРРАԤ
МУЗЕИ АУСУМԤАҚӘА**

**ТРУДЫ АБХАЗСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ**

**АԤЫЖЬРА
VII
ВЫПУСК**

Сухум
Абгосиздат
2018

ББК 79.1 (5 Абх.) Я5
Т 78

Ответственный редактор
А. И. Джоуа

Редакционная коллегия:
Т. Ш. Гицба, Г. Д. Гумба, В. А. Ньюшков (отв. секретарь),
И. Т. Цугба, А. Ю. Скаков

**Т 78 Труды Абхазского государственного музея / Сухум : Аб-
госиздат, 2018. – 312 с.**

Седьмой выпуск трудов Абхазского государственного музея включает в себя собрание статей по археологии, истории, этнографии Абхазии.

Сборник рассчитан как на специалистов, так и на тех, кто интересуется Абхазией в далеком прошлом и настоящем, новейшими археологическими материалами, прошлой и современной историей республики, а также духовной культурой абхазов – религией, этикетом и т. д.

© Министерство культуры и охраны
историко-культурного наследия РА, 2018
© Абгосмузей, 2018
© Абгосиздат, 2018

ЗООМОРФНАЯ ПЛАСТИКА МОГИЛЬНИКА ДЖАНТУХ

Совместная российско-абхазская Ткуарчалская археологическая экспедиция начиная с 2005 г. ведет работы на исследовавшемся еще в 1980-х гг. Джантухском могильнике эпохи раннего железа¹. К настоящему времени изучен ряд погребальных и ритуально-поминальных комплексов, каждый год приносит новые неожиданные находки, которые, по мере возможности, мы вводим в научный оборот (Скаков, 2007, 2010, 2011, 2013, 2014, 2014а; Скаков, Джопуа, 2006, 2008, 2008а, 2009, 2009а, 2009б, 2010, 2011, 2011а, 2011б, 2012, 2012а, 2013, 2013а, 2014; Скаков и др., 2007, 2013, 2013а, 2014; Skakov, Dzhopua, 2010; Saprykina, Skakov, 2013).

Учитывая работы наших предшественников, Джантухский могильник демонстрирует крупнейшую для памятников Западного Закавказья коллекцию бронзовой зооморфной пластики. К сожалению, опубликованные нашими предшественниками предметы бронзовой зооморфной пластики (их насчитывалось «свыше 30») происходят из разрушенных погребений, а сами рисунки вещей очень несовершенны (Шамба, 1984. Рис. 22; Шамба, Шамба, 1990. Рис. 23). В ходе работ 1980-х гг. было исследовано несколько комплексов, но установить, какие именно предметы зооморфной пластики из них происходят, представляется невозможным. Судя по схеме одного из погребений (Там же. Рис. 5), здесь была найдена фигурка собачки (№ 1) и голова быка (№ 8). Но, если верить схеме, «голова быка» в большей степени напоминает опубликованное авторами раскопок каменное изваяние «головы барана» (Там же. С. 19. Рис. 4, 2, 3). Вроде бы, «более 8 экз.» бронзовых фигурок птиц были найдены на «могильной площадке» и в «кремационной яме»

¹ Работа подготовлена в рамках гранта РФФИ 18-09-00293А.

(Там же. С. 42), но соотнести их с рисунками не представляется возможным. Наконец, изображение «головки водоплавающей птицы» на бронзовой пластине и фигурка терзающего животного на петле (Там же. С. 47–48. Рис. 8, 15, 19) были найдены на восточной окраине горы, на участке, который авторы раскопок сочли «производственным». Как выяснилось в ходе наших работ, это в самом деле производственный участок крупного поселения, синхронного могильнику.

Таким образом, наши многолетние работы во многом «открыли» джантухскую зооморфную пластику во всем ее многообразии (Скаков и др., 2013. С. 41. Рис. 8–10). Сейчас нашей задачей являются ее классификация и анализ на достаточно широком фоне синхронных памятников Северного Кавказа и Западного Закавказья.

Древнейший образец зооморфной пластики Джантухского могильника обнаружен в нижнем ярусе погребальной ямы 6, датированном нами в рамках XII–XI или XIII–XI вв. до н. э. Это фрагментированная подпрямоугольная поясная пряжка с остатками петель на обороте, имеющая в передней части над крюком массивный прямоугольный выступ со скульптурным изображением лежащего животного (видимо, кошачьего хищника) с приподнятой вытянутой шеей и загнутым хвостом (Рис. 2, 4). Основанием для столь ранней даты стали находки здесь модели топорика, по своей форме соответствующего топорам Лыхненского и Пицундского кладов, полуовальная пряжка со спиральным орнаментом и петлями на обороте, многочисленные подвески в полтора оборота архаических типов (Скаков, Джопуа, 2011. С. 134; Скаков, 2011. С. 122). Есть и еще одно, не приводившиеся нами ранее, основание для этой датировки: находка стеклянных шаровидных бусин с черными штрихами в зеленоватом поле и на желтом или желто-зеленом поле (4 экз.) и опоясанных по центру поперечным желтым волнистым зигзагом на ярко-голубом и черном фоне (3 экз.). Последний тип находит почти точную аналогию в гробнице 2 могильника Терезе (Карачаево-Черкесия), причем здесь также, как и на одной из наших бусин, зигзаг не замкнут и имеет змеевидное утолщение на одном конце (Козенкова, 2004. С. 130. Табл. 46,

41 и цветная вклейка к с. 128). С нашим комплексом гробница 2 Терезе сближается и по наличию там привески в виде миниатюрного топорика (Там же. С. 99. Табл. 17, 8)². Схож и погребальный обряд. Напомним, что гробница 2 Терезе датируется в пределах XII – рубежа X–IX вв. до н. э., а костное скопление 20, из которого и происходит интересующая нас бусина – XI–X вв. до н. э. (Там же. С. 143–147).

Полные аналогии джантухской пряжке нам неизвестны. Однако ее место в типологическом ряду можно определить достаточно уверенно. В большинстве случаев, наличие или отсутствие у пряжки петлей, а не отверстий, не может являться ни однозначным хронологическим, ни типологическим признаком (Скаков, 2012. С. 132), хотя учитывать его, вероятно, необходимо. Для Бзыбской колхидской культуры (выделенной одним из авторов этой статьи) характерны пряжки без отверстий и петель, с фигурным изображением головы животного. Крепились к поясу они при помощи разъема на нижней части пряжки, в который и вставлялась металлическая пластина. Такие пряжки обнаружены в погребениях 1 и 2 могильника Куланурхва (Трапш, 1970. С. 159. Табл. I, 4, III, 2), в двух погребениях верхнего слоя дольмена 7 в Кюр-Дере (Верхней Эшере) (Джапаридзе, 1959. С. 106. Рис. 5; Воронов, 1969. С. 29. Табл. XXXIX, 29), погребении 1930 г. из Нижней Эшеры (Иващенко, 1935. С. 61–62. Рис. XVII, 5; Куфтин, 1949. Табл. XVI, 1), погребении 1929 г. из Аагсты (Лукин, 1941. С. 34; Куфтин, 1949. С. 150. Табл. XI, 2), погребении 1940 г. из Бамборской поляны (Воронов, 1969. С. 20–21. Табл. XXXIX, 27), погребениях из Ачкаца (Воронов, 1969. С. 22) и Ачадара (Гунба, 1978. С. 174–175. Рис. 1, 3), погребениях 44, 59, 87, 92, 94, 95, 102, 106, 137, 152, а также 1 и 5 1976 г. могильника Красный Маяк (Трапш, 1969. С. 107, 115, 126–127, 130–133, 143, 149, 198–200. Табл. XII, 5, XIV, 3, XXVI, 1, 2, 7–9; Барамидзе и др., 1979. С. 80. Табл. XXX, 1), комплексе 1969 г. из Куланурхвы (Воронов,

² Подобные модельки топориков характерны именно для ранних (конец II тыс. – рубеж II–I тыс. до н. э.) западнокобанских памятников, достаточно вспомнить находки из Инжиччукуна и Исправной, погребение у пруда (Алексеева, 1971. Табл. 7а, 2; Виноградов, Дударев, 1983. С. 8–9; Козенкова, 1995. С. 68. Табл. XVII, 4, 5).

Вознюк, 1975. С. 271. Рис. 2, 3–4), комплексах из Звандрипша (Воронов, Гунба, 1978. С. 259. Рис. 2, 28) и Осиа-рху (Бжания и др., 2004. С. 32. Рис. 1, 3), среди сборов на территории Куланурхвинского могильника (Воронов, Вознюк, 1975. С. 272. Рис. 3, 1). Пряжки Бзыбской колхидской культуры с фигурными головками животных имеют широкую датировку IX – первой половиной VII вв. до н. э. и, что показательно, не встречаются юго-восточнее района современного Сухума.

Очевидно, джантухская пряжка относится все же к другому типу и, вероятно, более раннему. Ее можно сблизить, скорее, с известными в кобанских (Кобанский могильник, погребение 190 Тлийского могильника) и закавказских (погребение 11 могильника Бешташени) памятниках поясными пряжками, также украшенными головками животных, но имеющими отверстия для скрепления с поясом (Куфтин, 1941. Рис. 70; Техов, 1980. Рис. 86, 9; Доманский, 1984, ил. 44; *Archeologie comparee*, 1989. P. 80, № 27124). Именно они, вероятно, типологически и, в некоторой степени, хронологически (поскольку пряжка из тлийского погребения 190, судя по комплексу, скорее всего, датируется тем же VIII в. до н. э.) предшествуют абхазским пряжкам. В этом случае можно предположить, что наша пряжка является еще более ранней в этом типологическом ряду. Вообще расположение на пряжке скульптурного изображения животного характерно, в первую очередь, для кобанских пряжек (к примеру, см. *Archeologie comparee*, 1989, p. 88, № 27216, 27217 b), причем практически все они уникальны и заметно различны хотя бы в деталях. Вероятно, нашу пряжку можно связать именно с этим кобанским центрально-кавказским импульсом, прослеживающимся в Колхиде (Скаков, 2010а) и, в частности, на Джантухском могильнике и по другим находкам.

О проникновении подобной схемы оформления пряжек и в «не кобанские» районы Закавказья свидетельствует находка прямоугольной пряжки с отверстиями и фигурой стоящего над крюком животного («собаки») в курганном погребении № 13 в Цихедидисхеви (Мцхета) (Апакидзе и др., 1987. С. 49. Табл. LXXVII, 3), в достаточно архаичном комплексе, датированном

второй половиной II тыс. до н. э. Эти кобанские и центрально-закавказские предметы в некоторой степени можно считать типологическими предшественниками лишенных отверстий пряжек с объемными головками животных. Другим источником формирования данного типа пряжек являются характерные для среднего слоя дольменов Абхазии птицеобразные подвески-застежки (Куфтин, 1940. Рис. 3; Он же, 1949. Табл. XXVIII, 18, 19, XXX, 8; Skakov, 2012, s. 51, abb. 8, 16).

Следующий хронологический этап бытования местной зооморфной пластики представлен бляшкой в виде скульптурного изображения лежащего зверя с петлей (обломана) на нижней стороне (Рис. 2, 2) из верхнего уровня погребальной ямы 6 (Скаков, Джопуа, 2010. Рис. 78, 2; Они же, 2011а. Рис. 10; Скаков, 2013. С. 229–231. Рис. 1, 6³). Аналогии этой бляшке относительно многочисленны: Эргета I, погребальные ямы 5 (2 экз.) и 6; Эргета II, погребальная яма 4; Эргета IV, погребальная яма 1; Цаиши, погребальная яма 1; Уреки, погребальная яма 3; Палури, погребение 24; Куланурхва, погребение 2; Бедык в Баксанском ущелье Кабардино-Балкарии, Кобанский могильник (Скаков, 2009. С. 167. Рис. 6, 29–32; Он же, 2013. С. 229–231. Рис. 1; Papuashvili, 2012, fig. 3). Представлены они, как мы видим, по обе стороны Главного Кавказского хребта (хотя в Колхиде, безусловно, преобладают) и датируются в пределах рубежа VIII–VII – начала или первой половины VI вв. до н. э. (Скаков, 2013. С. 229–230). Коллекцию из Бедыка В. И. Козенкова (2013. С. 71) суммарно датировала (с некоторым сомнением: «может быть») в рамках конца первой половины VII–VI вв. до н. э., с чем можно согласиться⁴. Наш комплекс,

³ В этой же работе собраны все близкие и отдаленные аналогии этим изображениям, проведен их анализ, уточнена хронология. К ней мы и отсылаем заинтересованного читателя.

⁴ Удивление вызывает только отнесение В. И. Козенковой Сванетии к Центральному, а не к Западному Закавказью (Там же. С. 72), конечно же, Сванетия является частью именно Западного Закавказья (см., к примеру, Гвоздецкий, 1954. С. 172–182. Карта на с. 133). Также, и мы уже обращали на это внимание (Скаков, 2013. С. 230), В. И. Козенкова ошибочно относит к комплексу погребения 2 могильника Куланурхва пластинчатый браслет с завитками на концах (Козенкова, 2013. С. 72). Как указывал М. М. Трапш (1970. С. 148–149, табл. III, 7), браслет был найден не в погребении 2, а в 1925 г. «еще до раско-

верхний уровень погребальной ямы 6, можно уверенно отнести к концу VIII – рубежу VIII–VII вв. до н. э. (Скаков, Джопуа, 2011. С. 134).

Изобилие зооморфной и орнитоморфной пластики свойственно для относительно поздних комплексов Джантухского могильника, датируемых в пределах VI–II вв. до н. э. Подобная пластика встречена в погребальных ямах 3 (18 экз., № 3–16, 40–43 по Каталогу), 4 (1 экз., № 17 по Каталогу), 5 (12 экз., № 18–29 по Каталогу), 7 (8 экз. и 1 золотое изделие, № 30–38 по Каталогу), на ритуально-поминальной вымостке (1 экз., № 39 по Каталогу).

Датировки погребальных ям, использовавшихся для многократных коллективных захоронений по вторичному обряду с использованием кремации, достаточно широкие, узкую дату можно предполагать только для обнаруженных под дном погребальных ям 5 и 7 «тайников». При этом необходимо учитывать, что все изученные на сегодняшний день погребальные комплексы (кроме ритуально-поминальной вымостки) были, пусть и в различной степени, ограблены в недавнем прошлом. Погребальная яма 3 по античному керамическому импорту может быть отнесена к V – первой половине III вв. до н. э. (Скаков, Джопуа, 2012. С. 230). Датируемые фрагменты античной керамики из погребальной ямы 4 могут быть отнесены к первой половине IV в. до н. э. (Там же. С. 224–225). Погребальная яма 5 по античному керамическому импорту датируется серединой V – первой половиной IV вв. до н. э., по развалу стенок колхидских амфор у дна ямы – не ранее середины – второй половины IV в. до н. э., по типам бус доживает до III–II вв. до н. э. (Там же. С. 229). При этом «тайник», обнаруженный под погребальной ямой 5, по ряду типов инвентаря может быть датирован в рамках IV в. до н. э. (Скаков, Джопуа, 2013.

пок при вспашке земли». Наконец, невысокое качество рисунков в большинстве публикаций могильников Центральной Колхиды не является основанием для утверждения о том, что встреченные там подобные бляшки относятся к «упрощенному, стилизованному варианту» (Козенкова, 2013. С. 72, Рис. 33, 14, 15, 29-32). И, конечно, могильник Ларилари находится не «в непосредственной близости к ареалу кобанской культуры» (Там же), от которого его отделяет труднопроходимый перевал Главного Кавказского хребта, а как раз в непосредственной близости к могильнику Джантух (Скаков, 2014. С. 172).

С. 382.). Погребальная яма 7 по инвентарю «тайника» и по имеющимся аналогиям (об этом – ниже) золотой подвеске в виде барана (Скаков, Джоуа, 2013. С. 382; Они же, 2013а. С. 13–14) может быть предварительно датирована в рамках V в. до н. э. Ритуально-поминальная вымостка бытовала долго, начиная с VI–V вв. до н. э., а в III–II вв. над ее основной частью была сооружена новая каменная конструкция. Последняя дата подтверждается античным керамическим импортом и находкой местного подражания (раннего типа) статеру Александра Македонского (Скаков, Джоуа, 2012а; Скаков, 2012).

Несмотря на то, что погребальные комплексы V–III (или VI–II) вв. до н. э. несколько различаются хронологически и по инвентарю, стилистика изображений, их основные типы, набор изображенных животных во всех них практически идентичны, поэтому, на данном этапе, зооморфная пластика будет рассматриваться нами суммарно.

1. Наиболее характерным типом для Джантухского могильника в V–III вв. до н. э. являются привески – скульптурные изображения лежащего животного с ушами и, в некоторых случаях, со слегка выделенной пастью. Вероятно, это сильно стилизованная фигурка лежащего хищника. Образ лежащего зверя (видимо, кошачьего хищника), как мы видели, был воспринят местными мастерами еще в конце II тыс. до н. э., т. е. имеет в этой части Западного Закавказья не менее чем тысячелетнюю историю. У поздних изображений, учитывая их, как правило, плохую сохранность (воздействие огня, повреждения) не всегда можно уверенно определить вид животного, но, в большинстве случаев, это явно кошачьи. В общей сложности, таких скульптурок нами было обнаружено как минимум 10 штук (3 экз. – в погребальной яме 3, 4 экз. – в погребальной яме 5, 3 экз. – в погребальной яме 7) (Рис. 3, 2, 3; Рис. 4, 3; Рис. 5, 11–17). К ним примыкает практически полностью сохранившаяся привеска из погребальной ямы 7 с изображением лежащей лани (олененка) (Рис. 4, 5).

Стилистически все эти 11 изображений едины. У изображенного животного вытянутое туловище, в задней части которого находится вертикально расположенное сквозное отвер-

стие для подвешивания (в той или иной степени сохранилось у 8 из 11 привесок), вытянутая шея, как правило, повернутая набок голова (в одном случае голова не повернута, в 3 случаях она слишком плохо сохранилась). В нескольких случаях отверстия для подвешивания или их остатки сохранились и под головой зверя, у скульптурного изображения «лани» их было два. Из публикаций Г. К. и С. М. Шамба известно еще как минимум 12 фигурок лежащих животных с кольцом для подвешивания (Рис. 1, 7, 9–13, 18–23), причем не все они относились, судя по рисункам, к кошачьим. Присутствуют также бараны (Рис. 1, 10, 11), возможно, копытные, по мнению Г. К. Шамба – еще и «лисица, разделяющая свою добычу» (Рис. 1, 12) (Шамба, 1984. С. 44). В 6 случаях фигурки животных снабжены дополнительными двумя отверстиями, размещенными под головой.

Для других кобано-колхидских памятников такие привески не свойственны, мы можем привести только более или менее отдаленные аналогии. К примеру, в Ларилари мы тоже видим фигурку лежащего животного с повернутой вбок головой, но стилистически она значительно отличается, являясь, к тому же, орнаментированной (Чартолани, 1968. Табл. III, 4). В западнокобанских памятниках подобные привески также неизвестны, даже у стилистически сходных изображений лежащего зверя, с отверстиями в задней части скульптурки и под протомой, голова не повернута вбок и помещена анфас (Козенкова, 1998. С. 41, 44. Табл. XI, 19, XII, 15). Впрочем, в нескольких случаях, на стилистически отличающихся скульптурных изображениях протомы зверя с выделенной втулкой-пронизью, голова животного немного повернута вбок (Миллер, 1888. Табл. XXV, 78). Голова обращена вперед и у стилистически близких подвесок из колхидских могильников, имеющих иногда две петли для подвешивания под головой зверя (Микеладзе и др., 1995. Табл. 56, 8).

2. Ко второму типу можно отнести привески с петлей, представляющие собой голову неопределимого и полностью стилизованного животного на сферической выпуклой подставке (Рис. 5, 6, 7; возможно и Рис. 4, 9).

Точные аналогии таким привескам неизвестны, хотя в западнокобанских древностях встречены сильно стилизованные изображения животных, включающие сферическую или коническую подставочку (Алексеева, 1971, табл. 7а, 7; Козенкова, 1998. Табл. XII, 14, 29). Некоторые из них трактованы В. И. Козенковой как «модель женской груди» (1998. С. 45. Табл. XII, 29; Она же, 1989, табл.; Она же, 1989. Табл. XXI, 20; Иессен, 1951. Рис. 22). Это достаточно ранние предметы, так как комплексы с ними (Кяфарский и Верхнебаксанский клады) вполне можно датировать первыми веками I тыс. до н. э. Возможно, типологически они предшествуют нашим привескам со сферической подставкой.

3. В отдельный тип можно выделить привески с изображением барана, лучший образец которых был обнаружен в «тайнике» при погребальной яме 5 (Рис. 3, 1). Это фигурка барана, задние и передние ноги которого заменены двумя петлями, еще по одной петле помещено сзади и на спине, возле шеи. К верхней из задних петель прикреплены две цепочки. Спина была украшена 4 окружностями или, возможно, двумя спиралями. Подобный декор мы видим на упомянутой выше зооморфной подвеске из Ларилари (Чартолани, 1968. Табл. III, 4). Найдены и другие аналогичные фрагментированные скульптурки – одна при наших работах (Рис. 4, 6), три (судя по рисункам) – в ходе работ Г. К. и С. М. Шамба (Рис. 1, 14–16). В Ларилари обнаружены две типологически близкие подвески в виде баранов, округлые тулова которых были украшены орнаментом, снизу туловищ помещались 4 петли, а одна петля – сверху (Чартолани, 1968. Табл. III, 6; Он же, 1989. Рис. 15).

4. Особенно выделяется массивная подвеска (с остатками цепочки) с двумя противоположными головами баранов (Рис. 4, 4), также обнаруженная в «тайнике» погребальной ямы 5. Композиционно и стилистически она сближается с обнаруженным ранее навершием в виде двойной стилизованной бараньей головки (головы, обращенные в различные стороны), связываемом публикаторами находки с дольменной культурой эпохи средней бронзы (Шамба, Шамба, 1990. С. 39. Рис. 23, 1). Разница в том, что у ранее опубликованного предмета

отверстие расположено вертикально, что и позволяет ему быть наверху, а у нашей находки оно расположено горизонтально. Исследователи сблизили его с наверхуями из азантского и эшерского (второй слой) дольменов. Отметим, впрочем, что наверхуие из второго слоя эшерских дольменов типологически иное и имеет выделенную втулку (Куфтин, 1940. Рис. 3). Несколько более близкая аналогия известна также из эшерских дольменов, но там она найдена не в комплексе (Джапаридзе, 1959. С. 33; Воронов, 1969. С. 30). И, наконец, типологически близкое наверхуие найдено в центральном круге второго кромлеха в Нижней Эшере (Шамба, 1974. С. 16. Табл. XXV, 4), но и там, как известно, весь материал перемешан (Скаков, Джопуа, 2013. С. 12–13). При этом наша подвеска была обнаружена в комплексе, вряд ли выходящем за пределы IV в. до н. э. Если мы сомневаемся в датировке старой находки, мы можем отметить, что ничего не указывает на наличие в материалах Джантухского могильника, опубликованных его первыми исследователями, предметов ранее рубежа VIII–VII вв. до н. э. (Скаков и др., 2013. С. 23–25). Вероятно, мы можем относить такие наверхуия или подвески без выделенной втулки, все же, не к среднему слою дольменов, а к эпохе раннего железа, хотя такое сходство разновременных предметов указывает, как минимум, на преемственность населения на данной территории.

Кроме того, аналогичная подвеска (?) с направленными в противоположные стороны головами животных найдена на культовой площадке могильника Нигвзиани (Микеладзе, 1985. Табл. XXXIII, 17). Еще одна сходная подвеска, где вместо бараньих головок помещены головы «ушастых» птичек, происходит из Чегемского ущелья (Миллер, 1888. Табл. XXI, 3). Подвеска из двух соединенных друг с другом бараньих (?) головок, обращенных в разные стороны, известна из погребальной ямы № 2 могильника Цаиши (Papuashvili, 2012, fig. 4). Стилистически однотипная подвеска с головами животных происходит из погребальной ямы 3 могильника Уреки (Микеладзе, 1985. Табл. XIII, 12). В свою очередь, к ним, вероятно, восходят хорошо известные в колхидских могиль-

никах аналогичные железные привески (Там же. Табл. XIII, 23–26, 28, 29).

5. В отдельную группу могут быть выделены изображения птиц, достаточно разнообразны. Это, в первую очередь, привеска – великолепная и богато орнаментированная фигурка птицы (видимо, водоплавающей) на двух лапках с петлей на спинке (Рис. 4, 1). К этой скульптурке примыкает еще одно произведение древнего искусства – фибула редкого типа, с орнаментированной дугой и приемником, у которой по верху дуги проходит ряд из восьми петель. К каждой петле была прикреплена миниатюрная орнаментированная подвеска в виде водоплавающей птицы (три сохранились на фибуле, еще две, более поврежденные, были обнаружены в ходе работ) (Рис. 3, 3; 5, 19). Типологически подвески к фибуле в упрощенном виде повторяют привеску в виде птички на двух лапках. Аналогичная подвеска, в еще более упрощенном виде, была найдена в погребальной яме 3 (Рис. 6, 4).

Обнаруженная фибула имеет всего три аналогии (Скаков, 2008. С. 95. Рис. 6, 15, 17). Ближайшей является фибула из расположенного недалеко могильника Ларилари (Чартолани, 1968. Табл. III, 8), о сходстве материалов которого с находками из Джантуха мы уже неоднократно писали (Скаков, 2007). Фибулы практически одинаковы, отличается только сохранность (экземпляр из Ларилари сохранился полностью) и число колец для крепления подвесок-птичек: у нашей их 8, у лариларской – 9 (Sulava, 2011, tab. 28, 329). Н. Сулава относит фибулу из Ларилари к варианту III5d и связывает ее с внешним влиянием (Sulava, 2011, p. 234; Сулава, 2006. С. 85, 99). Еще одна аналогичная фибула с кольцами (вероятно, семью) на дужке, имеющей утолщения по краям, известна из коллекции Сухумского музея (Архив ИИМК РАН, фонд № 76, № 80, лист 1). Третья фибула была обнаружена на поселении Бамборская поляна, в достаточно богатом погребальном комплексе, датированном авторами раскопок VII–VI вв. до н. э. (Бжания и др., 1982. С. 13. Рис. 11, 3). Но это более упрощенный и, вероятно, более ранний вариант, практически лишенный орнамента, без подвесок-птичек (Sulava, 2011, p. 236. Рис. 40). Отдален-

ное сходство с этими фибулами из Джантуха и Ларилари про-
являет экземпляр другого типа (вариант III8m по Н. Сулава),
имеющий также отверстия в дужке для крепления подвесок и
происходящий, предположительно, из района Гудауты (Sulava,
2011, p. 235, tab. 36, 463)⁵.

6. Встречаются и типологически иные изображения птиц.
Во-первых, это столь распространенные по всему кобано-кол-
хидскому ареалу привески в виде птички (Рис. 5, 5) с гори-
зонтально расположенным отверстием в груди, треугольным
хвостом и, как правило, с не сохранившимися у нашего экзем-
пляра «ушками» или «рогами», делающими мордочку изобра-
женного существа «собачьей или лисьей» (Козенкова, 1998. С.
43. Табл. XII, 19; Чшиев, 2005. С. 89).

Подвески в виде птичек найдены в погребении 7 могиль-
ника «Индустрия» 1 (Афанасьев, Козенкова, 1981. Рис. 5, 12),
комплексе из окрестностей Кисловодской мебельной фабрики
(Виноградов, Дударев, 1983. С. 12, 15. Рис. 1, 14, 16), Верхне-
баксанском кладе (Козенкова, 1989. Табл. XXI, 26), погребении
1952 г. под Нальчиком (Крупнов, 1960. Табл. V, 4–6), Лашку-
тинском могильнике (Батчаев, 1985. С. 12. Табл. 4,3), Заюково,
Каменномоетском (Крупнов, 1960. Табл. IV, 2), Хабазе (Козен-
кова, 1998. С. 43), Верхней Рутхе (Крупнов, 1960. С. 223. Табл.
XLI, 1–4, 7), Тлийском, Кобанском и Эльхотовском могильниках
(Чшиев, 2005. Рис. 2, 4–6), погребении 2 Пседахского могиль-
ника (Козенкова, 1986. С. 136, 152. Рис. 6, 7). В отличие от
других подобных подвесок, в частности, происходящих из по-
гребения 1 могильника Терезе, у этих экземпляров нет петель,
но есть отверстия в туловище птички (Козенкова, 1998. С. 43).
В. И. Козенкова датировала такие подвески X–VIII вв. до н. э.
или с конца II тыс. до рубежа VIII–VII вв. до н. э. (Козенкова,
1986. С. 152). Комплекс из могильника «Индустрия»-1 был
датирован не позднее первой половины VIII в. до н. э. (Афа-
насьев, Козенкова, 1981. С. 174), хотя столь ранняя датировка
и не кажется нам обоснованной. VIII в. до н. э. В. И. Козенкова
датировала и погребение 2 Пседахского могильника (1986. С.
154). В. Б. Виноградов и С. Л. Дударев также сочли, что «под-

⁵ Ранее, впрочем, Н. Сулава публиковала эту фибулу как происходящую из
Кяхети (Sulawa, 2005, Taf.5:16).

линное бытование данных артефактов ... не заходит дальше VII в. до н. э.» (1983. С. 15).

Аналогичная привеска была найдена в погребении 131 могильника Красный Маяк (Трапш, 1969. Табл. XXVII, 6) вместе с железными наконечниками копий с вытянутым лавролистным пером, что заставляет датировать этот комплекс VIII–VII вв. до н. э. Еще одна аналогичная подвеска-птичка была найдена в погребении 1970 г. на Холме Верещагина (Шамба, 1984. С. 51. Рис. 15, 4) вместе с орнаментированным топором подгруппы 4/2 второго хронологического периода, что позволяет датировать этот комплекс IX в. до н. э. Типологически близкая подвеска известна и из погребальной ямы № 2 могильника Торса Дгваба VIII в. до н. э. (Микеладзе и др., 1995. Табл. 56, 9), а также из погребальной ямы № 2 могильника Цаиши, предварительно датированной первой половиной VIII в. до н. э. (Paparashvili, 2012. P. 67, fig. 4).

В то же время, подвески данного типа бытуют и в более поздних комплексах. Это погребение 23 могильника № 2 Татарского городища V в. до н. э. (Кудрявцев и др., 2003. С. 23. Рис. 2, 9, 10; Прокопенко, 2014. С. 289. Рис. 30Ж, 1, 2, 217Б, 17, 18), склеп у Кабан-горы, датированный публикаторами «рубежом новой эры» и в дальнейшем удревненный до II–I или III–I вв. до н. э. (Виноградов, Рунич, 1969. С. 116, 117. Рис. 16, 83; Абрамова, 1993. Рис. 29, 53; Прокопенко, 2014. Рис. 85Б, 14, 217В, 19), погребение 40 Нижне-Джулатского могильника I в. до н. э. – I в. н. э. или III–I вв. до н. э. (Абрамова, 1972. С. 28, 53. Рис. 4, 76; Абрамова, 1993. Рис. 29, 54; Прокопенко, 2014. Рис. 309, 30). Очевидно, что использоваться в качестве хронологического индикатора эти долго живущие изделия не могут.

7. Разнообразны фигурки птичек, видимо, в своем большинстве, также водоплавающих, с петлей на спинке (Рис. 5, 4, 6, 2) или на груди (Рис. 5, 20). Они могут быть ажурными и полыми внутри (Рис. 5, 8), этот тип был хорошо представлен в материалах Г. К. и С. М. Шамба (Рис. 1, 28–34). Типологически близкая подвеска обнаружена среди датированных автором раскопок VI–IV вв. до н. э. материалов кремационного могильника Ларилари в Сванетии (Чартолани, 1968. Табл. III, 5). Подвеска в

виде водоплавающей птички с петлей на груди известна в погребальной яме № 2 колхидского могильника Торса Дгваба (Микеладзе и др, 1995. Табл. 56, 4). Аналогии полым фигуркам птиц хорошо представлены в кобанских и колхидских памятниках, при этом на Северном Кавказе они относительно редки и могут считаться закавказским импортом. Обнаружены такие подвески в погребении 81 могильника Клинь-Яр III, датированном публикаторами (по архаичному акинаку и наконечникам стрел) не позднее VII в. до н. э. (серебряная; Флеров, Дубовская, 1993. С. 267, 280, рис.5, 8), кургане 3 могильника Нартан (Батчаев, 1985. С. 22. Табл. 14, 16; Прокопенко, 2014. Рис. 13, 16), датированном первоначально V в. до н. э., а затем удревненном до около 550/530–480 гг. до н. э. или даже первой половины VI в. до н. э. (Батчаев, 1985. С. 52; Махортых, 1991. С. 79; Алексеев, 2003. С. 108).

Авторы публикации подвески из Клинь-Яра, не приводя аналогий, отметили ее закавказское происхождение, как и найденной в этом же погребении бронзовой цепочки (Флеров, Дубовская, 1993. С. 280). Напротив, В. Е. Маслов, ошибочно, по нашему мнению, отнес подвеску из Клинь-Яра к восточнозакавказскому импорту, не приводя каких-либо аналогий (2006. С. 81)⁶. Восточнозакавказские подвески-птички, на наш взгляд, в своем большинстве типологически иные, их тулово не является округлым, отличается и его декор (см., к примеру, Майсурадзе, Инанишвили, 2004. Рис. 6, 1). Тем не менее, как представляется, кобано-колхидские подвески-птички восходят все же к восточнозакавказским прототипам. Только в Восточном Закавказье можно проследить их типологическое развитие, выделить целый ряд связанных друг с другом типов. Один из этих типов, с более округлым чуть раздутым туловом, небольшой головкой и вытянутыми семячковидными прорезями обнаруживает заметное типологическое сходство с нашими подвесками-птичками. В частности, подвеска такого типа обнаружена в погребении 12 Ка-

⁶ По досадному недоразумению В. Е. Маслов пишет о находке такой же подвески в одной из гробниц могильника Терезе. Как установлено, фотография подвески из Клинь-Яра ошибочно попала в издание материалов некрополя Терезе (Козенкова, 2004, фото 3).

лакентского могильника (Nagel, Strommenger, 1985. Taf. 59, 13, 14).

Аналогичные подвески в виде птичек известны из Чегемского ущелья (Миллер, 1888. Табл. XXV, 66), кургана в Карабашево (Любин, 1964. С. 254, 255. Рис. 1, 9), могильника Гастон Уота в Дигории (Мошинский, 2006. Рис. 27, 14)⁷. Похоже, что еще одна полая фигурка птички обнаружена в гробнице, раскопанной А. П. Глушковым на ул. Орджоникидзе в Ставрополе в 1965 г. (Прокопенко, 2014. С. 290. Рис. 90Е, 18). Две несколько отличающиеся типологически птероморфные (условно можно их так назвать) подвески происходят из погребения 2 1994 г. могильника «Лермонтовская скала (у реки)», датированного публикаторами второй половиной VII – VI вв. до н. э. (Березин, Дударев, 1998. С. 171, 180, 182. Рис. 16). Типологически близкая, но фрагментированная (головка птички отломана, корпус также поврежден) подвеска в 1933 г. была случайно обнаружена в Гунделене, вместе с крестовидной подвеской (Нальчикский музей, № 2531). Туловище птички украшено линейным орнаментом и двумя рядами волны, что сближает ее с одной из подвесок Джантухского могильника (Шамба, Шамба, 1990. Рис. 23, 30). Таким образом, вполне правомерно считать подвески из Клин-Яра, Гунделена, Чегемского ущелья и Гастон Уота импортом с территории Джантухско-Лариларского варианта Ингури-Рионской колхидской культуры. Еще одна также фрагментированная подвеска в виде птички, аналогичная этим по форме, но несколько менее стилизованная, известна среди случайных находок в районе школы села Эшера (Архив ИИМК, фонд № 76, дело № 80, л. 52).

Встречены и изображения не водоплавающих птиц: одно из них сильно оплавлено в огне и, по сути, сохранило только общие очертания и петлю на спине (Рис. 2, 1), а второе (из фондов АГМ, относится к случайным находкам на могильнике) с горизонтально расположенным крупным отверстием в маленьком тулове напоминает кричащего (задрал голову вверх) птенца и отличается раздвоенным хвостиком (Рис. 1, 27). Практически аналогичная фигурка имела и среди находок

⁷ Мы не можем согласиться с А.П. Мошинским, предполагающим, что эта подвеска изображает зооморфный сосуд (2006. С. 46).

Г. К. и С. М. Шамба, которые (Шамба, 1984. С. 44) сравнили ее с «поющим соловьем» (Рис. 1, 38). Среди старых находок, опубликованных Г. К. и С. М. Шамба, имелись и другие скульптурные изображения птиц – «парящего в небе орла» (Рис. 1, 37), «занятых едой» четырех голубей (Рис. 1, 26).

Упомянутое выше изображение птицы с петлей на спине (Рис. 2, 1) сближается с другим предположительно птероморфным и также оплавленным изделием (Рис. 6, 2). Состояние их сохранности не позволяет уверенно отнести эти изображения к тому или иному типу, но, похоже, ближайшими аналогиями для них являются хорошо известные в западнокобанском ареале подвески в виде птички с петлей на спинке, представленные, в частности, в гробнице 1 могильника Терезе (Козенкова, 2004. С. 126. Рис. 12, 4. Табл. 42, 9, 10, фото 3). Этот памятник был датирован В. И. Козенковой в рамках XI или конца XI – первой половины VIII вв. до н. э. (2004. С. 146, 147. Табл. V).

8. Еще одна группа зооморфных фигурок относится к достаточно реалистичным при всей своей схематичности изображениям стоящих животных – быков, баранов, собак и т. д. Среди наших находок мы имеем изображение стоящей «собаки» с петлей на спине и сильно выраженным поднятым хвостом (Рис. 5, 2), зверя («собаки» или кошачьего) с горизонтально расположенным отверстием под спиной (Рис. 4, 8), задней части животного (видимо, копытного) с опущенным длинным хвостом (Рис. 5, 3). Имеется также сильно оплавленное изображение стоящего животного (собаки или, скорее, кошачьего хищника) (Рис. 6, 1). Сходные изображения быков, «собак» (?) и баранов имелись и в коллекции Г. К. и С. М. Шамба (Рис. 1, 1–3). Там же присутствовало и очень необычное изображение «испуганного» зайца (Рис. 1, 35).

Близкие типологически подвески в виде скульптурных изображений животных хорошо представлены во всем кобано-колхидском ареале и не могут считаться ни хронологическим, ни культурным маркером.

9. Выделяется уплощенное изображение животного с поджатыми ногами, опубликованное ранее и не принадлежащее к комплексам (Рис. 1, 17; Шамба, Шамба, 1990. Рис. 8, 21). Неко-

торые стилистические аналогии оно находит в уникальной для Северного Кавказа пластинчатой пряжке в виде тура из погребения 3 Нижнечегемского могильника (Акритас, 1961. С. 184, 185, 192. Табл. II, 5), выполненной под явным воздействием скифского искусства, в бляшке из Ларилари (Чартолани, 1968. Табл. III, 9), а также в бляшке в виде тура или горного козла из погребения 8(11) могильника Гуадиху (Трапш, 1969. Табл. V, 3, 4).

Наконец, надо упомянуть фрагментированные предметы зооморфной пластики, в первую очередь, головы животных. Особенно выделяется качеством исполнения голова оленя (Рис. 5, 1), присутствуют также головы барана (Рис. 5, 10), «собаки» (Рис. 5, 18), быка (Рис. 4, 7), стилизованного неопределимого животного с вытянутой шеей (Рис. 5, 9). Некоторая часть фрагментированных изображений не может быть соотнесена с определенным животным и к предметам зооморфной пластики отнесена нами условно (Рис. 4, 2; 5, 21, 6, 3).

Таким образом, бронзовая зооморфная пластика могильника Джантух представляет собой достаточно оригинальное и заметное явление. Наряду со сравнительно немногочисленными образцами скульптурной пластики, общими для всего кобано-колхидского ареала, здесь встречены как локальные, «колхидские» типы, так и местные, чисто «джантухские», неизвестные в других памятниках региона. К таким «местным» типам относятся, в первую очередь, привески – скульптурные изображения лежащего животного с повернутой вбок головой, а также привески с петлей, представляющие собой голову неопределимого полностью стилизованного животного на сферической выпуклой подставочке. К локальным «колхидским» типам можно отнести привески в виде барана с несколькими петлями для крепления цепочек и привески (обычно полые) в виде водоплавающей птицы с петлей на спине или на груди. Наконец, к общим кобано-колхидским типам принадлежат привески в виде птички с треугольным хвостом и отверстием в тулове, в виде противостоящих голов животных, в виде птицы (не водоплавающей) с петлей на спине, уплощенное изображение животного с поджатыми ногами, «реалистические»

изображения животных. Не менее показательно достаточно странное полное отсутствие в джантухских материалах столь излюбленных в западнокобанских древностях подвесок на пронизи-втулке (с цилиндрической трубочкой-каналом) (Козенкова, 1998. С. 40–41). И это при том, что интенсивный характер связей местного населения с западнокобанскими племенами не вызывает сомнений, что хорошо прослеживается по другим категориям инвентаря. Обращает на себя еще одна особенность: за исключением единичных общих кобано-колхидских типов, зооморфная пластика Джантуха практически не обнаруживает аналогий с пластикой Бзыбской Абхазии (бзыбской колхидской культуры), прекрасно представленной в кладе из Бамборской поляны. При этом, однако, количество аналогий с могильниками Центральной Колхиды также немногочисленно, но это может быть объяснено хронологическими различиями.

Отметим также, что бронзовая зооморфная пластика Западного Закавказья до сих пор остается малоизученным явлением. В большинстве случаев мы не можем уверенно утверждать, является ли тот или иной тип «кобано-колхидским» (т. е. характерным для, по крайней мере, значительной части кобано-колхидского ареала), «общеколхидским» или свойственным для какого-то локального региона или группы памятников. Отметим в этой связи практически полную параллель: находки в погребальной яме № 2 могильника Торса Дгваба и в погребении 23 могильника Красный Маяк подвесок в виде трех голубей, сидящих в ряд на кольце (Микеладзе и др, 1995. Табл. 56, 6; Трапш, 1969. С. 99. Табл. VII, 20). Учитывая слабую представленность бронзовой зооморфной пластики в памятниках Бзыбской Абхазии, подвеску из Красного Маяка можно, видимо, считать импортом из более южных районов, из Центральной Колхиды.

Достаточно редкой для Абхазии является находка золотого зооморфного украшения. В 2012 г. при исследовании ритуально-поминальной вымостки VI–II вв. до н. э. при разборке камней была обнаружена полая золотая подвеска в виде лежащего барана, богато украшенная зернью (Рис. 6, 5). Извест-

ные аналогии позволяют датировать подвеску, являвшуюся, вероятно, частью ожерелья, в рамках V–IV вв. до н. э. Скульптурные изображения лежащих животных хорошо известны в колхидском ювелирном искусстве (Вани, погребения 6 и 24; Уляпский курган № 4; Курджипский курган и т. д.), особенно близкой аналогией являются подвески в виде бараньих головок в ожерелье из погребения 11 в Вани, датируемого серединой – второй половиной V в. до н. э. (Лордкипанидзе, 1972. С. 48. Илл. 193; MedeasGold, 2007, s. 114). Кроме того, практически одинаковые золотые подвески в виде бараньих головок известны в погребении 42 Красномаякского могильника в г. Сухум и в погребении 2 в Ачандаре (Трапш, 1969. Табл. XXXIX, 15, 18; Скаков, Джопуа, 2004. С. 32. Рис. 2, 2, 5). Отметим и ожерелье с золотыми подвесками в виде бараньих головок из погребения 5 в Саирхе, датированного второй половиной V в. до н. э. (Надирадзе, 1990. С. 32. Табл. II, 2).

Наконец, остановимся на единичном образце глиняной птероморфной пластики. В 2012 г. в погребальной яме 7 (квадрат Д-5, отчет за 2013 г., № 425) была найдена глиняная сильно стилизованная скульптура, представляющая собой изображение птицы, причем для передачи этого образа использованы минимальные технические средства, выделившие, соответственно, хвостовую и переднюю части путем создания уплощенных под различным углом поверхностей (Рис. 6, б). Скульптурное изображение помещено на округлую в сечении наклонную подставку, украшенную с двух сторон линейным орнаментом. Технологически изделие полностью соответствует местной керамической традиции, имеет красно-коричневый цвет и лощение. Изделие можно трактовать только как налеп, украшавший плечевой пояс сосуда. На территории Западного Закавказья никаких аналогов этот предмет не имеет.

Ближайшей, хотя и не прямой аналогией являются скульптурные налепы в виде птиц, украшавшие корчаги из кургана № 7 могильника Новозаведенное-II, датированного второй половиной VII – началом VI вв. до н. э. (Петренко и др., 2004. С. 185, 190. Рис. 7, 7, 8; Маслов, 2006. С. 83. Рис. 5, 6, 7, 8). Публикаторы, в свою очередь, в качестве аналогий им приводят

налепы на сосуде из кургана 3 Мингечаурского могильника в Азербайджане. Казалось бы, прослеживаемая связь выглядит неправдоподобно. В этой связи напомним о находке на соседнем участке могильника Джантух (квадрат Ж-6), над ритуально-поминальной вымошкой, птероморфного сосуда, не только находящего единичные аналогии в памятниках Центрального Кавказа, но и обнаруживающего явную близость к керамике Восточного Закавказья (Скаков, Джопуа, 2013а. С. 15. Рис. 3, 5; они же, 2014. С. 198. Рис. 1, 1). Вряд ли эти аналогии можно считать случайными. При этом обе керамические формы, безусловно, изготовлены на месте и не являются импортом. Речь может идти только об инокультурном воздействии, импульсах, вероятно, опосредованных, через Центральное Предкавказье. Считать, что данные керамические формы, как и некоторые другие, обнаруженные в Центральном Предкавказье, имеют албанское происхождение (Прокопенко, 2014. С. 416–417), у нас нет оснований.

Каталог зооморфной пластики могильника Джантух из раскопок А. Ю. Скакова и А. И. Джопуа

1. Пряжка фрагментированная с изображением лежащего хищника (Рис. 2, 4) – погребальная яма 6, нижний ярус, Раскоп 1, квадрат А-2 (Отчет за 2008 г., № 1841).
2. Бляшка в виде фигурки лежащего хищника (Рис. 2, 2) – погребальная яма 6, верхний ярус, Раскоп 1, квадрат Г-2 (Отчет за 2007 г., № 77).
3. Фрагмент подвески – голова оленя (Рис. 5, 1) – погребальная яма 3, Раскоп 1, квадрат Б-2 (Отчет за 2006 г., № 2).
4. Фрагмент подвески – голова барана (Рис. 5, 10) – погребальная яма 3, Раскоп 1, квадрат Г-2 (Отчет за 2007 г., № 37).
5. Фрагмент подвески (?) в виде головы животного (Рис. 5, 9) – погребальная яма 3, Раскоп 1, квадрат В-1 (Отчет за 2006 г., № 314).
6. Фрагмент подвески – задняя часть стоящего животного (собаки?) (Рис. 5, 3) – погребальная яма 3, Раскоп 1, квадрат Г-2 (Отчет за 2007 г., № 38).

7. Зооморфная подвеска (собака) (Рис. 5, 2) – погребальная яма 3, Раскоп 1, квадрат В-3 (Отчет за 2006 г., № 293).
8. Подвеска в виде птицы (Рис. 4, 1) – погребальная яма 3, Раскоп 1, квадрат А-1 (Отчет за 2008 г., № 1831).
9. Подвеска в виде птицы (Рис. 5, 8) – погребальная яма 3, Раскоп 1, квадрат Б-1 (Отчет за 2007 г., № 145).
10. Фрагментированная подвеска в виде птицы (Рис. 5, 5) – погребальная яма 3, Раскоп 1, квадрат Б-3 (Отчет за 2007 г., № 68).
11. Подвеска в виде лежащего животного (Рис. 5, 14) – погребальная яма 3, Раскоп 1, сборы (Отчет за 2008 г., № 1820).
12. Подвеска в виде лежащего животного (кошачьего) с повернутой вбок головой (Рис. 5, 11) – погребальная яма 3, Раскоп 1, квадрат Г-1 (Отчет за 2007 г., № 4).
13. Фрагментированная подвеска в виде лежащего животного с повернутой вбок головой (Рис. 5, 12) – погребальная яма 3, Раскоп 1, квадрат Г-3 (Отчет за 2007 г., № 73).
14. Зооморфная стилизованная подвеска (Рис. 5, 6) – погребальная яма 3, Раскоп 1, квадрат В-3 (Отчет за 2006 г., № 294).
15. Фрагментированная зооморфная стилизованная подвеска (Рис. 5, 7) – погребальная яма 3, Раскоп 1, квадрат В-1 (Отчет за 2006 г., № 306).
16. Фрагмент зооморфной (?) подвески (Рис. 4, 10) – погребальная яма 3, Раскоп 1, квадрат Б-2 (Отчет за 2006 г., № 288).
17. Подвеска в виде птички с отломанной петлей (Рис. 5, 4) – погребальная яма 4, Раскоп 2, квадрат Г-2 (Отчет за 2006 г., № 303).
18. Подвеска в виде лежащего (?) животного, голова не сохранилась (Рис. 5, 13) – погребальная яма 5, Раскоп 2, квадрат А-3 (Отчет за 2008 г., № 1825).
19. Фрагмент подвески в виде лежащего животного с повернутой головой (Рис. 5, 15) – погребальная яма 5, Раскоп 2, квадрат А-1 (Отчет за 2008 г., № 1827).
20. Фрагмент подвески в виде лежащего (?) животного (Рис.

- 5, 16) – погребальная яма 5, Раскоп 2, сборы (Отчет за 2009 г., № 843).
21. Фрагмент подвески (?) в виде лежащего животного (Рис. 5, 17) – погребальная яма 5, Раскоп 2, сборы (Отчет за 2009 г., № 844).
 22. Фрагмент фигурки барана (голова с рогами) (Рис. 5, 19) – погребальная яма 5, Раскоп 2, квадрат А-4 (Отчет за 2008 г., № 1822).
 23. Фрагмент фигурки собаки (?) (голова) (Рис. 5,18) – погребальная яма 5, Раскоп 2, квадрат А-3 (Отчет за 2008 г., № 1049).
 24. Фрагмент фигурки птицы (?) (Рис. 5, 21) – погребальная яма 5, Раскоп 2, квадрат А-3 (Отчет за 2008 г., № 1047).
 25. Подвеска в виде птицы (Рис. 5, 20) – погребальная яма 5, Раскоп 2, квадрат В-4 (Отчет за 2009 г., № 842).
 26. Фрагмент подвески (?) в виде стилизованного животного (Рис. 4, 9) – погребальная яма 5, Раскоп 2, квадрат Б-3 (Отчет за 2006 г., № 253).
 27. Подвеска в виде фигурки барана с двумя цепочками (Рис. 3, 1) – погребальная яма 5, «тайник» (Находка 2011 г., Отчет за 2012 г., № 131).
 28. Подвеска в виде двух голов барана с кольцом от цепочки (Рис. 4, 4) – погребальная яма 5, «тайник» (Находка 2011 г., Отчет за 2012 г., № 132).
 29. Фибула с тремя (изначально было 8) подвесками в виде птичек на дужке (Рис. 2, 3) – погребальная яма 5, «тайник» (Находка 2011 г., Отчет за 2012 г., № 366).
 30. Подвеска в виде фигурки лежащего животного (кошачьего?) с повернутой вбок головой (Рис. 4, 3) – погребальная яма 7, Раскоп 2, квадрат Д-5 (Отчет за 2012 г., № 118).
 31. Подвеска в виде фигурки лани с повернутой вбок головой (Рис. 4, 5) – погребальная яма 7, Раскоп 2, квадрат Г-5 (Отчет за 2010 г., № 310).
 32. Подвеска в виде фигурки лежащего животного (кошачьего?) с повернутой вбок головой (Рис. 3, 2) – погребальная яма 7, Раскоп 2, квадрат Г-6 (Отчет за 2012 г., № 126).
 33. Подвеска в виде фигурки лежащего животного (кошачье-

- го?) с повернутой вбок головой (Рис. 3, 3) – погребальная яма 7, Раскоп 2, квадрат Д-5 (Отчет за 2012 г., № 371).
34. Подвеска в виде фигурки стоящего животного (Рис. 4, 8) – погребальная яма 7, Раскоп 2, квадрат Д-6 (Отчет за 2012 г., № 385).
 35. Фрагментированная подвеска в виде барана (Рис. 4, 6) – погребальная яма 7, Раскоп 2, квадрат Г-5 (Отчет за 2010 г., № 311).
 36. Фрагмент подвески – голова быка (Рис. 4, 7) – погребальная яма 7, Раскоп 2, квадрат Е-5 (Отчет за 2012 г., № 9).
 37. Фрагмент стилизованной зооморфной (?) подвески (?) (Рис. 4, 2) – погребальная яма 7, Раскоп 2, квадрат Г-5 (Отчет за 2010 г., № 312).
 38. Золотая фигурка барана (Рис. 6, 5) – погребальная яма 7, Раскоп 2, квадрат Д-5 (Отчет за 2012 г., № 119).
 39. Подвеска в виде птицы, оплавленная (Рис. 2, 1) – ритуально-поминальная вымостка, Раскоп 2, квадрат Е-7 (Находка 2012 г., Отчет за 2013 г., № 428).
 40. Птероморфная (?) оплавленная подвеска (Рис. 6, 2) – погребальная яма 3, Раскоп 1, подъемка (Отчет 2014 г., № 13).
 41. Зооморфное скульптурное изображение (Рис. 6, 1) – погребальная яма 3, Раскоп 1, подъемка (Отчет 2014 г., № 113).
 42. Фрагмент птероморфной подвески (Рис. 6, 4) – погребальная яма 3, Раскоп 1, подъемка (Отчет 2014 г., № 149).
 43. Фрагмент изделия (навершия?) в виде головы животного (Рис. 6, 3) – погребальная яма 3, Раскоп 1, подъемка (Отчет 2014 г., № 54).

ЛИТЕРАТУРА

1. Акритас П. Г. Археологическое исследование Чегемского ущелья в 1959 году (из научного отчета) // Сборник статей по истории Кабардино-Балкарии. Вып.9. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1961. С. 177–192.

2. Алексеев А. Ю. Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н. э. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2003.
3. Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачево-Черкесии. (Вопросы этнического и социально-экономического развития). М.: Наука, 1971.
4. Апакидзе А. М., Николайшвили В. В., Сихуралидзе А. Н., Мелитаури К. Н., Гагошидзе Ю. Г., Хецуриани Д. Г., Гиунашвили Г. Д., Манджгаладзе Г. Н., Нариманишвили Г. К., Давлианидзе Р. В., Садрадзе В. Г., Глonti Н. В., Иремашвили Ш. А. Археологические раскопки в Мцхета и ее округе // ПАИ в 1984–1985 гг. Краткие сообщения. Тбилиси: Мецниереба, 1987. С. 47–51.
5. Афанасьев Г. Е., Козенкова В. И. О неизвестных погребальных комплексах предскифского периода из окрестностей Кисловодска // СА. № 1. 1981. С. 161–177.
6. Барамидзе М. В., Пхакадзе Г. Г., Квирквелия Г. Т., Квициния В. К. Археологические разведки в Абхазской АССР // ПАИ в 1976 году. Тбилиси: Мецниереба, 1979. С. 77–82.
7. Батчаев В. М. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Том 2. Нальчик: Эльбрус, 1985. С. 7–115.
8. Березин Я. Б., Дударев С. Л. Могильник «Лермонтовская скала (у реки)» – памятник раннего железного века Пятигорья // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. I. Археология. Ставрополь, 1998. С. 167–209.
9. Бжания В. В., Кобахия Б. С., Хибба З. А. Охранные раскопки Кистрика // Археологические открытия 1980 года в Абхазии. Тбилиси: Мецниереба, 1982. С. 12–14.
10. Бжания В. В., Бжания Д. С., Хондзия З. Г., Агумаа А. С. Погребальный комплекс Осиа-рху в селе Куланурхуа. // Абхазоведение. История. Археология. Этнология. Вып. III. Сухум, 2004. С. 30–39. 11.
11. Виноградов В. Б., Дударев С. Л. О хронологии некоторых памятников и комплексов начала I тысячелетия до н. э. из

- Карачаево-Черкесии и Пятигорья // Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии (материальная и духовная культура, вып.2). Черкесск, 1983. С. 7–17.
12. Виноградов В. Б., Рунич А. П. Новые данные по археологии Северного Кавказа // Археолого-этнографический сборник. Том III. Грозный, 1969. С. 95–137.
 13. Воронов Ю.Н. Археологическая карта Абхазии. – Сухуми: Алашара, 1969.
 14. Воронов Ю.Н., Вознюк А. С. Новые археологические находки в Гудаутском районе Абхазской АССР. // СА. 1975. № 2. С. 268–274.
 15. Воронов Ю. Н., Гунба М. М. Новые памятники колхидской культуры в Абхазии. // СА. 1978. № 2. С. 257–264.
 16. Гвоздецкий Н. А. Физическая география Кавказа. Курс лекций. Вып. I. Общая часть. Большой Кавказ. М.: Издательство Московского университета, 1954.
 17. Гунба М. М. Погребение эпохи поздней бронзы из с. Ачадара. // Известия АБИЯЛИ. Т.VII. Тбилиси: Мецниереба, 1978. С. 174–177.
 18. Джапаридзе О. Дольменная культура в Грузии (результаты Абхазской археологической экспедиции за 1955–1956 гг.) // Труды ТГУ. Том 77. Тбилиси, 1959. На груз. яз.
 19. Доманский Я. В. Древняя художественная бронза Кавказа в собрании Государственного Эрмитажа. М.: Искусство, 1984.
 20. Иващенко М. М. Исследование архаических памятников материальной культуры в Абхазии // Известия НИИ кавказоведения. Вып. 3. Тифлис, 1935.
 21. Иессен А. А. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. МИА. № 23. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1951. С. 75–124.
 22. Козенкова В. И. Пседахский могильник кобанской культуры (по раскопкам 1976–1977 гг.) // Новое в археологии Северного Кавказа. М.: Наука, 1986. С. 134–158.

23. Козенкова В. И. Кобанская культура. Западный вариант // САИ. Вып. В2-5. М.: Наука, 1989.
24. Козенкова В. И. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (Систематизация и хронология). Западный вариант // САИ. Вып. В2-5. М., 1995.
25. Козенкова В. И. Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант // САИ. Вып. В2-5. М., 1998.
26. Козенкова В. И. Биритуализм в погребальном обряде древних «кобанцев». Могильник Терезе конца XII–VIII в. до н. э. // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. V. М.: Памятники исторической мысли, 2004.
27. Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М.: Издательство Академии наук СССР, 1960.
28. Кудрявцев А. А., Прокопенко Ю. А., Черкасов В. Н. Итоги изучения кургана № 2 могильника № 2 Татарского городища // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: VI «Минаевские чтения» по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа. Тезисы докладов межрегиональной научной конференции (г. Ставрополь, 24–26 апреля 2003 г.). Ставрополь, 2003. С. 18–32.
29. Куфтин Б. А. К вопросу о ранних стадиях бронзовой культуры на территории Грузии. // КСИИМК. Вып. VIII. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1940. С. 5–35.
30. Куфтин Б. А. Археологические раскопки в Триалети. I. Опыт периодизации памятников. Тбилиси: Издательство Академии наук Грузинской ССР, 1941.
31. Куфтин Б. А. Материалы к археологии Колхиды. Том I. Тбилиси: Техника да шрома, 1949.
32. Лордкипанидзе Отар. Ванское городище. (Раскопки. История. Проблемы). // Вани. Археологические раскопки 1947–1969. I. Тбилиси: Мецниереба, 1972. С. 43–80.
33. Лукин А. Л. Материалы по археологии Бзыбской Абхазии. // ТОИПКГЭ. Т.1. Л.: ГЭ, 1941.
34. Любин В. П. Находки скифской эпохи в Карачаево-Черкессии // Труды Карачаево-Черкесского НИИ. Вып. IV (серия историческая). – Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1964. С. 253–261.

35. Майсурадзе В.Г., Инанишвили Г. В. Святилище Шилда, культовый памятник из Кахетии (Грузия). // РА. 2004. № 4. С. 38–51.
36. Маслов В. Е. К вопросу о формировании керамического комплекса раннескифского времени в Центральном Предкавказье. // РА. 2006. № 1. С. 79–87.
37. Махортых С. В. Скифы на Северном Кавказе. Киев: Наукова думка, 1991.
38. Миллер В. Ф. Терская область. Археологические экскурсии. // МАК. Вып. I. М., 1888.
39. Микеладзе Т.К. Колхидские могильники эпохи раннего железа (Урекский и Нигвзианский могильники). Тбилиси: Мецниереба, 1985. На груз. яз.
40. Микеладзе Т. К., Мигдисова Н. П., Папуашвили Р. П., Чубинишвили Н. Т. Колхидская экспедиция // Полевые археологические исследования в 1987 году. (Краткие сообщения). Тбилиси: Мецниереба, 1995. С. 39–43.
41. Мошинский А. П. Древности Горной Дигории. VII–IV вв. до н. э. Труды ГИМ. Вып. 154. М., 2006.
42. Надирадзе Д. Ш. Саирхе – древнейший город Грузии (к истории восточной провинции Колхиды I тысячелетия до н. э.). Тбилиси: Сакартвело, 1990. На груз. яз.
43. Петренко В. Г., Маслов В. Е., Канторович А. Р. Погребение знатной скифянки из могильника Новозаведенное-II (предварительная публикация) // Археологические памятники раннего железного века Юга России. МИАР. № 6. М., 2004. С. 179–210.
44. Прокопенко Ю. А. Скифы, сарматы и племена кобанской культуры в Центральном Предкавказье во второй половине I тыс. до н. э. Часть 1–2. Ставрополь, 2014.
45. Скаков А. Ю. Позднеколхидские памятники у перевалов Главного Кавказского хребта // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. Материалы Международной научной конференции. Часть II. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2007. С. 196–205.

46. Скаков А. Ю. Фибулы древней Колхиды: происхождение, типология, хронология // *Revista Arheologică* (Археологический журнал). Serie noua. Vol. IV. nr. 2. Chişinău (Кишинев), 2008. С. 74–99.
47. Скаков А. Ю. Некоторые проблемы истории Северо-западного Закавказья в эпоху поздней бронзы – раннего железа // *КСИА*. Вып. 223. М.: Наука, 2009. С. 143–172.
48. Скаков А. Ю. Археологические исследования в Абхазии // *Институт археологии: Новые полевые исследования*. М.: ИА РАН, 2010. С. 28–29.
48. Скаков А. Ю. О формировании и исторических судьбах Бзыбской колхидской культуры. // *Международная научная конференция «Археология, этнология, фольклористика Кавказа»*. Сборник кратких содержания докладов. Тбилиси. 25–27 июня 2009. Тбилиси: Меридиани, 2010а. С. 263–264.
49. Скаков А. Ю. Раскопки Джантухского могильника в Абхазии // *Вестник Российского гуманитарного научного фонда*. 2011. № 4 (65). С. 121–132.
50. Скаков А. Ю. Находки подражаний статорам Александра Македонского и Лисимаха в Западном Закавказье. // *Историко-археологический альманах*. Вып. 11. Армавир-Краснодар-М., 2012. С. 53–69.
51. Скаков А. Ю. Об одной группе поясных пряжек кобано-колхидской культурно-исторической общности // *Проблемы археологии Кавказа*. (Сборник группы по археологии Кавказа). Вып.1. М.: ТАУС, 2012а. С. 132–147.
52. Скаков А. Ю. О некоторых образах кобано-колхидского искусства: скульптурные изображения лежащего зверя и зооморфные свастики. // *Археологические Вести*. № 19. – СПб.: ООО «Дмитрий Буланин», 2013. С. 229–245.
53. Скаков А. Ю. Восточная Абхазия в эпоху раннего железа (по материалам новых исследований Джантухского могильника). // *Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани*. Том II. Казань, 2014. С. 169–172.
54. Скаков А. Ю. Ткуарчалская археологическая экспедиция. // *Научные экспедиции РГНФ*. М.: РГНФ, 2014. С. 365–366.

55. Скаков А.Ю., Джопуа А.И. Комплексы второй половины V–IV вв. до н. э. с бронзовыми «эгретками» из Абхазии. // Боспорские исследования. Вып.VII. Симферополь-Керчь, 2004. С. 27–46.
56. Скаков А. Ю., Джопуа А.И. Исследования совместной археологической экспедиции ИА РАН и АБИГИ на территории Абхазии в 2002–2005 гг. // Первая Абхазская международная археологическая конференция. Сухум, 2006. С. 82–85.
57. Скаков А. Ю., Джопуа А. И. Джантухский могильник – памятник локального варианта Ингури-Рионской колхидской культуры // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Владикавказ, 2008. С. 345–347.
58. Скаков А. Ю., Джопуа А. И. Джантухский могильник в контексте древней истории Колхиды: новые исследования // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда. Том II. М.: Институт археологии РАН, 2008а. С. 69–72.
59. Скаков А. Ю., Джопуа А. И. Джантухский могильник эпохи раннего железа в Абхазии // Кавказ. Археология и этнология. Материалы Международной научной конференции. Баку, 2009. С. 173–177.
60. Скаков А. Ю., Джопуа А. И. Раскопки на горе Джантух // АО 2006 г. М.: Наука, 2009а. С. 724–726.
61. Скаков А. Ю., Джопуа А. И. Древнейшие погребения Джантухского могильника // Историко-археологический альманах. Вып. 9. Армавир-Краснодар-Москва, 2009б. С. 17–27.
62. Скаков А. Ю., Джопуа А. И. Исследования на горе Джантух // АО 2007 г. М.: Языки славянской культуры, 2010. С. 565–567.
63. Скаков А. Ю., Джопуа А. И. Древнейшие погребения Джантухского могильника // Абхазоведение. Археология. История. Этнология. Вып. V–VI. Сухум, 2011. С. 8–26.

64. Скаков А. Ю., Джопуа А. И. Джантухский могильник в Абхазии: новые открытия // Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа. Вторая Абхазская Международная археологическая конференция (8–12 ноября 2008 г.). Посвящена памяти М. М. Трапш. Материалы конференции. Сухум: АБИГИ, 2011а. С. 132–147.
65. Скаков А. Ю., Джопуа А. И. Исследования Джантухского могильника // АО 2008 г. М.: ИА РАН, 2011б. С. 532–533.
66. Скаков А. Ю., Джопуа А. И. Джантухский могильник эпохи раннего железа в Абхазии (предварительная публикация) // Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гущиной. Труды ГИМ. Вып.191. – М., 2012. С. 217–238.
67. Скаков А. Ю., Джопуа А. И. Новая находка золотого подражания статору Александра Македонского в Западном Закавказье // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XXVII «Крупновские чтения». Материалы Международной научной конференции. Махачкала: ИД «Мавраевъ», 2012а. С. 234–236.
68. Скаков А. Ю., Джопуа А. И. Культовая вымостка и «тайник»: неизвестные особенности колхидского погребального обряда на могильнике Джантух. // Шестая Международная Кубанская археологическая конференция. Материалы конференции. Краснодар: Экоинвест, 2013. С. 381–384.
69. Скаков А. Ю., Джопуа А. И. Новые исследования на Джантухском могильнике: 2010–2012 гг. Предварительное сообщение. // Абхазоведение. Археология. История. Этнология. Вып.VIII–IX. Сухум: АБИГИ, 2013а. С. 7–19.
70. Скаков А. Ю., Джопуа А. И. Керамический комплекс могильника Джантух // Е. И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Москва. 21–25 апреля 2014 г. М.: ИА РАН, 2014. С. 197–200.
71. Скаков А. Ю., Джопуа А. И., Цвинария И. И. Исследования в Абхазии // АО 2005 г. М.: Наука, 2007. С. 576–578.
72. Скаков А. Ю., Джопуа А. И., Козубова А. Открытия Г. К и С. М. Шамба на могильнике Джантух: новый взгляд на

- старые находки. // Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа. Материалы Третьей Абхазской международной археологической конференции, посвященной памяти Г. К. Шамба (28 ноября – 1 декабря 2011 года, г. Сухум). Сухум: 2013. С. 22–45.
73. Скаков А. Ю., Джопуа А. И., Козубова А. Раскопки могильника на горе Джантух // АО-2009. М.: ИА РАН, 2013а. С. 354–356.
 74. Техов Б. В. Тлийский могильник. Т. 1. Тбилиси: Мецниереба, 1980.
 75. Трапш М. М. Труды. Т. 2. Древний Сухуми. Сухуми: Алашара, 1969.
 76. Трапш М. М. Труды. Т. 1. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Абхазии. Сухуми: Алашара, 1970.
 77. Трапш М. М. Труды. Т.2. Древний Сухуми. Сухуми: Алашара, 1969.
 78. Флеров В. С., Дубовская О. Р. Мужские погребения кобанского могильника Клин-Яр III в г. Кисловодске // Вестник Шелкового пути. Археологические источники. Вып. 1. М., 1993. С. 262–303.
 79. Чартолани Ш. Лариларский могильник // Вопросы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока. Тбилиси, 1968. С. 300–318. На груз. языке.
 80. Чшиев Х. Т. К вопросу о семантике кобанских птицевидных привесок // МИАСК. Вып. 5. Армавир, 2005. С. 89–107.
 81. Шамба Г. К. Эшерские кромлехи. Сухуми: Алашара, 1974.
 82. Шамба Г. К. Раскопки древних памятников Абхазии. Сухуми: Алашара, 1984.
 83. Шамба Г. К., Шамба С. М. Археологические памятники верховьев реки Галидзга (Джантух). Тбилиси: Мецниереба, 1990.
 84. Archeologie compare. Europe orientale. Asie. Oceanie. Amerique. Catalogue sommaire illustre des collections du musee des antiquites nationales de Saint-Germain-en-Laye. 2. Paris, 1989.
 85. Medeas Gold. Neue Funde aus Georgien. Katalog zur Ausstellung des Georgischen Nationalmuseums, Tiflis und

- der Antikensammlung, Staatlichen Museen zu Berlin. Tiflis, 2007.
86. Nagel W., Strommenger E. Kalakent. Früheisenzeitliche Grabfunde aus dem transkaukasischen Gebiet von Kirovobad/Jelisavetopol. // BBV. 4. Berlin, 1985.
 87. Papuashvili Revaz. The Late Bronze / Early Iron Age burial grounds from Tsaishi // Austausch und Kulturkontakt im Südkaukasus und seinen Angrenzenden Regionen in der Spätbronze-/Früheisenzeit. Herausgegeben von Andreas Mehnert, Gundula Mehnert, Sabine Reinhold. Halle/Saale. Langenweißbach: Beier & Beran, 2012. S. 65–78.
 88. Saprykina I., Skakov A. Investigation of the chemical Composition of the colchian Gold Articles of 5-2 cc.b.c. from Dzhantuch burial Mound // XIX Colloque d'Archeometrie du GMPCA 22–26 avril 2013. Universite de Caen Basse-Normandie. France. P. 216–217.
 89. Alexander Skakov. Über die Formierung der Bzyb-Kolchis-Kultur. // Austausch und Kulturkontakt im Südkaukasus und seinen Angrenzenden Regionen in der Spätbronze-/Früheisenzeit. Herausgegeben von Andreas Mehnert, Gundula Mehnert, Sabine Reinhold. Halle/Saale. Langenweißbach: Beier & Beran, 2012. S. 47–63.
 90. Skakov A., Dzhopua A. Jantuch Burial of the Early Iron Epoch in Abhazya // 2nd International Congress of Eurasian archaeology. East Anatolian and Caucasian bronze Age Cultures. ICEA 2010. Tire: Abstracts, P. 24.
 91. Sulawa Nino. Die kaukasischen Fibeln // METALLA. Georgien – Schätze aus dem Land des Goldenen Vlies. Tagungsband zum Kolloquium 2/3. Dezember 2002, Wiesbaden. – Bochum, 2005. S. 88–102.
 92. Sulava Nino. The Caucasian Fibulae (Typology, chronology, genesis). Tbilisi, 2011. На груз. яз.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Рис.1. Старые находки (1980-х гг.) бронзовой зооморфной пластики из Джантухского могильника (1–26, 28–38 – по Шамба, Шамба, 1990; 27 – фонды АГМ).

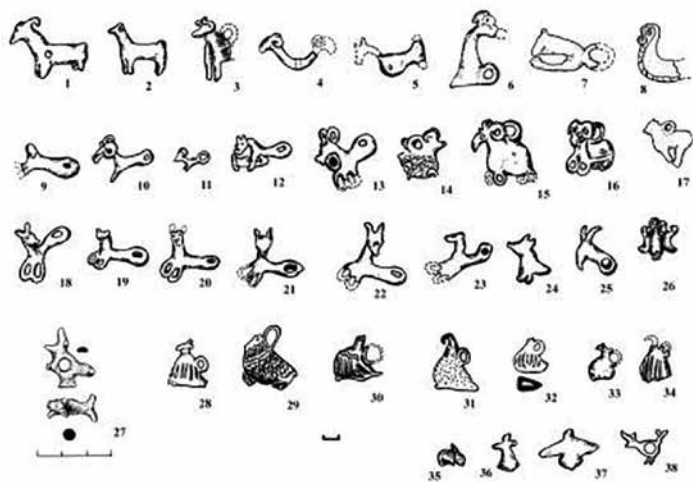
Рис. 2. Зооморфная пластика и бронзовые предметы с зоо- и орнитоморфными изображениями из Джантухского могильника: 1 – ритуально-поминальная вымостка; 2 – погребальная яма 6, верхний ярус; 3 – погребальная яма 5, «тайник»; 4 – погребальная яма 6, нижний ярус.

Рис. 3. Зооморфная пластика Джантухского могильника: 1 – погребальная яма 5, «тайник»; 2,3 – погребальная яма 7.

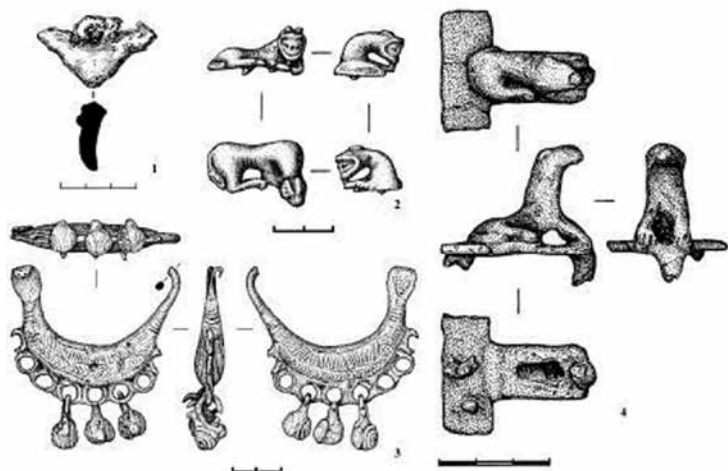
Рис. 4. Зооморфная и орнитоморфная пластика Джантухского могильника: 1,10 – погребальная яма 3; 2,3,5–8 – погребальная яма 7; 4 – погребальная яма 5, «тайник»; 9 – погребальная яма 5.

Рис. 5. Зооморфная и орнитоморфная пластика Джантухского могильника: 1–3,5–12,14 – погребальная яма 3; 4 – погребальная яма 4; 13, 15–21 – погребальная яма 5.

Рис. 6. Зооморфная и орнитоморфная пластика Джантухского могильника: 1–4 – погребальная яма 3; 5 – золотая подвеска, культовая поминальная вымостка; 6 – фрагмент глиняного изделия (сосуда?), погребальная яма 7; 7,8 – налепы корчаг, Новозаведенное-II, курган № 7.

Puc.1

Puc.2

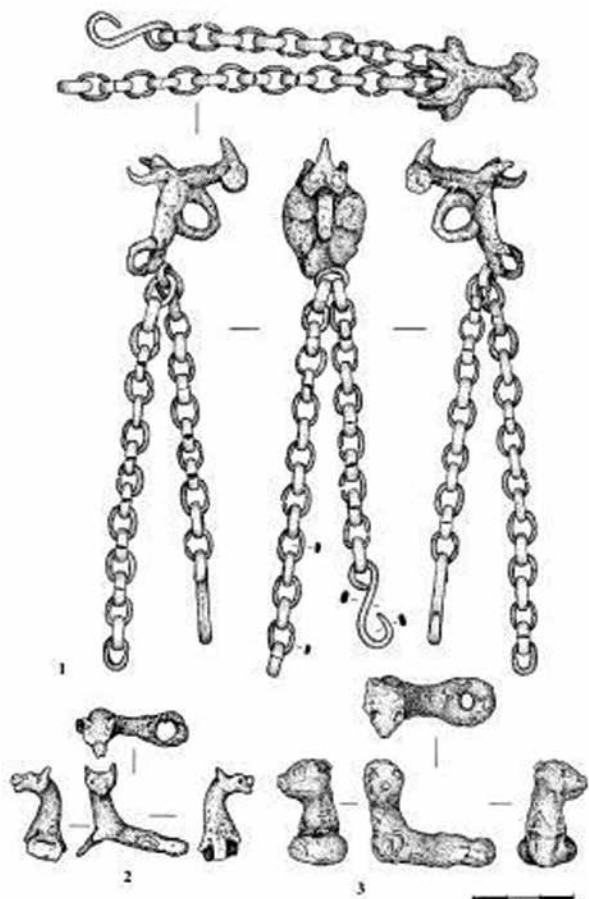

Рис. 3

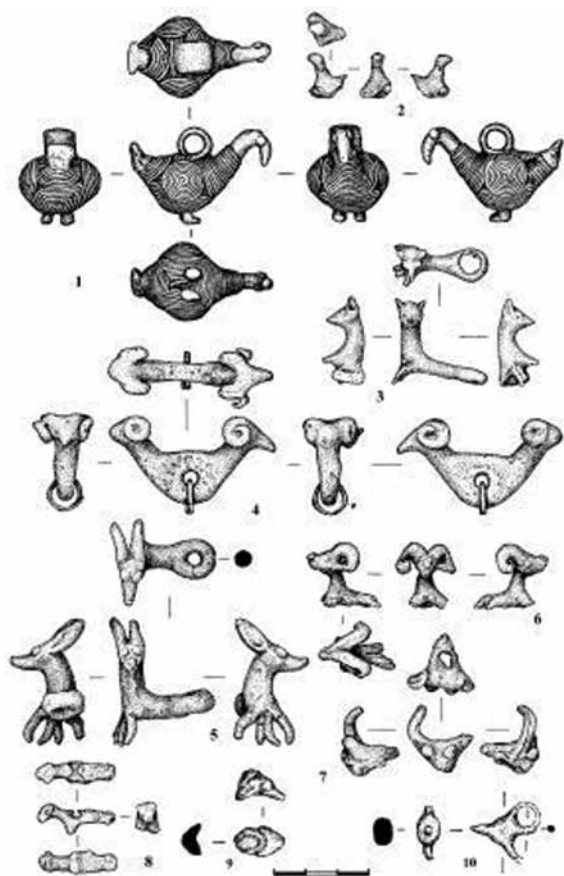

Рис. 4

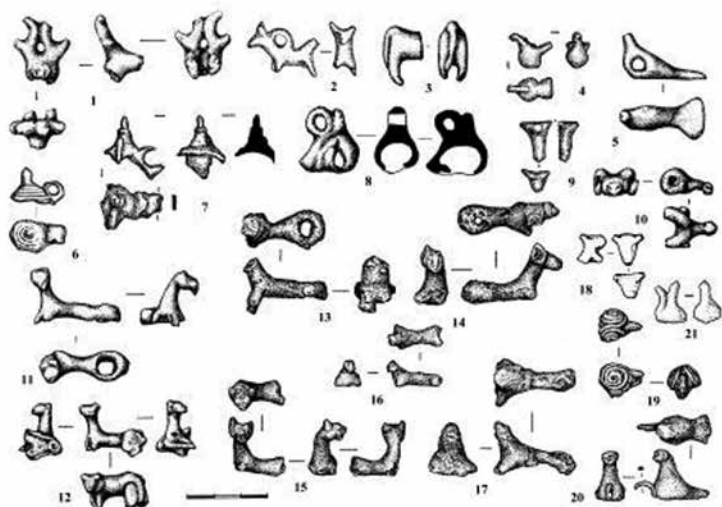

Рис. 5

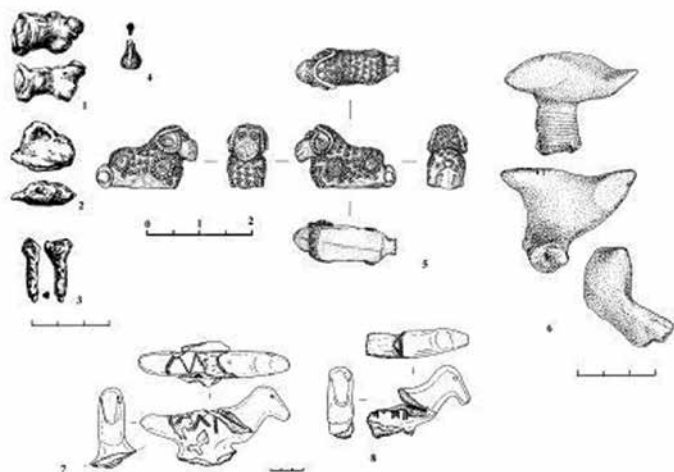

Рис. 6

ПОЯСНЫЕ НАБОРЫ КАК ЭЛЕМЕНТ ОТРАЖЕНИЯ ПРИВИЛЕГИРОВАННОСТИ В АПСИЛИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Большой интерес представляет одна из категорий погребального инвентаря из раннесредневекового военного костюма апсиров – поясной набор. Следует отметить, что его встречаемость на Цебельдинском некрополе довольно высока, и он является атрибутом византийской воинской моды, а наиболее богатые экземпляры и показателем социальной структуры общества апсиров. Находясь в гуще исторических событий, общество апсиров носило специальный военный характер, (каждый мужчина – воин), особенно в период персо-византийских войн в VI в. на территории Западного Закавказья. Это было также связано, с прохождением трассы Великого Шелкового пути (например, для защиты караванов), поскольку интенсификация византийской торговли с Восточно-Причерноморским миром усиливала социальную стратификацию внутри апсильского социума.

Возвращаясь к поясам, заметим, что это, прежде всего, поясные гарнитуры «геральдического» стиля⁸, обнаруженные в захоронениях 279, 313, 314, 318, 325 могильника Цибилиум-2 (Воронов, 2003), состоявшие из серебряных или бронзовых пряжек, накладок и наконечников ремней; в VI в. к пряжкам добавляются различные наконечники, подвески, бляшки и т.д. Наиболее же яркие образцы представлены в погребениях 279 и 313, которые вполне можно выделить как воинские элитные; последнее, 313 (погребение), еще является вероятнее всего и всадническим. В нем погребенный был положен на правый бок, головой на северо-запад, его череп почти соприкасался с костями задних ног коня с фрагментарно сохранившимся узденным и седельным комплектом. Из оружия

⁸ Это небольшие изделия, обычно из серебра или бронзы, характеризуются сильной профилёвкой с косым обрезаем краёв и прорезной геометрической орнаментацией, при своеобразных, неизменно повторяющихся формах.

было обнаружено: железный наконечник копья, маленький и большой железные ножи. А также были найдены бронзовые детали поясного набора: рамка, ременные наконечники, разнотипные бляшки, две пряжки. Дата комплекса – поздний VI в. н. э. (Воронов, 2003. С. 62. Рис. 1).

Погребения с «геральдическими» гарнитурами могильника Цибилиум-2 отличаются от других мужских могил более богатым инвентарем и, возможно, могли принадлежать знатым воинам (Казанский, Мастыкова, 2008. С. 177). Об этом, в частности, могут свидетельствовать и материалы аланского могильника Едыс, открытого в верховьях реки Большой Лихвы (Южная Осетия). Обнаруженные здесь предметы: пояса и поясные наборы, как считает Р. Г. Дзаттиаты, принадлежали воину, всаднику-дружиннику (Дзаттиаты, 1995. С. 122).

Надо отметить, что последней Цебельдинской археологической экспедицией 1977–1986 гг. было выявлено до 12 поясных наборов, а пряжек – 222, большинство из которых датируется ранневизантийским временем и найдено в могилах воинов (Воронов, Бгажба, 1986. С. 59. Рис. 2). В женских захоронениях встречаются редко. Изготавливались, в основном, из бронзы, реже – из железа, серебра. Так, в V в. продолжали бытовать пряжки с овальной формой и гладкой, слегка прогнутой иглой. Появляются мелкие пряжки с округлыми щитками с плоской полихромной перегородчатой инкрустацией. В середине V – начале VI вв. широко используются пряжки с крупной округлой или четырехугольной рамкой (иногда полой) и зооморфной иглой, наряду с которыми продолжают бытовать мелкие экземпляры с перегородчатой инкрустацией. С середины VI в. распространяются В-образные пряжки с полой рамкой и пряжки с овальной рамкой и прямоугольным или овальным щитком с плоской перегородчатой инкрустацией, затем цельнолитые и геральдические, бытовавшие в конце VI–VII вв. Аналогичен ассортимент пряжек V–VII вв., обнаруженных на территории Абасгии и Санигии (Воронов, 2002. С. 342) и за их пределами. В частности, пряжки овальной (округлой рамкой) раннего типа V в. н. э., близкие по размеру и типу цебельдинским, встречаются и на некрополе Фанагория (Таманский по-

луостров) (Строков, 2014. С. 257. Рис. 3). Будет уместно здесь же сказать: отмеченные выше пряжки V–VII вв. хранятся как в фондах, так и выставлены в витринах зала средневековья, посвященных Цебельдинской культуре, отдела археологии Абхазского государственного музея (Рис. 4–5).

В тоже время, концентрация гарнитур «геральдического» стиля на некрополе Цибилиум-2 может свидетельствовать «о привилегированной позиции группы, которой это кладбище принадлежало» (Казанский, Мастыкова, 2011. С. 110), и о сложности социального устройства древнеабхазского (апсильийского) общества с учетом типологического разнообразия поясных наборов. Что мы и наблюдаем также и на примере, в частности, древнемордовского общества, групп, которые находились в сфере влияния транскультурной «воинской» моды (Зеленцова, Сапрыкина, 2013. С. 86).

Согласно В. Б. Ковалевской, пряжки и детали поясной гарнитуры геральдического стиля на Северном Кавказе «надежно датируются VII в.» и их появление было связано с пребыванием византийской армии (Ковалевская, 2005. С. 146). Что же касается региона Западного Закавказья – Апсильи, то тут поясная гарнитура «геральдического» стиля и «геральдические» пряжки датируются несколько более ранним временем – стадия IV/10-11 (530/550–640/670 гг.) (Казанский, Мастыкова, 2008. С. 173–176; Они же, 2013. С. 61). Как свидетельствует стратиграфия Цебельдинской крепости, «геральдические» гарнитуры появляются здесь довольно рано, до пожара 550 г., вызванного событиями византийско-сасанидской войны. Погребения с «геральдическими» гарнитурами отличаются от других мужских могил более богатым инвентарем и, возможно, принадлежат знатным воинам (Мастыкова, 2008а. С. 29).

Между тем, по имеющимся датам, появление геральдических типов в Восточной Европе относится не ранее чем к середине – третьей четверти VI в. Они становятся еще одним надежным индикатором оформившегося дружинного слоя (представлявшего собой, в том числе, всадническое сословие), на который была возложена ответственная задача Византий-

ской имперской администрацией охранять здесь в нагорной части Западного Закавказья Кавказский внутренний лимес, более известный как Клисурская стена, представлявший собой в VI в. линию оборонительных сооружений византийцев (Воронов, 2006. С. 394).

В этом случае, скорее всего, поясные наборы геральдического стиля не «могли попасть в Цепельду с Северного Кавказа через Аланию» (Воронов, 1975. С. 151). Здесь мы видим обратный процесс попадания – из Византии в Апсилию и далее в Аланию. В частности, поясная гарнитура геральдического стиля на Северном Кавказе была обнаружена в раннесредневековом катакомбном могильнике близ села Верхний Садон (Северная Осетия) (Кадзаева, 2008. С. 822), а в могиле 10, принадлежавшей, видимо, местной знати, могильника Лермонтовская Скала-2 (Кисловодская котловина) золотая поясная гарнитура сопровождалась парадным мечем V–VI вв. (Мастыкова, 2008. С. 151–152; Мастыкова, Казанский, 2009). Есть мнение, что геральдический стиль мог принадлежать только Византии, что неверно, поскольку в тех отдаленных областях, где он наблюдается (в частности, Сибирь) правдоподобность идеи о византийском происхождении явно уменьшается. Таким образом, можно полагать, геральдический стиль был глобальным (по меркам той эпохи) явлением (Азбелев, 2012. С. 94).

В тоже время, можно, со всей очевидностью, говорить о том, что пояса, являвшиеся важным атрибутом военного престижного костюма, символизировали социальный статус хозяина, его принадлежность к воинскому сословию, что лишней раз указывает на то, что военно-политическая структура общества апсильев носила стратифицированный характер. Без сомнения, не каждый рядовой апсил-воин мог позволить себе такой пояс. Как известно, поясной набор указывал на заслуги и место его владельца в воинской иерархии. «Пояс стал своеобразным паспортом дружинника раннего средневековья и свидетельством его места в дружинной иерархии» (Агрба, Хотко, 2004. С. 33). Поясу придавалось особое значение как символу принадлежности его хозяина к воинскому сословию, т. е. к особой группе или касте, выполняющей определенные

функции в древнем обществе (Дзаттиаты, 1995. С. 108). Так древнерусские дружинники «украшали себя поясами, которые, вероятно, символизировали воинскую доблесть» (Драчук, 1977. С. 29).

Таким образом, пояса, вероятно, являлись отличительным знаком принадлежности к военному сословию, который могли иметь только наиболее знатные воины. Они в понимании средневекового человека считались своеобразной частью воинской экипировки, достаточно своеобразной, яркой и значащей. Прослеживается пояс от Китая до Византии. «Интересно то, что поясные наборы, серебряные наконечники поясов встречаются не только в степях Причерноморья, но и на Кавказе, а также в кладах Западной Европы – на Дунае, в Испании» (Драчук, 1977. С. 29). Сейчас уже достаточно четко установлена синхронность динамики «моды» на пояса на обширных пространствах Евразии во второй половине I тыс. н. э. Это позволяет предполагать связь этих процессов с военно-политической историей на всем евразийском пространстве.

Очевидно, обнаруженные поясные наборы «геральдического стиля» в Цебельдинском некрополе могут являться своего рода индикатором присутствия в Апсилии элемента привилегированного сословия, что главным образом, было связано с инкорпорированием в систему византийской обороны той прогрессивной части апсилы, которая стремилась интегрироваться в общекультурную систему ранневизантийского мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азбелев П.П. Геральдическая триада // Древности Сибири и Центральной Азии. № 4 (16). Горно-Алтайск, 2012.
2. Агрба Б. С., Хотко С. Х. «Островная» цивилизация Черкесии. Черты историко-культурной самобытности страны адыгов. Майкоп, 2004.
3. Воронов Ю. Н. Тайна Цебельдинской долины. М., 1975.
4. Воронов Ю. Н. Археологические древности и памятники Абхазии (V–XIV вв.) // Проблемы истории, филологии, культуры. Выпуск 12. Москва – Магнитогорск, 2002.

5. Воронов Ю. Н. Могилы апсиров. Итоги исследований некрополя Цибилиум в 1977–1986 годах. Пушкино, 2003.
6. Воронов Ю. Н. Колхида на рубеже средневековья // Научные труды в семи томах. Том первый. Сухум, 2006.
7. Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х. Главная крепость Апсилии. Сухуми, 1986.
8. Дзаттиаты Р. Г. Пряжки и поясные наборы Едысского могильника (VI–VII вв. н. э.) // Аланы: история и культура. Том III. Владикавказ, 1995.
9. Драчук В. С., Рассказывает геральдика. – М., 1977.
10. Зеленцова О. В., Сапрыкина И. А. Критерии выделения статусных погребений на основе комплексного анализа поясных наборов VIII–XI вв. по материалам мордовских могильников // КСИА. Вып. 229. М., 2013.
11. Кадзаева З. П. Раннесредневековый катакомбный могильник близ села Верхний Садон (РСО-Алания) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Выпуск VIII. Крупновские чтения, 1971–2006. М.-Ставрополь, 2008.
12. Казанский М. М., Мастыкова А. В. Эволюция некрополя Цибилиум (II–VII вв.) // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. XXV «Крупновский чтения». Владикавказ, 2008.
13. Казанский М. М., Мастыкова А. В. Федераты и империя: Эволюция некрополя Цибилиум (II–VII вв.) // Вторая Абхазская Международная археологическая конференция (8–12 ноября 2008 г.). Материалы конференции. Сухум, 2011.
14. Казанский М. М., Мастыкова А. В. Хронология Цебельдинской культуры (II–VII вв.) // Третья Абхазская Международная археологическая конференция: Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа. Сухум, 2013.
15. Ковалевская В. Б. Кавказ – скифы, сарматы, аланы I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. М.-Пушино, 2005.
16. Мастыкова А. В. Федераты Восточной Римской империи на Черноморском побережье Кавказа и эволюция некро-

- поля Цибилиум (II – VII вв.) // Научные ведомости Белгородского Государственного университета. – Белгород, 2008а.
17. Мастыкова А. В. «Варварские королевства» эпохи Великого переселения народов у алан Центрального Предкавказья // ПИФК. Вып. XXI. М.-Магнитогорск, 2008б.
 18. Мастыкова А. В., Казанский М. М. Привилегированные погребения у федератов Восточной Римской империи на территории Абхазии (II–VII вв.) // Научные ведомости Белгородского Государственного университета. Белгород, 2009.
 19. Строков А. А. Обувь воина первой половины V в. н. э. из Фанагории // Восточноевропейские древности: сборник научных трудов. Воронеж, 2014.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Рис. 1. Геральдическая поясная гарнитура из погребения 279 (Цибилиум – 2).

В составе поясного набора находились: пряжка со щитком в виде подвижных пластинок (1), большой и два малых ременных наконечника «коробочкой» (2, 3, 4) с разнотипными прорезями, четыре восьмеркообразные бляшки с отверстиями (5–8), трехлепестковая бляшка (9), Т-образная застежка с подвязанным к перекладине овальным щитком (10), стерженьковая пуговица (11), петля для закрепления ремня (12) (Воронов, 2003. С. 56, 241).

Рис. 2. Пряжки и принадлежности ремней V–VII вв. (Апсилия) (Воронов, 2002. С.345).

Рис. 3. Ременные гарнитуры Восточного некрополя Фанагории, пряжки (Строков, 2014. С.258).

Рис. 4–6. Цебельдинские пряжки из коллекции Абхазского государственного музея.

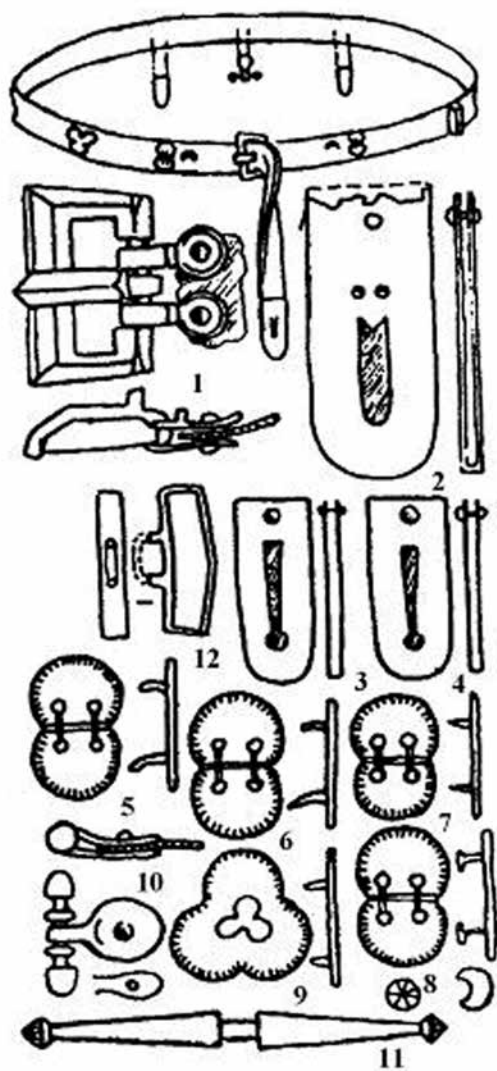

Рис. 1

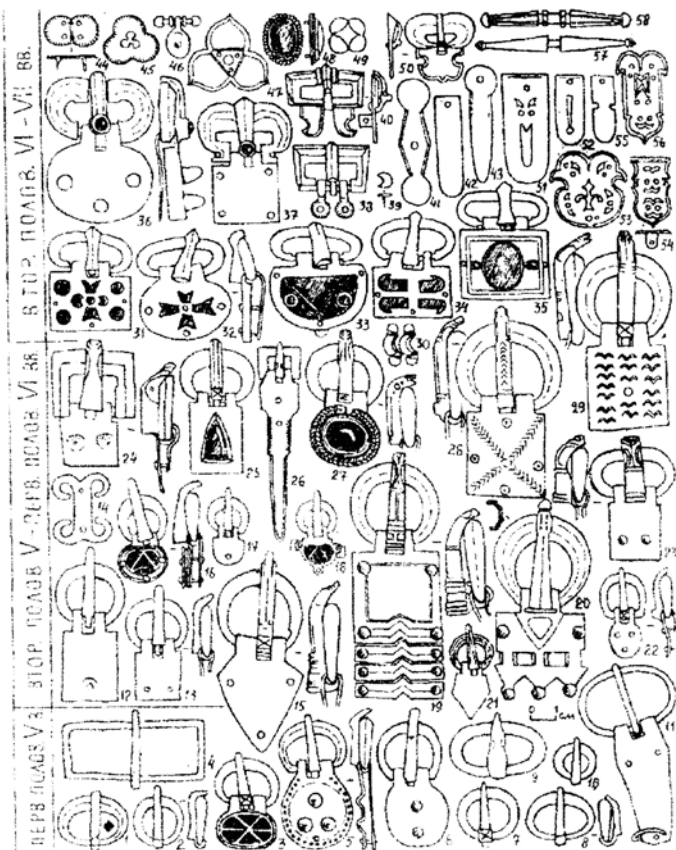

Рис. 2

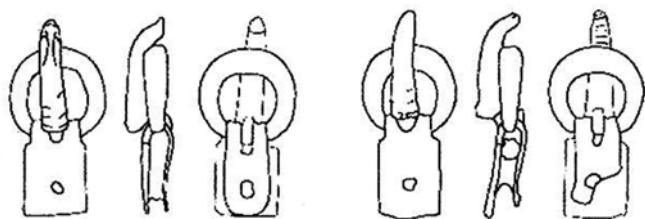

Рис. 3

Puc. 4

Puc. 5

Puc. 6.

АПСИЛИЙСКИЕ ЛУКИ ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ И РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Общеизвестно, что лук со стрелами относится к наступательному или оборонительному оружию дистанционного боя. На территории современной Абхазии его использовали для охоты еще с эпохи мезолита (Бгажба, Лакоба, 2015. С. 22). Важнейшим показателем боевых свойств лука являлась дальнобойность, позволившая ему долгое время оставаться одним из основных видов боевого и охотничьего оружия абхазов вплоть до второй половины XIX века (Аджинджал, 1969. С. 393). По некоторым сообщениям даже в начале XX в. «простым луком и стрелой абхазы стреляли форель в горных реках» (Инал-Ипа, 1965. С. 217). Однако нужно отметить, что с рубежа нашей эры до середины IV в. лук и стрелы в погребальном снаряжении древне-абхазских воинов почти не встречаются (Воронов, Шенкао, 1982. С. 124).

С конца IV в., согласно археологическим материалам, происходит усиление роли лука и стрел, приобретающих облик, характерный для смежных районов Причерноморья (Воронов, Шенкао, 1982. С. 124). Хочется отметить, что речь идет не об общей форме лука для разных регионов, а об отдельных приемах изготовления и дополнениях в конструкции сложносоставных луков. Тем не менее, это оружие в регионе в рассматриваемое время фиксируется плохо.

Классический лук дуговидной формы (Рис. 1) зафиксирован в Цебельде в комплексе второй половины V – первой половины VI вв., где были отмечены следы его истлевших костяных накладок (Воронов, Шенкао, 1982. С. 122).

Общеизвестно, что тело лука изготовлялось из дерева. Недолговечность деревянной основы считается главной причиной отсутствия лука в захоронениях. Однако объяснение этого факта плохой сохранностью оружия выглядит неубедительно.

Так в погребениях Центральной Азии скифского времени, где в условиях мерзлоты деревянные детали предметов

сохраняются превосходно, в частности, древки стрел, нет ни одной находки лука (Грач, 1980. С. 75). Костяные и бронзовые детали, которые предположительно могут быть связаны с луком, также единичны. По моему мнению, обладая таким универсальным оружием, было бы нецелесообразно класть его в могилу без веских на то оснований. Скорее всего, лук также как и меч ценился особенно и мог передаваться по наследству. Эта гипотеза в той или иной степени может подтверждаться особым отношением предков абхазов к кузнице и инструментам, используемых в ней. Наковальня, клещи и молот неприкосновенны для посторонних лиц и передаются по наследству от отца к сыну, замечает В. Г. Ардзинба (1988. С. 263–306).

Рис. 1

До появления огнестрельного оружия лук и стрела являлись основным наступательным оружием дальнего боя. Чтобы изготовить его порой требовались годы, а качественно сделанное оружие всегда было в почете. Этой точки зрения придерживается и А. М. Хазанов: «Сложные луки ... были очень дорогим оружием. Этнографические материалы свидетельствуют, что для их изготовления требуется много лет. Не случайно они так редки в погребениях» (Хазанов, 1971. С. 35).

Несмотря на скудную информацию о форме и конструкции «абхазского» лука, несколько изображений этого оружия на рассматриваемой территории были зафиксированы. Все они относятся к цебельдинскому району. Два импортных предмета с изображениями классического лука – серебряная одночленная фибула IV в. (Рис. 2, 1) и перстень с печаткой IV в. (Рис. 2, 2), были найдены в могилах (Воронов, 2003. С. 42–43. Погр. 192; С. 50. Погр. 248).

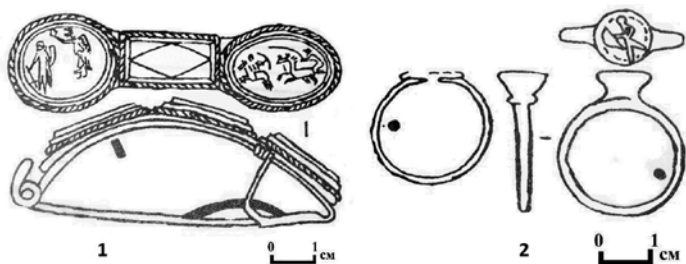

Рис. 2

Третий предмет относится к более позднему периоду. Это плита с изображением святого Евстафия Плакиды (Евстафий Апсильский) (Рис. 3), украшавшая когда-то фасад храма (Хрушкова, 1980. С. 58).

Наиболее четкое изображение этого оружия мы можем видеть на плите. Внизу плиты запечатлен всадник на охоте. Он

Рис. 3

сидит на коне с богатой сбруей, держит в руке лук с натянутой тетивой, а другой рукой указывает вперед (Владимиров, 1990. С. 10). На рельефе сразу узнается классический лук в виде одной дуги. Однако размеры его относительно тела всадника

значительно меньше, чем в предыдущих примерах. Его длина не превышает длины человеческой руки, что наводит на мысль о наличии нескольких разновидностей луков в регионе, одной из которых мог быть небольшой охотничий лук. Впрочем, изображения на цебельдинской плите, как и на перстне, и на браслете нельзя назвать сверхточными. Тем не менее, форма лука везде остается одинаковой.

По замечанию Л. Г. Хрушковой: «Ни в одном из памятников сцена чуда св. Евстафия не обладает столь ярко выраженными восточными чертами, как на цебельдинской плите... Евстафий одет как сасанидский вельможа» (Хрушкова, 1980. С. 59).

Восточные черты видны в одеяниях, богатой конской сбруе и даже типах лиц, однако сам лук к этому стилю явно не относится. Для сравнения в работе приведены разновременные сасанидские изображения, на которых лук имеет два ярко выраженных плеча (Прил. 1, 2–5).

Интересно, что в парфянскую эпоху на монете Аршака I (247–211 гг. до н. э.) изображен лук с отчетливо выраженными плечами (Прил. 1, 1). В Иране и на Переднем Востоке с такой формой лука познакомились не позднее VII в. до н. э. (Хазанов, 1971. С. 30) и спустя почти тысячу лет у сасанидов мы видим аналогичную форму этого оружия.

Ценность перечисленных изображений заключается в форме лука, которая в восточном варианте представлена двумя выраженными плечами и концами. В цебельдинском – плечи и концы лука изгибаются по одной оси, что можно назвать одной большой дугой. Исходя из имеющихся данных, можно предположить, что лук подобной формы относится к одному из двух видов, так называемому прямому луку, или изогнутому луку (Гадаш, Вискочил, 1960. С. 8). Надо полагать, что один из этих двух видов лука, не исключено, что оба, были распространены среди местных племен.

По версии Л. Г. Хрушковой цебельдинская алтарная плита датируется рубежом VIII–IX вв. (Хрушкова, 1980. С. 58–60). Эта точка зрения опровергается А. А. Салтыковым. Проведя систематизацию стилистических особенностей каменных икон, он указывает дату «не позже 2-й половины VI–VII вв.»

(Воронов, 1998. С. 234–237). Того же мнения придерживается Н. К. Шенкао (2000. С. 42–43).

Однако, двурогие наконечники стрел, один из которых изображен на плите, в этот период исследователями зафиксированы не были. Другой нестыковкой являются стремена, на которые опирается всадник. В период VI–VII вв., в археологии Абхазии они не известны.

В византийских источниках первое упоминание о стременах относится к началу VI в., а самые ранние образцы железных стремян в Европе встречаются в аварских погребениях в Дакии (McGeer Eric, 2008, p. 211). В «Тактике и стратегии» Маврикия говорится: «... при седлах должно быть два железных стремени» (Маврикий. Кн. I, гл. II). В этой же работе автор ссылается на авар, говоря о конском снаряжении. Если придерживаться версии Салтыкова, то получается, что стремена на территории современной Абхазии появляются приблизительно в один период со стременами из Византии. Учитывая то, что апсилы были вооружены самым современным оружием для своего времени (Бгажба, Лакоба, 2015. С. 96) и вовлечены в сферу военной политики Византийской империи, логично предположить заимствование стремян у последних. Однако окончательную точку в этом вопросе могут поставить только новые археологические открытия в регионе.

Суммируя имеющиеся данные, найденные остатки «апсильского» лука можно отнести к, так называемой, «гуннской» разновидности. Этот тип лука приходит на смену «скифскому», «сарматскому» лукам на рубеже н. э. и становится популярным у многих народов. Характерной особенностью «гуннского» лука является наличие костяных накладок для того, чтобы сделать определенные части негнушимися, а также его размеры (120–160 см) (Хазанов, 1971. С. 30, 31). Как уже говорилось ранее, следы именно таких накладок были найдены при раскопках Ю. Н. Воронова в Цебельде.

Термины «скифский», «гуннский», а также «апсильский» или «абхазский» следует понимать, как условные названия сложносоставных типов луков, бытовавших на обширных территориях в разное время. На сегодняшний день очень слож-

но определить точку начала распространения того или иного типа оружия. Поэтому следует придерживаться того мнения, что общая мода на вооружение способствовала проникновению некоторых нововведений в уже сложившуюся базу производства отдельно взятых регионов, таких как Аписилия, Абазгия, Санигия и др.

Костяные накладки

Дошедшие до нас остатки цебельдинского лука указывают на особую конструкцию, т.н. сложносоставной лук. Абхазы, как и горцы Северного Кавказа, делали его из нескольких соединенных вместе частей разных пород дерева, или из дерева и рога попеременно (Владимиров, 1990. С. 395).

Костяные накладки использовались для укрепления деревянной основы, предохраняя ее от поломок. На рисунке, приведенным Ю. Н. Вороновым, хорошо видны насечки (Рис. 4, 4), которые делались с одной целью – обеспечить наибольшее сцепление пластин через клеевую основу с деревом. Такой же точки зрения придерживается А. М. Хазанов (1971. С. 28).

Помимо указанного ранее комплекса второй половины V – первой половины VI в., обломки костяных накладок были обнаружены при раскопках Цибилиума, в башнях № 2 и № 3, в слое, датированном серединой и второй половиной VI в. (Рис. 4, 4) (Воронов, Шенкао, 1982. С. 122).

Уже в начале нашей эры сложный лук с костяными накладками встречается на обширной территории.

За пределами Абхазии костяные накладки наиболее часто встречаются в погребениях позднесарматского времени и в памятниках IV–V вв. (Абрамова, 1975. С. 213–233).

Территориально наиболее близкие аналогии цебельдинских накладок для лука были найдены в Краснодарском крае (ст. Усть-Лабинская, кург. № 29. Рис. 4, 1 // Отчеты Археологической Комиссии за 1902 г. С. 73), в Ростовской области (Калиновский могильник, кург. № 7/1, 11/2 – концевые накладки 25 см в длину, 28/2, 36/1. Рис. 4, 2 (Хазанов, 1971. С. 28), Харьковка, погр. 1–12 // Государственный Исторический музей, инв. № 58702), в Волгоградской области (Абганеры, кург. № 3) (Рыков, 1931. С. 73), в Крыму (Тиритака, Рис. 4, 3), в Керчи

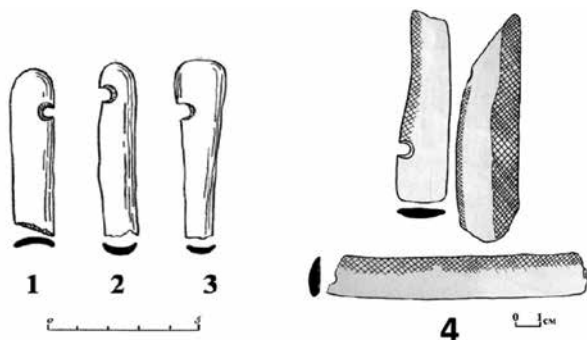

Рис. 4

(склеп № 154 // Государственный Эрмитаж, инв. № 1820/333) (Хазанов, 1971. С. 29). Похожие костяные накладки были найдены и в Северной Осетии. Они также имеют насечки в виде прямых линий (Абрамова, 1975. С. 213–233).

Подводя итог, отметим, что территория современной Абхазии на протяжении веков попадала в зону постоянных межэтнических и межплеменных контактов. Зачастую эти взаимодействия носили агрессивный характер, что в свою очередь влияло на усиление военной составляющей аборигенного населения. К подобным влияниям можно отнести римско-византийскую политику, а также события, связанные с Великим переселением народов.

Помимо этого, археологические материалы, добытые из разных районов нашей страны, указывают на активные торгово-экономические контакты с населением соседних регионов.

На фоне этих факторов мы можем видеть, как менялось само вооружение. Без сомнения такой процесс эволюции не мог происходить в изоляции от мировых тенденций в военной сфере.

Приложение 1

1 – монета Аршака I (247–211 гг. до н. э.); **2** – сцена охоты на позолоченном серебряном блюде, изображающего Хосрова I Ануширвана, VI в.; **3** – сасанидские воины. Серебряное блюдо из собрания Гос. Эрмитажа; **4** – сасанидская ткань VI–VII вв. Берлин. Художественно-промышленный музей; **5** –

аверс монеты Кумара-гупты I. Около 416–450 гг. н. э. Национальный музей, Дели.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамова М. П. Катакомбные погребения IV–V вв. н. э. из Северной Осетии. // Советская археология. М.: Наука, 1975.
2. Аджинджал А. И. Из этнографии абхазов. Сухуми: Алашара, 1969.
3. Анфимов Н. В. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской. // Материалы и исследования по археологии СССР. № 23. М., 1951.
4. Ардзинба В. Г. К истории культа железа и кузнечного ремесла (почитание кузницы у абхазов) // Древний Восток: этнокультурные связи. М., 1988.
5. Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. М.: Наука, 2003.

6. Бгажба О. Х. По следам кузнеца Айнара. Сухуми: Алашара, 1982.
7. Бгажба О. Х. Черная металлургия в древней и средневековой Абхазии. Тбилиси: Мецниереба, 1983.
8. Владимиров К. А. Древности черноморского побережья Кавказа. С.-Петербург, 1900.
9. Воронов Ю. Н. Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар: Краснодарское книжное изд-во, 1979.
10. Воронов Ю. Н. Древняя Апсилия. Сухум, 1998.
11. Воронов Ю. Н., Шенкао Н. К. Вооружение воинов Абхазии IV–VII вв. // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII веков. Советско-венгерский сборник. М.: Наука, 1982.
12. Воронов Ю. Н. Могилы апсилов. Итоги исследований некрополя Цибилиума в 1977–1986 годах. Пушкино: ОНТИ ПНЦ РАН, 2003.
13. Воронов Ю. Н. Научные труды. Т. I. Сухум: АБИГИ, 2006.
14. Гадаш Ф., Вискочил И. Лук и стрелы. М., 1960.
15. Горелик М. В. Аланский воинский комплекс золотоордынского времени. // XXV «Крупновские чтения» по арх. Сев. Кавк. Владикавказ, 2008.
16. Грач А. Д. Древние кочевники в центре Азии. М.: Наука, 1980.
17. Инал-ипа Ш. Д. Абхазы (историко-этнографические очерки). Сухуми: Алашара, 1965.
18. Казанский М. М., Мاستыкова А. В. Федераты и империя: эволюция некрополя Цибилиум (II–VII вв.). // Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа. Сухум: АБИГИ, 2011.
19. Маврикий. Тактика и стратегия. Кн. I, гл. II // перевод Цыбышева. С.-Петербург. 1903
20. Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы. Самострел. VIII–XIV вв. Археология СССР. М., 1966.
21. Отчеты Археологической Комиссии за 1902 г.
22. Рыков П. С. Отчет об археологических работах, произведенных в Нижнем Поволжье летом 1929 г. // Известия. НВИК, т. IV. 1931.

23. Скаков А. Ю. Семантика топора и стрелы у древнего населения Кавказа. // Военная археология: оружие и военное дело в исторической перспективе. СПб. 1998. с.44-47.
24. Трапш М. М. Труды. Т. 4. Сухуми, 1975.
25. Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971.
26. Шенкао Н. К. К вопросу изучения дальнего метательного оружия у народа АБАЗА // XLIV итоговая научная сессия (25–28 апреля). Тезисы докладов. Сухум, 2000.
27. Хрушкова Л. Г. Скульптура раннесредневековой Абхазии. Тбилиси: Мецниереба, 1980.
28. McGeer, Eric. Sowing the Dragon's Teeth: Byzantine Warfare in the Tenth Century. Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2008.

Е. Ю. ЕНДОЛЬЦЕВА

ТАСКАНИЕ ЗА БОРОДУ: ОБ ОДНОМ РЕЛЬЕФЕ ИЗ АБХАЗСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ

Благодаря М. К. Хотелашвили-Инал-ипа осенью 2008 г. я видела в фондах Абхазского государственного музея массивный известняковый блок с изображением трех фигур (Ил. 1). К сожалению, в то время обмеры камня и прорисовка изображения мною не были сделаны. В моем архиве сохранились фотографии, к сожалению, не самого лучшего качества. На них я и буду ссылаться при попытке описания изображенной сцены, ее идентификации и атрибуции. Происхождение этого резного камня мне также неизвестно.

В целях идентификации изображенной сцены необходимо для начала ее подробно описать, не упуская, по возможности, малейшие детали. На массивном известняковом блоке, по форме приближающемся к квадрату с выщерблиной прямоугольной формы в левом верхнем углу, изображена дина-

мичная по композиции сцена. С трех сторон она окаймлена подобием рамы, полученной за счет утолщения краев плиты. Поле изображения в центре плиты несколько углублено по отношению к ее краям. Судя по сохранившейся фотографии, рельеф резьбы выпуклый, за счет чего фигуры выглядят достаточно объемно. Три изображенных персонажа одеты в одинакового типа длинные античные туники, складки которых экспрессивны. Центральная фигура показана на три четверти высоты. Различимы правильные черты лица: большие глаза, тонкий прямой нос. Волнистые волосы украшены на лбу диадемой. Все три фигуры повернуты анфас к зрителю. Туника центральной фигуры с диадемой динамично развевается будто в полете. Левой рукой изображенный держит за остроконечную бороду второго героя сцены. Правой – касается руки третьего персонажа, показанного лежащим параллельно нижнему краю рамы композиции. Черты лица и одежда второго и третьего участника действия (высокий лоб, приглаженные собранные сзади волосы, остроконечная борода, прямой нос, большие глаза, длинная туника, застегивающаяся, как кажется, на левом (с его стороны) плече) позволяют видеть в них одного и того же персонажа. Тот, кто показан стоящим справа для зрителя, воздел обе руки вправо. Его поза выглядит динамично за счет противоположных векторов движения: голова, вслед за бородой, которую тянет на себя фигура с диадемой, слегка повернута в одну сторону, а обе руки – в другую. В отличие от него, поза третьей лежащей фигуры выглядит статично. Правая рука покоится на груди, левая – соединяется с правой рукой персонажа с диадемой. Таким образом, ключевым и самым активным участником действия, дающим импульсы двум другим фигурам, представляется персонаж с диадемой на голове.

Изображения людей, дергающих или тянущих друг друга за бороды, либо когда один из персонажей совершает такое действие над другим, не относятся к числу широко распространенных. В средневековой христианской архитектурной пластике можно выделить несколько ситуаций, когда это происходит. Чаще всего сцена, когда двое мужчин вцепляются

в бороды друг друга, встречается в скульптурном убранстве романских храмов Западной Европы. Причем у этого сюжета отсутствуют древние аналоги (Волков, 2013. С. 332). По версии В. П. Даркевича, изображение дерущихся и тянущих друг друга за бороды мужчин может выражать гнев и раздор (Даркевич, 2010. С. 125). Самый ранний из имеющихся примеров относится к началу X в. (постамент креста в Монастербойсе, Ирландия, около 923 г) (Волков, 2013.). По наблюдениям А. В. Волкова, «люди, хватаящие друг друга за бороды, распространены в Бургундии и на прилегающих территориях Германской империи и Французского королевства» (Волков, 2013. С. 334). Среди самых известных образов этого типа – дерущиеся бородачи в центре капители монастырской церкви в Анзи-ле-Дюк (Сона и Луара, Франция, 1090–1130 гг.) и на капители Сен-Илер де Пуатье из музея Сен-Круа (Волков, 2013. С. 334). В этих двух, как и в других сценах рассматриваемого типа, дерущиеся бородачи явно выступают как отрицательные персонажи. О такой трактовке сюжета можно догадаться, к примеру, благодаря сопутствующим символам (бородатые маски, которые показывают язык, насмехаясь над человеческими усилиями) или благодаря агрессивному поведению героев сцены (замахиваются друг на друга топорами). Таким образом, вышерассмотренный тип изображения вряд ли может служить аналогией для интересующего нас рельефа. Во-первых, на изображении из Абхазского государственного музея действие носит односторонний характер (один герой тянет за бороду другого, они не вцепляются друг в друга). Во-вторых, представленные герои явно являются положительными персонажами⁹.

Другой тип изображения, когда один персонаж тянет за бороду другого, фиксируется на фасаде церкви Святого Креста на острове Ахтамар на озере Ван (915–921 гг.)¹⁰. Здесь представлены два мужчины в подпоясанных рубахах до ко-

⁹ Нет сопутствующих отрицательных символов, все представленные персонажи имеют правильные черты лица, благообразный вид (высокий лоб – у одного и диадема в волосах – у другого). Все трое показаны в анфас к зрителю, а не повернуты в профиль.

¹⁰ *Cosmology and cosmogony in Armenian petroglyphs*. Erevan, 2010 (на арм. яз.). С. 624–626. Ил. 1337.

лен. Один из них хватается за бороду другого. Последний держит в руках дубину и замахивается ею. У их ног показано осклизшие животное, похожее на собаку. Вероятно, это иллюстрация к одному из эпизодов армянского народного эпоса, касающегося взаимоотношений царя Арташеса и его сына Артавазда¹¹. Судя по всему, здесь показан финал истории о проклятии Арташесом своего сына. «Тема этой последней ветви эпоса – взаимоотношение отца и сына и сила отцовского проклятия, чему народ верит и поныне. В эпосе сперва повествуется о строительной деятельности Арташеса, за что страна любит его, затем о болезни, смерти и торжественных похоронах. Артавазд завидует славе отца и с горечью говорит, обращаясь к отцу: «Ты ушел и унес с собой всю нашу землю, как мне царствовать над развалинами?» Отец проклинает его, говоря: «Если ты поедешь на охоту на Азат, на Масис, тебя схватят каджи, повлекут на Азат, на Масис; там останешься и света не увидишь боле». Проклятие исполнилось. Он во время охоты был пойман каджами...» (Абегян, 1975. С. 41–42). Однако и это изображение вряд ли можно считать аналогией к интересующему нас памятнику, поскольку на рельефе с о. Ахтамар, в отличие от сухумского, события развиваются на охоте (собака-кадж у ног, дубинка в руках одного из персонажей). Вышеозначенные детали отсутствуют на изображении из Абхазии.

Единственный памятник, который демонстрирует почти абсолютное сходство с сухумским изображением, находится, как ни странно, во Франции¹². На капители одной из колонн хора в церкви Нотр Дам дю Пор в Клермон-Ферране (завершена в 1185 г.) вырезана сцена, которая, судя по надписи, изображает сон Иосифа¹³ (ил. 2). Позы и жесты ангела и Иосифа очень похожи на две стоящие фигуры на рельефе из Сухума. Черты лица и прическа ангела (волосы, разделенные на две половины прямым пробором, высокий лоб) практически идентичны персонажу на рельефе. Он также облачен в длинную тунику, ниспадающую вниз экспрессивными складками. Прав-

¹¹ Там же. С. 625.

¹² Ricard Marie-Claire. Notre Dame du Port. Clermont-Ferrand, 1992.

¹³ <http://www.art-roman.net/ndport/ndport2.htm>

да, у ангела на капители есть крылья, которые отсутствуют на сухумском рельефе. Этот нюанс, кажется, можно объяснить тем, что на капители ангел представлен в полный рост и в более статичной позе, тогда как на рельефе показана только верхняя часть туловища, а на месте, где могли бы находиться крылья, – выщерблина. Обе фигуры левой рукой тянут за остроконечную бороду второго персонажа. Черты лица и поза Иосифа на капители и на сухумском рельефе также похожи. У обоих – остроконечные бороды и высокий лоб. Обе фигуры слегка поворачивают головы в сторону ангела, а руки воздевают, повернувшись в противоположную сторону. Несколько различается их наряд. У Иосифа на капители – подпоясанная рубаша и брюки, а у персонажа на рельефе – длинная туника. Есть отличие и в композиции всей сцены. На рельефе из Сухума присутствует третья фигура, которой нет на капители из Клермон-Феррана. Однако третья лежащая фигура очень похожа на того, кого тянут за бороду (черты лица, остроконечная борода, жест правой руки, одеяние). Кажется, что это один и тот же человек. Если принять версию о том, что на рельефе из Сухума так же, как и на капители из Клермон-Феррана, изображен сон Иосифа, то присутствие третьей лежащей фигуры вполне объяснимо. Вероятно, это Иосиф, который изображен дважды, во сне (лежит на земле) и в момент вразумления (ангел дергает его за бороду). В этом случае, сухумский рельеф демонстрирует более полный вариант иконографии сюжета, запечатленного на капители из Клермон-Феррана.

Если говорить о стилистических параллелях, то ангел, похожий на сухумского, встречается также на алтарной плите с изображением Распятия из Анухвы (XI в.) (Шмерлинг, 1962. С. 158, 159. Табл. 58). В левом верхнем углу изображена его фигура в позе, похожей на ту, что показана на вышеописанном рельефе (поворот головы, тело показано на три четверти длины). Главное отличие, однако, заключается в том, что на плите из Анухвы, как и на капители из Клермон-Феррана, ангел показан с нимбом и крыльями.

Таким образом, если предложенная идентификация верна, то рельеф из Сухума можно поставить в ряд произведений

средневековой скульптуры XI–XII вв. Судя по его размерам и толщине плиты (пока возможно определить лишь визуально), а также благодаря некоторым стилистическим аналогиям, он мог быть частью алтарной преграды некоего храма. Если согласиться с тем, что на плите изображен «Сон Иосифа», то рельеф демонстрирует полную версию редкой иконографии этого сюжета. Он может быть поставлен также в европейских контекст развития каменной пластики в эпоху Средневековья. Его наличие заставляет задуматься о некоторых общих парадигмах в развитии романского стиля и одновременной ему христианской пластики на Кавказе. Хочется верить, что этот уникальный артефакт займет достойное место в новой экспозиции Средневекового искусства в Абхазском государственном музее.

Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ «Архитектурная пластика Абхазского царства 8–11 в. (РА)», 15-24-12001 а/м.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абемян М. История древнеармянской литературы. Ереван, 1975.
2. Волков А. В. Код Средневековья. Загадки романских мастеров. М., 2013.
3. Даркевич В. П. Народная культура Средневековья: парадия в литературе и искусстве IX–XVI веков. М., 2010.
4. Шмерлинг Р. О. Малые формы в архитектуре средневековой Грузии. Тбилиси, 1962.

Puc. 1

Puc. 2

ЭШЕРСКОЕ ГОРОДИЩЕ – НОВЫЙ ТУРИСТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС (АБХАЗИЯ)

Эшерское городище относится к числу значительных памятников Восточного Причерноморья, функционирование которого падает в основном на VI–I вв. до н. э. Городище занимает один из прибрежных холмов (по-абхазски «Абылрахэы» – горелый холм) села Эшера, площадью около 4 га. Расстояние от берега моря более 1 км. Село Эшера (по-абхазски Ешыра) – один из крупнейших населенных пунктов Центральной Абхазии. Оно занимает зону холмистых предгорий (Верхняя Эшера), спускаясь в приморскую долину (Нижняя Эшера). Эшерское городище находится в селе Нижняя Эшера в 10 км. к северу от центра города Сухум.

История изучения археологического памятника. Впервые археологические памятники села Эшера были упомянуты Фредериком Дюбуа де Монпере, который посетил эти края в 1833 г., позже, в 1886 г. с памятниками этого села познакомилась графиня П. С. Уварова. В то же время археологическое изучение городища как памятника эпохи раннего железа началось в 30-е гг. XX в. благодаря деятельности Б. А. Куфтина и М. М. Иващенко (Куфтин, 1949; Иващенко, 1935). Последним, среди прочего археологического материала, были обнаружены и остатки фундаментов стен. В 1934–1935 гг. на городище работает Абхазская археологическая экспедиция Академии наук. Отряд, руководимый Б. А. Куфтиным, собрал подъемный материал из размытого на вершине культурного слоя. В основном этот материал состоял из обломков кровельной черепицы, фрагментов амфор, черепков крупных сосудов, сероглиняной керамики и т. д. Б. А. Куфтин на основании анализа фрагментов амфор отнес памятник к эпохе раннего эллинизма, т. е. к IV–III вв. до н. э. С конца 1967 г., по инициативе М. М. Трапша, исследования на Эшерском городище стали проводить со-

трудники Абхазского института Г. К. Шамба и Ю. Н. Воронов (Воронов, 1972. С. 103–120).

Результатами этих археологических изысканий стала статья Ю. Н. Воронова, в которой он анализирует материалы городища. Им же были обнаружены на территории городища остатки 10 зданий и оборонительных сооружений. Сооружения, на основании фрагментов импортной посуды, он датирует II–I вв. до н. э. Исследователь охарактеризовал Эшерское городище как поселение городского типа, являющееся «продуктом греческой колонизации, тесно связанное с Диоскурией». Начало экономического подъема он относит ко времени «не раньше первой половины, а возможно, и середины V в. до н. э.», а расцвет приходится на IV–I вв. до н. э.

Между тем систематические археологические раскопки памятника стали проводиться с 1968-го, с определенными перерывами, по 1988 г. Эти работы проводились экспедицией Абхазского института языка, литературы и истории во главе с Г. К. Шамба. В первый же год работ ею было выявлено захоронение раннеэллинистического времени, а также в 1972 г. был обнаружен могильник с 6 погребениями того же времени. За время проведения этих работ при раскопках городища были выявлены остатки жилых и оборонительных сооружений, относящихся в основном к I в. до н. э. Найдено также большое количество фрагментов керамической посуды VI–V вв. до н. э. В 1980 г. Г. К. Шамба были опубликованы первые результаты работ по исследованию городища (Шамба, 1980).

В 2003 г. археологические раскопки на памятнике были возобновлены совместной экспедицией Абхазского института гуманитарных исследований и Государственного музея Востока. Исследование было начато с верхней площадки памятника, где был заложен шурф, превращенный впоследствии в раскоп, в котором мощность культурного слоя превышала 4 метра. Из нижних слоев этого раскопа происходили фрагменты импортной керамики. Среди них большой интерес представляют остатки родосского сосуда (Джоупа А. И и др., 2004. С. 51–56; Шамба Г. К. и др., 2005). Плодотворными оказались для исследователей 2004 и 2005 гг. Работы велись в той же,

верхней части городища. Были подвергнуты изучению слои эллинистического и архаического времени. В первом слое было выявлено большое количество фрагментов черепицы, стенки мегарских чаш, фрагменты чернолаковых и краснолаковых сосудов импортного производства (Джоуа, 2009).

Таким образом, последние археологические исследования на памятнике Эшерское городище позволяют отнести его к более раннему периоду (первая половина VI в. до н. э.). Памятник раскрывает не только историю этого района, но историю материальной культуры одного из древнейших городов Причерноморья – Диоскурии.

Эшерское городище – ключ к Диоскурии. Туриста, пожелавшего увидеть руины древней Диоскурии, отведут на место бывшей турецкой крепости Сухум-кале. Ему могут показать раскопы с остатками раннесредневековой базилики и других построек Себастополиса, древнеримской крепости на берегу Восточного Причерноморья. Однако реальные фрагменты античной архитектуры в Сухуме показать нельзя, поскольку их пока не удалось обнаружить. Несмотря на существующие версии, что древняя Диоскурия могла находиться и в другом месте, совсем не стоит отметать гипотезу, что она покоится на дне Сухумской бухты под многометровым слоем ила. О том, что здесь все-таки был раннеантичный город, свидетельствуют и немногочисленные находки чернолаковой керамики, открытые в разное время, и мраморное надгробие V в. до н. э., являющиеся украшением Абхазского государственного музея. Но еще одним доказательством существования Диоскурии именно на месте Сухума является нахождение в его окрестностях хориона (т. е. города-спутника) – древнего городища в селе Нижняя Эшера. Именно здесь обнаружены наиболее ранние свидетельства контактов с греками, относящиеся к началу VI в. до н. э.

Памятник историко-культурного значения. Как известно, места посещения или показа как объекты туризма – одна из наиболее изучаемых тем в отрасли туристической методологии. И в этом смысле сам объект посещения – это туристический ресурс, на который направлен познавательный интерес

клиента. Выделяются два основных типа объектов посещения: природные объекты (памятники природы) и историко-культурные объекты (памятники культуры). В нашем же случае последнее определение более всего подходит к Эшерскому городищу как памятнику общеисторического мирового значения. Сам он примечателен тем, что тут есть на что посмотреть, в частности, на уникальную для Абхазии фортификацию Эшерского городища.

Так, при раскопке некрополя раннеэллинистического периода (конец IV–II вв. до н. э.) на верхней площадке городища Г. К. Шамба были выделены оборонительные сооружения и постройки общественного значения. К числу последних относятся остатки здания типа «казармы», обнаруженные в верхней площадке городища. Это было большое общественное здание, построенное в конце IV – в начале III вв. с внутренним двором перистильного типа. Несомненно, большой интерес представляют остатки фундамента здания на нижней площадке городища, состоящего из тесанных песчаниковых блоков. Как полагает исследователь, конструкция помещения имела деревянные колонны, которые вставлялись в специальные углубления. Здесь зафиксировано множество обугленных остатков бревен. Можно предположить о пожаре на рубеже II–I вв. до н. э., на что указывают найденные Г. К. Шамба фрагменты бронзовой таблички с греческой надписью. В настоящее время это архитектурное сооружение является пока единственным зданием общественного назначения античной эпохи на территории Абхазии. Подобные сооружения еще не открыты ни в древней Диоскурии (Сухуме), ни в Гюэносе (Очамчыра). Вместе с тем, характеризуя оборонительные постройки, можно выделить здесь, на городище, башни, куртины и ров.

Говоря о самой фортификации Эшерского городища, надо указать на крепость, относящуюся к эллинистической эпохе. Она была построена несколько позднее общественного здания нижней площадки – во II в. до н. э. Массивные башни и стены, сооруженные способом «панцирной кладки», надежно защищали городище. К крепости вел водопровод из керамических труб, вероятно, проведенный в это же время, причем

обнаружены две независимые друг от друга системы. По мнению Г. К. Шамба, одна система была резервной. К стенам примыкали жилые помещения казарменного типа. Очевидно, что гарнизон, охранявший крепость, активно занимался торговлей с окружающим населением. Также следует отметить осуществленные с 1968 по 1970 г. раскопки на окраине Эшерского городища, которые выявили башню эллинистического времени. Башня имела четырехугольную форму. Длина башни составляла с запада на восток 8 м. И еще, итогом работ 70-х годов явилось обнаружение на южной стороне городища рва, общей протяженностью вскрытого участка в результате раскопок более 70 м., проходящего в 10 метрах от оборонительной стены.

В 2004 г. было доисследовано помещение эллинистического времени, раскопки которого были начаты еще в 2003 г. В слоях, датируемых I веком до н. э., были обнаружены наконецник дротика и фрагменты панцирных чешуек. Тем самым подтверждается мнение Г. К. Шамба об использовании подобных сооружений в качестве караульных. В 2005 г. в западном углу этого раскопа на глубине около 2 м была обнаружена каменная вымостка. Рядом с ней найдены остатки деревянной балки, направленной с юго-запада на северо-восток, что подтверждает наличие первоначального поселения, имевшегося на месте Эшерского городища. В тот полевой сезон к северо-западу от городища был обнаружен и подвергнут изучению фрагмент водопроводной системы эллинистического времени. Выявляется здесь нижняя часть красноглиняного сосуда с диаметром дна менее 20 см, к которому вела керамическая труба. Диаметр трубы составлял 8 см. По всей видимости, сосуд выполнял роль накопителя, тем самым являлся отстойником воды из родника. Следует отметить, что продолжение водопровода прослеживается в направлении городища (Джопуа, 2009). Безусловно, требуются дальнейшие исследования для осмысления, уточнения хронологии архитектурных памятников и археологического материала Эшерского городища. Оно вполне достойно может считаться важным памятником истории. Находясь в 10–20 минутах езды от центра Сухума,

городище может стать интереснейшим объектом экскурсий. Однако для этого предстоит еще сделать многое.

Об идее музея-заповедника. Проблемы и их решения. Положение памятника далеко не безоблачно. Он активно зарастает, открытые стены разрушаются вследствие естественной эрозии. Еще в 1975 г. памятник был поставлен на охрану и было прекращено его хозяйственное использование, однако граница охранной зоны памятника до сих пор не обозначена, и он не имеет ограждения. Нам видятся следующие неотложные меры для спасения памятника. Прежде всего, необходимо очистить его от растительности и мусора. Тогда откроются остатки стен и башен, исследованных Г. К. Шамба. Эти старые раскопы необходимо зачистить и законсервировать. Следует удалить также часть растительности и на залесенном западном склоне холма, т. к., судя по выступам камня, здесь также шла стена. Все открытые помещения надо сразу консервировать и подготавливать для музейного показа. Вероятно, над стенами и пристенными помещениями следует установить легкий навес с прозрачной пластиковой крышей, который предохранит открытые помещения от разрушения дождем. Как при любом археологическом музее-заповеднике под открытым небом, при памятнике следует иметь и музейное здание с небольшой экспозицией, с отдельными находками, планами и фотографиями. Поскольку весь археологический материал Эшеры хранится в фондах Абгосмузея, Эшерский музей-заповедник должен стать его филиалом и носить имя первооткрывателя большинства памятников городища – выдающегося абхазского археолога, неутомимого исследователя Г. К. Шамба.

В систему заповедника необходимо включить и другие достопримечательности Эшеры, которые издавна интересовали путешественников. Это «Храм Дюбуа», дольменный комплекс в Кюр-Дере и средневековая крепость Уаз-Абаа, находящиеся в Верхней Эшере, недалеко от трассы. На берегу р. Гумиста, вблизи Эшерского шоссе, находится «Абхазский Стоунхендж»: знаменитые Эшерские кромлехи – долговременный культовый и погребальный комплекс эпохи средней бронзы и раннего железного века. Надо заметить, что эпоха поздней

бронзы представлена в Эшере комплексами колхидской культуры. Колхидский горизонт имеется и в эшерских дольменах, в кромлехах, в оссуарных погребениях и во втором доантичном слое на холме Верещагина.

Эшерское городище как туристический, археологический объект «под открытым небом». Очевидно, что Эшерское городище является своеобразным ключом к еще непознанной, вероятно, покоящейся на дне Сухумской бухты Диоскурии. Памятник раскрывает не только историю этого района, но историю материальной культуры одного из древнейших городов Причерноморья – Диоскурии. Он представляет для территории Абхазии уникальное место, где в концентрированном виде сохранились остатки античной архитектуры общественного и военного назначения. Мощные фундаменты стен, основания башен должны производить на посетителя неизгладимое впечатление. И это при том, что памятник расположен в удивительно красивом месте. Любому человеку, впервые поднявшемуся на городище и увидевшему открывающийся вид на Сухум, на море, на отроги Кавказских гор, приходит на ум всегда одна и та же мысль о том, что древние греки умели ценить красоту природы и находить великолепные места для своих укреплений. Несомненно, Эшерское городище более чем заслуживает быть археологическим музеем «под открытым небом».

Таким образом, посещение всех памятников, включая, прежде всего, Эшерское городище, можно объединить в один увлекательный туристический маршрут. Хронологический диапазон археологической экскурсии таков, что перед ее участником предстанет история Абхазии, начиная с эпохи бронзы и заканчивая эпохой средневековья.

Нет никакого сомнения, что заповедник в Эшере очень нужен. Только благодаря ему можно будет сохранить и сделать общим достоянием эту частицу мирового наследия – уникальные памятники села Эшера. Хочется надеяться, что это дело недалекого будущего.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воронов Ю. Н. Об Эшерском городище // СА. N 1. – М., 1972.
2. Джопуа А. И. Центральная Абхазия в I в. до н. э. по археологическим памятникам села Эшера / Автореферат на соискание ученой степени к. и. н./ М., 2009.
3. Джопуа А. И, Шамба Г. К, Ксенофонтова И. В, Эрлих В. Р. Новые находки архаической греческой керамики из района Диоскурии // Боспорский феномен. Санкт-Петербург, 2004.
4. Иващенко М. М. Исследование архаических памятников материальной культуры в Абхазии. Тифлис, 1935.
5. Куфтин Б. А. Материалы к археологии Колхиды. Том I. 1949.
6. Шамба Г. К. Эшерское городище. Тбилиси: Мецниереба, 1980.
7. Шамба Г. К. Об одном эллинистическом захоронении представителя древнеабхазской знати из с. Эшера // Известия АИЯЛИ. Тбилиси, 1972.
8. Шамба Г. К. Эрлих В. Р., Ксенофонтова И. В, Джопуа А. И. Работы на Эшерском городище в Абхазии // Археологические открытия 2004 г. М., 2005.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДРЕВНЕАБХАЗСКИХ ПЛЕМЕН

Абхазский этнос сложился на Черноморском побережье Кавказа, в том числе и на территории нынешней Абхазии, в результате длительного процесса этнической консолидации древнего, аборигенного населения края с пришлыми, родственными абхазам племенами из северо-восточных районов Малой Азии в 3–2 тыс. до н. э.

В это время складываются, в основном, устойчивые древнеабхазские племена, консолидация которых привела к образованию единой абхазской народности.

Как известно, Абхазия принадлежит к тем частям земли, где появляется очень древнее человеческое общество. Начиная от нижнего палеолита, Абхазия была непрерывно заселена человеком.

При решении вопроса о происхождении абхазов, необходимо учитывать их генетическое родство с кавказской этнической семьей, подразделяющейся на три ветви: вайнахи (чеченцы, ингуши, кистинцы, бацбийцы), дагестанцы (аварцы, лезгины, даргинцы, лаки, табасаранцы, и др.), абхазо-адыги (абхазы, абазины, убыхи, садзы и адыгские народы: адыги, шапсуги, черкесы, кабардинцы). Представители этой этнической семьи являются древнейшими обитателями Кавказа и связаны друг с другом общностью происхождения.

В науке установлены также несомненные черты родства Кавказских языков с некоторыми, ныне мертвыми, языками Передней Азии, в частности, с протохетским языком. Этот язык, особенно, близок к абхазо-адыгским языкам, в частности, к убыхскому.

К протохеттам следует отнести малоазийских «кашков», этнос которых увязывается с одним из наименований адыгов – «касоги». Другим наименованием кашков, по данным асси-

рийских источников, было «абешла», которое ученые увязывают с абхазами (Г. А. Меликишвили. С. Т. Еремян). Факт бытования определенной части этнических предков абхазо-адыгских народов в северо-восточной части Малой Азии и в юго-восточной части Закавказья подтверждается, прежде всего, топонимическими материалами, на которые указывали многие авторы: П. Услар, Д. Гулиа, А. Глейе, Н. Марр, А. Грен, П. Ушаков, И. Джавахишвили и др. Такие топонимы и гидронимы, как Синоп, Акампис, Арипста, Апсар, Дуабзу, Супса, Фасис и др., непосредственно увязываются с абхазским языком.

Об этнических связях абхазо-адыгов с переднеазиатским миром свидетельствуют этнографические материалы и этногенетические предания, по которым народы Западного Кавказа переселились из Малой Азии. Об этом говорят и антропологические исследования (Б. В. Бунак, «Понтийская раса»), и данные археологии.

С начала ранней бронзы и вплоть до конца средней бронзы следует рассматривать как начальную стадию формирования древнеабхазского этноса, когда происходит интенсивный процесс этнического слияния пришлых малоазийских племен с местным энеолитическим населением края. Результатом процесса этнической консолидации пришлых и местных элементов и явился древнеабхазский этнос – непосредственный предок единой абхазской народности.

В этническом составе населения, занимающего эту территорию с конца 3 тыс. до н. э., когда здесь появилась дольменная культура, и до современной эпохи не происходило коренных изменений, т. е. на протяжении около 4 тыс. лет прослеживаются с чрезвычайной стойкостью одни традиции погребального культа» (Л. Н. Соловьев).

Последующая стадия культурного развития общества на побережье Абхазии, тесно связанная с предшествующей, представлена комплексом памятников, известных под названием «колхидской культуры». В системе единой колхидской культуры исторические памятники на территории Абхазии отмечались своими особенностями. Своеобразие памятников обусловлено не только особенностями хозяйственной жизни

местного населения, но и его этническими особенностями, т.е., одним из показателей этнической индивидуальности населения Абхазии в рассматриваемую эпоху.

В условиях интенсивного разложения первобытнообщинных отношений, складываются устойчивые союзы соседних и родственных племен. Одним из таких крупных, племенных объединений на территории Северо-Западного Кавказа был киммерийский союз, а также Синды. Позднее на территории Абхазии появляются «скифо-сарматские» этнические элементы, которые не оказали существенного влияния на этнический облик древних абхазов.

Абхазия в эпоху Колхидского царства (VI–II вв. до н. э.) Этнический состав населения раннеантичной Абхазии

Территория Абхазии в античную эпоху входила в состав большой политико-географической единицы, которую античные авторы называли «Колхидой».

Описывая Колхиду и колхидские племена IV в. до н. э., автор того же периода Псевдо-Скилак Кариандский, перечисляет племена Кавказского Причерноморья с севера на юг и называет их в следующей последовательности: синды, керкеты, тореты, ахеи, гениохи, кораксы, колы, меланхлены, гелоны и колхи. Другие авторы перечисляют племена Кавказского Причерноморья в другой последовательности и в другом списке. Но проблема в том, что ни один из древних авторов не определил этническую принадлежность названных племен. Вот, что по этому поводу пишет З. В. Анчабадзе: «Многие этнические названия, зафиксированные в сочинениях античных (греческих и римских) писателей, исчезают уже в древности или в раннефеодальный период, в силу чего порой совершенно не представляется возможным установить этнический облик их носителей» (Анчабадзе, 1964. С. 125).

Из многочисленных племен Восточного Причерноморья, о которых писали античные авторы, выделялись «колхи» и «гениохи». Исходя из исторических фактов проживания абхазов

и адыгов в Передней Азии и во всем Кавказском Причерноморье, с древнейших времен и, говоря о многочисленных племенах Колхиды, о которых писали авторы Рима и Византии, З. В. Анчабадзе пришел к выводу о том, что «...выше упомянутые имена этнических подразделений, увязываются с абхазо-адыгской этнической общностью» (Анчабадзе, 1976. С. 39).

Кораксы; колы. Эти «племена» впервые упоминаются в сочинении Гекатея Милетского (VI в. до н. э.). О кораксах Гекатей сообщает следующее: «Кораксы – племя колхов вблизи колов... Кораксийская крепость и Кораксийская страна (или стена? – Т. Г.).

По соседству с кораксами (к югу от них) Гекатей помещает «племя» колов. Псевдо-Скилак Кориандский (IV в. до н. э.) кораксов и колов помещает к северу от Диоскурии и в этническом отношении они не колхи, поскольку Псевдо-Скилак называет их отдельно от колхов. На основании данных Гекатея и Псевдо-Скилака считать кораксов, колов и колхов мегрело-лазскими племенами нет никаких оснований. (Анчабадзе, 1976)

О терминах «Колхида» и «Колхи». Термин «Колхида» впервые появляется в произведениях поэта Пиндара и драматурга Эсхила в VI–V вв. до н. э. (Гицба, 2012. С. 30).

Территория Абхазии, как было сказано выше, входила в состав большой политико-географической единицы, которую античные авторы называли «Колхидой», а все ее население обозначали, нередко, общим именем «колхи».

Все побережье, по крайней мере, от Анапы и Трапезунта называлось Колхидой, и эту территорию с древнейших времен населяли многочисленные абхазо-адыгские племена под именем «колхи». Анонимный автор V в. н. э. (Псевдо-Арриан) под собственно «колхами» подразумевал коренное население области, расположенной к югу от Диоскурии, до реки Апсара (сов. Чорохи). Он пишет: «От Диоскуриады... до реки Апсара прежде жил народ, называемый «колхами», и переименованный в лазов. Из сказанного Псевдо-Аррианом совершенно очевидно, что лазам предшествовали колхи, что лазы – не колхи, что, только после ухода колхов они присвоили это имя.

Появление лазов на Восточном побережье Черного моря, в долине реки Апсара (Чорох), зафиксировано только в 70-х гг. I в. н. э. Об этом писал Плиний Секунд (Гицба, 2012. С. 26, в примечании).

Гениохи. Одно из крупных племен, входивших в абхазо-адыгский этнический мир, – это гениохи.

В сообщениях древних авторов: Страбона (I в. н. э.), географа Птолемея (II в. н. э.), Псевдо-Орфея (IV в. н. э.) и др., перечисляется много племен, в числе которых называют и гениохов. Среди племен, иногда, выделяли несколько племен, видимо, наиболее значимых и многочисленных. Так, например, Псевдо-Орфей в IV в. н. э. пишет, что вдоль побережья Кавказа живут «...славные племена колхов, гениохов и абазгов» (а лазы к этому времени называли себя «колхами».)

Сообщения вышеназванных авторов относятся (по времени) до начала объединительного процесса, т. е. до VI в. н. э., пока все племена жили разрозненно, независимо друг от друга, со своими правителями, этнотерриториальными особенностями, сохраняя и свои племенные имена.

С началом объединительного процесса, во главе с абазгами, племена постепенно сливаются и к VII в. из истории исчезают их имена, в том числе, и гениохи. Видимо, история сохраняет наиболее сильных.

Социально-экономическое развитие Абхазии в раннеантичном периоде (VI–IV вв. до н. э.)

В раннеантичный период (VI–IV вв.) в жизни населения Абхазии происходят коренные изменения, обусловленные дальнейшим развитием производительных сил и экономики. Прежде всего, надо указать на дальнейшее развитие металлургии железа, из которого изготавливали боевое оружие и орудия труда (раскопки М. Трапш на Сухумской горе и горе Гуад-иху и заключение А. Л. Лукина о том, что в VI–V вв. произошел окончательный переход от бронзы к железу). Заметно возросла роль земледелия. Пользовались, обычно, деревянной сохой, в которую впрягали рабочий скот (в раскопках, на горе

Гуад-иху были найдены железные сошники от такой сохи). Селяли, по-видимому, пшеницу, ячмень и, особенно, просо.

Широкое развитие в Абхазии получила культура льна, о чем говорят многие античные авторы (Геродот и др.) Высокого уровня достигают виноградарство и виноделие. Основными видами домашних животных были: корова, бык, овца, коза, лошадь. Развиваются рыболовство, птицеводство и т. д. Из источников видно, что продукты пчеловодства (мед, воск) и корабельный лес широко экспортировались.

В рассматриваемую эпоху значительно возросла роль различных ремесел, особенно – гончарного производства (материалы раскопок на Сухумской горе: сосуды (пифосы, амфоры, канфары, килики, горшки, кувшины, кружки, миски, кровельная черепица и др.) Широкое развитие получило ткачество (материалы раскопок в районе Сухума). Определенная часть ткацкой продукции шла на продажу. Это подтверждается сообщением Геродота о том, что «...они (колхи – *З. Анчабадзе*) и египтяне одни обрабатывают лен и, притом, одинаковым способом...». Колхидское полотно у эллинов носило название «сардонического».

В Абхазии издавна бытовал промысел добычи соли, но временами (в IV в. н. э.) завозили таврическую соль (из Крыма).

В VI–IV вв. внешняя торговля Абхазии достигает широкого размаха. В V–IV вв. до н. э. население Абхазии развивает экономические связи, в основном, с собственно Грецией (с Афинами), а также с городами западной части Малой Азии (с Милетом) и островами Ионического моря, с греческими городами Северного Причерноморья, а также со странами Ближнего Востока: Персией, Сирией, Египтом.

Из торговых центров Средиземноморья в Абхазию завозили, например, художественную керамику, оливковое масло, вино, соль и др. Из восточных стран – украшения, благовония и пряности. Взамен этих товаров, Абхазия (Колхида) поставляла лен и льняные изделия, корабельный лес, мед, воск, пшеницу, смолу, железо и т. д.

После завоеваний Александра Македонского (30–20-е гг. IV в. до н. э.), важнейшую роль в торговой жизни Абхазии стало

играть Черноморское побережье Малой Азии – Трапезунд и Синопа. Например, привозная керамика IV–I вв. до н. э., поступала из Синопы.

Устанавливаются новые экономические связи с рядом Малоазийских и Восточносредиземноморских центров – Пергам, Мегара и, особенно, Родос (материалы раскопок в Сухуме, Эшере и др. пунктах Абхазии).

Абхазы были связаны с городами Эллады и Ближнего Востока не только торговыми отношениями, представители абхазского этноса жила в этих странах с глубокой древности.

О большом ареале расселения абхазо-адыгского этноса в древности писали как античные, так и современные авторы. В их исследованиях подчеркивается, что предки абхазов и адыгов населяли территорию, начиная от берегов Черного моря и до стран Передней Азии: Месопотамии, Малой Азии, Египта, Иордании, Сирии и др.

Востоковед, профессор, академик П. Ушаков в 1921 г. писал: «Во времена глубокой древности, за XV–XVIII вв. до н. э., племена абхазо-черкесской группы занимали все пространство западной половины Кавказа от Черноморской губернии, через всю Колхиду (Поти-Батуми) сплошной полосой до истоков Евфрата» (Гицба, 2012. С. 20).

О связях абхазов с Ближним Востоком, в частности, с государствами Месопотамии и роли языка протоабхазо-убыхов писал, также, востоковед, профессор А. К. Глей. Вот, что он отмечает: «Язык протоабхазо-убыхов, т.е. язык могущественного народа Митанни, распространившись далеко на юг, обслуживал государство в северной Месопотамии» (Гицба, 2012. С. 20).

ЛИТЕРАТУРА

1. Анчабадзе З. В. История и культура древней Абхазии. М., 1964.
2. Анчабадзе З. В. Очерк этнической истории абхазского народа. Сухуми, 1976.
3. Гицба Т. Ш. Страна древних абазгов. Сухум, 2012.

О ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ЗАСЕЛЕНИИ АБХАЗИИ ЧЕЛОВЕКОМ СОВРЕМЕННОГО ВИДА

Территория Абхазии издревле являлась той областью, через которые осуществлялись контакты между различными соседними регионами, такими как Закавказье, Северный Кавказ, Крым, Восточная Европа, Передняя Азия и Малая Азия. Данные археологии свидетельствуют, что эти контакты наметились на ранних этапах человеческой истории, когда Абхазия была ареной движения древнейших людей еще до окончательного биологического оформления человека современного вида. Тем самым Абхазия может считаться важным звеном так называемого «Причерноморского пути миграции» древнего человека эпохи палеолита. Однако на фоне бурного развития исследований в области древнейшей истории человечества, Абхазия остается районом, который слабо представлен антропологическим материалом, что не позволяет в полной мере судить о морфологической природе населения интересующей нас эпохи. Основным материалом остаются данные археологии и материалы палеоантропологии соседних областей. Особенно это касается проблемы расселения ранних представителей человека анатомически современного вида, которая является одной из приоритетных в современной науке, что делает необходимым все-таки представить в общих чертах, каково место и Абхазии в этом процессе.

Современные данные эволюционной антропологии свидетельствуют, что человек анатомически современного вида или *Homo sapiens* сформировался в Восточной Африке. Его становление, является результатом вероятной гибридизации различных эволюционных линий гоминид, в ходе которой происходило накопление определенных так называемых «сапиентных» признаков. Следовательно, для ранних этапов биологической эволюции и до «Великого исхода» из Африки, можно допустить узкий «африканский мультрорегиональ-

ный сценарий» эволюции *Homo sapiens*. В подтверждение того что именно Африка является доподлинной известной прародиной *Homo sapiens* свидетельствуют: во-первых факт наличия самых древних его ископаемых останков или останков морфологически близких ему и восходящих уже к концу среднего плейстоцена; во вторых именно здесь как никогда и нигде на ископаемом материале мы можем выявить и проследить эволюционную динамику сапиентных признаков, и процесс трансформации местных *Homo erectus* в *Homo sapiens*; в третьих анализ посткраниального скелета *Homo sapiens* свидетельствует о выраженных адаптивных особенностях, присущих именно тропическим областям и, в четвертых, все современные генетические данные в целом указывают на вероятный «африканский очаг» его становления. Таким образом, все выше изложенное однозначно свидетельствуют, что относительно других областей, там, где *Homo sapiens* появился значительно позднее, можно говорить о его моноцентрическом сценарии, т. е. о такой модели, по которой человек анатомически современного вида появился в одном месте земного шара, в данном случае, в Африке с последующим освоением им остальных областей мира. Генетические данные также со всей очевидностью подтверждают этот факт (теории «митохондриальной Евы», «Ноева ковчега», «Первичного Адама»). Тем самым все это позволяет нам говорить о так называемом сценарии «Африканского исхода» человека анатомически современного вида. Отчасти этим и объясняется тот факт, что самые ранние миграционные пути в процессе расселения *Homo sapiens* примыкали в основном к «Большому Афразийскому прибрежному поясу», первоначально не выходя за рамки тропических областей. Это отчасти подтверждает тот факт, что *Homo sapiens* в своей адаптивной стратегии формировался как тропический вид. (Зубов, 2004. С. 484; Долуханов, 2008. С. 40)¹⁴.

¹⁴ Здесь имеется в виду, что первая миграция сапиенса осуществлялась по северному побережью Индийского океана. Этим объясняется факт сравнительно раннего появления первых сапиенсов в области Австралии и Индонезии возрастом до 60–50 т. л. н., т. е. даже значительно раньше, чем даже в самой Европе и некоторых других областях умеренных широт.

Параллельно процессу формирования *Homo sapiens*, шло формирование и других видов гоминид, таких как «Денисовский человек» в областях Центральной Азии, «Эректусов» в областях Юго-Восточной Азии и еще одного вида человека – неандертальского. Со всеми этими видами сапиенс вступал в культурные и вероятно отчасти биологические контакты. В контексте нашей статьи интерес конечно больше представляет взаимодействие сапиенсов с неандертальцами. Данные антропологии, археологии и генетики, свидетельствуют, что неандертальский таксон формировался преимущественно как классический европейский вид. Так как именно в Европе шло формирование его морфологических особенностей, присущих областям северных умеренных широт. Доказательством этого является факт расширения ареала его обитания на позднем этапе, соответствующего этой климатической зоне (Долуханов, 2008. С. 40). В этом смысле неандертальский человек может считаться северным евразийским видом, охватывавшим области умеренных широт включая Европу, Кавказ, частично север Передней Азии, Казахстан, Среднюю Азию и далее на восток вплоть до Алтая. Эволюция этого вида шла параллельно с видом *Homo sapiens*, и расхождение неандертальской и сапиентной линий произошло приблизительно 400 т. л. назад, а по некоторым другим данным даже 800 т. л. н. (Беневоленская, 2004. С. 23.). Базой для сложения и формирования неандертальской линии служили группы гоминид, традиционно именуемые гейдельбергским человеком. Все известные места находок неандертальского человека всегда сопровождаются материалами среднего палеолита или мустье. Тем самым мустьерские культуры, скорее всего, оставлены неандертальскими людьми. В то же время традиционное представление о том, что верхнепалеолитические культуры были созданы и оставлены человеком разумным, скорее допустимо лишь для его поздних этапов миграций на севере Евразии. В первоначальных областях сложения *Homo sapiens*, верхнего палеолита в традиционном его понимании практически нет или он просто не выражен. Материальная культура первых *Homo sapiens*, скорее, не отличалась от культур, предшествующих верхнему

палеолиту, и несли в себе черты в отдельных случаях более архаичные, схожие даже с ашельскими индустриями. Вероятно, сложение самих верхнепалеолитических индустрий связано с поздними этапами миграций сапиенсов, когда проникновение в другие экологические зоны, способствовало изменению стратегии жизнеобеспечения, проявлявшемуся в изменениях составляющей материальную культуру предметов (изменение техники обработки орудий труда в связи с изменением их функций). Другой вариант предполагает, что сложение верхнего палеолита связано с наличием определенных контактов различных эволюционных линий, в данном случае, неандертальского и сапиентного таксонов. В какой-то мере это подтверждается тем фактом, что верхнепалеолитические культуры географически всегда приурочены к областям прежнего обитания неандертальцев, предшествовавших сапиенсам, или расположены непосредственно вблизи его ареала. Если более спорным выглядят биологические аспекты этих контактов что, в конечном итоге позволяло бы говорить об обмене генофондами между неандертальским и сапиентным таксонами, то не исключена форма обмена культурными достижениями между ними. Данные археологии, в какой-то мере подтверждают эти факты¹⁵.

Другая проблема - это время окончательного эволюционного формирования *Homo sapiens*, и кристаллизация его всех основных ярко выраженных сапиентных признаков. Здесь на помощь к нам приходят данные палеоантропологии. Считается, что непосредственными предшественниками анатомически современных людей были различные группы гоминид, вероятно, промежуточные между *Гомо еректус* и *Гомо сапиенс*. Наиболее ранних принято именовать *Гомо Родезиенсис* (*Homo rhodesiensis*) а более поздних *Гомо гельмей* (*Homo helmei*). Именно в этом хронологическом эволюционном диапазоне прослежено наибольшее число переходных форм ископаемых людей. Самой древней находкой, относимой к *Homo sapiens*, является череп *Омо I* (Эфиопия), который да-

¹⁵ В свете последних данных палеогенетики все таки приходится говорить о реально имевших место генетических контактах разных эволюционных линий гоминид эпохи плейстоцена, правда, весьма незначительных.

тируется возрастом 190–200 т. л. н. К нему морфологически близка находка из Херто (Эфиопия), датируемая возрастом от 154 до 160 т. л. н. (Вишняцкий, 2010. С. 222.). Иногда представителя из Херто именуют *Homo sapiens idaltu*. (Беневоленская, 2004. С. 23.). В качестве наиболее ранних звеньев этой линии эволюции рассматривают, как правило, черепа из Броккен Хилл (Замбия), Эландствонстейн (ЮАР), Ндуту (Танзания), Бодо (Эфиопия) и др.¹⁶. Их возраст не моложе середины среднего плейстоцена Афразии. (Вишняцкий, 2008. С. 15)¹⁷.

В связи с достижениями эволюционной антропологии, все более склоняющими к факту моноцентрического сценария становления и последующего развития *Homo sapiens*, на сегодняшний день нам следует заново коснуться проблемы роли и места Абхазии и всего Восточнопричерноморского региона в этом процессе. Отсутствие материала пока не дает нам возможности окончательно ответить на вопрос, являлась ли Абхазии и в целом территория Кавказа центром сложения человека анатомически современного вида. Материалы антропологии и археологии скорее дают отрицательный ответ, или с осторожностью позволяют говорить, что Южный Кавказ мог входить в очаг сапиентации. Судя по имеющемуся на сегодняшний день материалу верхнего палеолита, а главное, эпохи мустье, следует говорить, что *Homo sapiens* пришел на Кавказ, а значит и в Абхазию, сравнительно поздно. Это особенно отчетливо видно по хронологическому положению средне и верхнепалеолитических памятников Абхазии и соседних областей. Все без исключения памятники среднего палеолита (мустье) всегда занимают более раннюю хронологическую позицию, и не выходят за верхний рубеж в 35 т. л. н. Так допустим мустьерский слой пещеры Апианча датируется периодом 32,8 т. л. н. (Вишняцкий, 2008. С. 113). Если мы перейдем к хронологическому анализу верхнепалеолитических памятников,

¹⁶ С учетом объема статьи автор не может сколько либо подробно останавливаться на обзоре гипотез и теорий происхождения анатомически современного человека.

¹⁷ Под географическим термином «Афразия» в эволюционной антропологии объединяют материки Африка и Евразия, на которых разворачивались основные эволюционные «события» гоминизации и сапиентации.

то и здесь отчетливо просматривается такая позиция. Сегодня самую раннюю для Восточного Причерноморья верхнепалеолитическую дату имеет пещера Ортвала-Клде, которая датируется периодом 35 000 л. н. Так, к примеру, хронологический диапазон верхнепалеолитических материалов пещеры Апианча находится в пределах от 32 000–32 800 л. н. до 14 330 л. н. Пещера Дзудзуана от 31 000–30 350 л. н. до 11 500 л. н. Верхнепалеолитический материал пещеры Котиас-Клде имеет сравнительно позднюю дату в 11 500 л. н. Другие пещеры, например Девис-Хврели - 10 025 л. н., Сакажия - 11 700 л. н., Гварджилас-Клде - 15 960 л. н., Самерцхле-Клде - 20160 л. н. Пещера Боди имеет верхнепалеолитический слой датировкой в 24–21 т. л. н. Для последних памятников речь, вероятно, идет о средних хронологических датах, которые, вероятно, не являются последними (Ниорадзе, Ниорадзе, 2009. С. 235.). Для соседних верхнепалеолитических памятников Северо-Западного Кавказа так же получены хронологические даты. Так Мезмайская пещера имеет сравнительно раннюю дату в 36 100 л. н. (Голованова, Дороничев, Блажко, 2006. С. 59.). Материалы верхнепалеолитической Касожской пещеры имеют дату примерно в 21 200 л. н. (Блажко, 2006. С. 29.). Тем самым в общих среднестатистических границах верхний палеолит наступает, во всяком случае, для всего Западного Кавказа включая сюда, разумеется, и Абхазию, в пределах 33 000 л. н. (Голованова, Дороничев, Блажко, 2006. С. 59.). Из этих данных видно, что где-то в хронологическом диапазоне от 38 до 32 т. л. н. происходила смена мустьерских культур на верхнепалеолитические.

Что касается фрагментарного палеоантропологического материала, то и он дает нам некоторое представление о морфологической природе обитателей интересующей нас эпохи и региона. Как и ожидалось все мустьерские памятники Кавказа, оставлены неандертальским человеком. Так в пещере Сакажия в мустьерском слое обнаружены останки неандертальца, схожего с палестинскими формами и несущие сапиентные морфологические черты. Возможно, речь идет даже о метисной форме (Векуа, Габелая, Мухелишвили, 1981. С. 40; Габуня, 2009. С. 100.).

Векуа, 1985. С. 77–78; Зубов, 2004. С. 303). В пещере Джручула в мустьерском слое обнаружены останки неандертальца, который по ряду признаков близок неандертальцу из Сакажия (Векуа, Габелая, Мухелишвили, 1981. С. 39; Харитонов, 2004. С. 49). В Бронзовой пещере найден зуб неандертальца, относящийся к раннему или к позднему мустье. Зуб палеоантропа найден также в мустьерских слоях пещеры Ортвала (Харитонов, 2004. С. 49). Останки зубов человека предположительно неандертальского типа обнаружены и в пещере Цуцхвати (Габуня, Векуа, 1985. С. 77). Имеются веские основания считать и находки отдельных зубов в мустьерских слоях пещер Мачагуа в Абхазии принадлежащими неандертальскому таксону или человеку современного вида, однако отсутствие данных об их морфологии пока не дают возможности для определения их точного таксономического статуса (Хварцкия, Полякова, Очередной, 2005). Большое значение имеют и данные по материалам Северного Кавказа. Так в Мезмайской пещере обнаружены останки неандертальца с сапиентными чертами, которые обладают чертами, сближающими его с типом Схул (Харитонов, 2004. С. 49; Зубов, 2004. С. 366). Особый интерес в этой связи имели исследования германских генетиков, которые, выделив геном мезмайца, установили его близость все-таки больше к западноевропейским формам. (Васильев, 2004. С. 19). В Баракаевской пещере обнаружена нижняя челюсть ребенка, ряд признаков свидетельствует о переходном типе от палеоантропа к неоантропу (Харитонов, 2004. С. 49, Зубов, 2004. С. 279). Однако ряд морфологических признаков свидетельствует о том, что человек из Баракаея ближе к западноевропейским формам неандертальцев, чем к переднеазиатским типам Шанидар и Схул (Зубов, 2004. С. 279).

Переходя к обзору следующей верхнепалеолитической эпохи, отметим, что и здесь мы имеем очень ограниченный материал. Самой ранней по хронологии находкой останков человека анатомически современного вида на сегодняшний день для Кавказа является находка в ашельских слоях пункта Раздан в Армении. Однако отсутствие точных данных о геологических условиях залегания останков пока препятству-

ет признанию этой находки древнейшей на Кавказе, так как останки *Homo sapiens* в столь раннее время в Евразии пока неизвестны (Харитонов, 2004. С. 49). С учетом того факта, что в ашельскую эпоху сапиенсы уже обитали в Восточной Африке, по моему мнению, эта находка, вероятно, свидетельствует об очень раннем, скажем так, аномальном проникновении некоторых единичных групп сапиенсов, имевшем место еще до «Великого Африканского сапиентского исхода». В литературе так же встречается указание на находку черепа человека анатомически современного вида из Западной Грузии, который несет на себе протоавстралоидную комбинацию морфологических признаков (Герасимов, 1955. С. 256.). Из ориньякского слоя пещеры Девис-Хврели происходит нижняя челюсть молодой женщины сапиентного типа (Алексеев, 1974. С. 83). В пещере Боди найден зуб *Homo sapiens* (Tushabramishvili, Pleurdeau, Moncel, Agapishvili, Vekua, Bukhsianidze, Maureille, Muskhelishvili, Mshvildadze, Kapanadze, Lordkipanidze, 2012).

Останки человека обнаружены и на территории Кавказского Причерноморья, к примеру, интерес представляют находки *Homo sapiens* из мустьерских слоев Ахштырской пещеры (Векилова, Зубов, 1972. С. 62). Есть сведения о находке черепа анатомически современного человека в Навалишенской пещере в ущелье реки Хоста, который по ряду морфологических признаков характеризуется евро-африканскими чертами (Инал-Ипа, 2011. С. 126). Останки человека найдены и в верхнепалеолитических слоях пещеры Окум I в Абхазии (Бердзенишвили, Бурчак-Абрамович, Хубутия, 1978. С. 83; Бурчак-Абрамович, 1981. С. 124). Фрагменты останков человека анатомически современного вида происходят и из переходных от верхнего палеолита к мезолиту слоев пещеры Апианча (Кеп-Богаз) (Бурчак-Абрамович, 1977. С. 140). Из предположительно позднепалеолитического или раннемезолитического слоя пещеры Куаб-Чара в Абхазии происходят две нижние челюсти *Homo sapiens* с рядом архаичных так называемых пресапиенских черт, т. е. принадлежавших к позднему архаическому сапиенсу, но все же относящихся скорее к анатомически современному человеку (Воронов, 2009. С. 27).

Большой интерес представляют находки останков людей анатомически современного вида из Холодного грота (грот Хупы-нипшахуа) (Соловьев, 1961. С. 194; Соловьев, Орелкин, 1961. С. 145; Формозов, 1963. С. 185). В гроте Сатанай (Губский навес № 7) обнаружен череп женщины *Homo sapiens*, который сходен с сапиентными черепами Центральной и в меньшей степени Западной Европы, в частности с такими материалами как Костенки XIV, Костенки II, Оберкассель, Дольне Вестонице III (Харитонов, 2004. С. 50). Из Подкумок, близ города Пятигорска имеются также останки человека в частности фрагмент черепа (Алексеев, 1974. С. 83).

Сегодня нам сложно ответить на вопрос, как протекал процесс проникновения первых сапиенсов на Кавказ и непосредственно в Восточное Причерноморье. Сегодня можно считать доказанным, что мустьерские культуры в большей своей части связаны с неандертальским таксоном и верхнепалеолитические индустрии генетически с мустье не связаны. Все факты, которые могли бы свидетельствовать о генетической связи индустрий мустье и верхнего палеолита либо ошибочны, либо отражают лишь культурные контакты двух видов - неандертальца и сапиенса. Это дает нам право говорить, что Кавказ тем самым входил в обширный ареал обитания неандертальского человека. Судя по скудным данным палеоантропологии и опираясь на некоторые немногочисленные данные по абсолютной хронологии, следует предположить, что примерно в пределах от 38 до 32 т. л. н. происходила постепенная смена мустьерских культур на верхнепалеолитические. Наверняка этот процесс отражает и миграции самих физических носителей верхнепалеолитических культур, это свидетельствует о том, что сапиенс на Кавказе не имеет местного автохтонного происхождения (Васильев, 2004. С. 20). И что на Кавказе верхний палеолит появился сравнительно поздно.

В то же время, мы отмечаем сравнительно раннее проникновение ранних сапиенсов на Ближний Восток, находящийся в непосредственной близости от тропической области, что относится ко времени 120–100 т. л. н. Правда, здесь он имел скорее кратковременное пребывание, и его культура

Ябрудьен быстро сменяется мустьерской индустрией, оставленной переднеазиатскими неандертальцами, очевидно, мигрировавшими сюда с Европы или Средиземноморья. Вероятнее всего на первоначальном этапе своего расселения сапиенсы не проникали на территорию Кавказа, и здесь имел место процесс расселения неандертальских людей. Попытка проникновения сапиенсов севернее «большого Индийского побережья» становилась возможной в силу климатических изменений. Потепление способствовало образованию некоего климатического и хронологического зазора, который позволял сапиенсу несколько отклоняться от тропического маршрута. Именно такими причинами, вероятно, и следует объяснить попытку первого проникновения сапиенсов на Кавказ.

Интересно то, что появление верхнепалеолитических культур, а вместе с ними и их носителей в лице анатомически современного человека на Кавказе так же хронологически совпадает с определенными климатическими процессами. Палеогеографические данные Кавказа свидетельствуют, что сапиенс проникает сюда в период, который соответствует интервалу относительного потепления, знаменующего собой переход к самому мощному оледенению Вюрм II, который совпадает с кислородно-изотопной стадией 3 и датируется временем 36–38 т. л. Это время и соответствует периоду, когда на Кавказе происходила смена неандертальского человека человеком анатомически современного вида.

Нам сегодня сложно судить, откуда непосредственно происходило проникновение сапиенсов на территорию Восточного Причерноморья и Абхазии. Имеющиеся в наличии данные археологии, скорее, свидетельствуют о том, что верхнепалеолитические памятники Восточного Причерноморья в целом тяготеют к аналогичным памятникам севера Передней Азии, в частности областей Загра. Так памятники верхнего палеолита, расположенные непосредственно в Западной Грузии, объединяемые непосредственно в так называемую Имеретинскую культуру, наиболее близки к Барадостской и Зарзийской культурам и отличаются от культуры Леванта¹⁸. Эти сходства могут

¹⁸ В последнее время, правда, высказан новый взгляд на происхождение так называемой «Имеретинской» (западно-закавказской) верхнепалеолитической

быть обусловлены, по-видимому, и популяционным единством населения. Материалы с Черноморского побережья Кавказа показывают следы постоянных передвижений и культурных связей населения, и свидетельствуют о наличии контактов между Имеретинской и Губской культурой Северо-Западного Кавказа.

В то же время достаточно обособленно выглядит положение памятника Широкий Мыс, который почему то не находит точек соприкосновения ни с Имеретинской ни с Губской культурами. Следует отметить и намечаемое уже в финале верхнего палеолита все большее различие этих культур. Особенно это отчетливо прослеживается между памятниками означенной эпохи по обе стороны Кавказского хребта. В последнем случае его можно объяснить и природными факторами, когда во время максимального оледенения Кавказский хребет был закрыт мощным ледником, с последующим разрывом культурных коммуникаций того времени, что способствовало размежеванию культурного развития и отклонению его географического вектора.

Сегодня сложно что-либо сказать о том, как протекал процесс культурного и даже биологического сосуществования на отдельных хронологических отрезках времени представителей различных эволюционных линий гоминид. И тем более сложно ответить на вопрос, входил ли Кавказ и Абхазия в очаг становления человека анатомически современного вида. Не исключено, что Кавказ отчасти периферийно входил в очаг сапиентации, куда, правда, медленно, но все-таки докатывались волны различных по своему эволюционному уровню мигрантов. В этой связи не следует забывать и о том, что среди находок палеоантропов Грузии встречаются формы, по ряду морфологических признаков уже идущие на пути к сапиентации. Например, палеоантропы Сакажия, Джрочулы и Цуцхвати имеют много общего в своей морфологической структуре и совпадающие по некоторым признакам с переднеазиатскими находками типа Схул. Подобное положение согласуется с мнением специалистов о генезисе раннего мустье Кавказа от анакультуры, генезис которой связан с областями Восточного Средиземноморья и Леванта.

логичной культуры Леванта, откуда собственно и происходят палеоантропы групп Схул.

При миграции имели место многократные культурные и генетические контакты гоминид различного хронологического и эволюционного уровня. Так, к примеру, во время первого проникновения палеоантропов на Кавказ последние столкнулись с группами носителей ашельских культур, которыми могли быть гоминиды уровня гейдельбергского человека. В свою очередь, во время второй волны расселения палеоантропов происходило смешение местных групп с мигрантами с Загра. Не следует забывать и то, что когда возникла возможность контактов с населением Крыма и с Северным Кавказом, мигранты могли одновременно проникать и по территории Черноморского побережья Кавказа в Закавказье прямо с территории Крыма. При этом более ранние мигранты (к примеру, группы типа Схул из Леванта) могли быть и более прогрессивными в своем развитии, нежели поздние группы. С другой стороны, раннее проникновение группы типа Схул свидетельствует о также имевшем место процессе сапиентации, но в более ослабленной форме. На фоне этого уже в мустье могли иметь случаи и раннего эпизодического проникновения различных собственно сапиентных групп, и видимо современный человек столкнулся здесь не с классическими неандертальцами, а с промежуточными по своей морфологической структуре группами палеоантропов. Все это не противоречит и представлению о Кавказе как зоне преимущественно метисных еректоидно-неандерталоидных и неандерталоидно-сапиентных групп.

Возможно, появление человека современного вида на территории Абхазии и сопредельных областей протекало в различных формах. С одной стороны имели место процесс сапиентации на месте, с другой - миграция уже анатомически современного человека, так сказать, в «готовом» виде. Все выше изложенное подтверждает то, что на протяжении всего верхнего палеолита происходили импульсы миграций со стороны Ближнего Востока на север, в частности, на Кавказ. Они продолжались и в более позднее время в эпоху мезолита. Нали-

чие значительного пласта ранних *Homo sapiens*, морфологически представленного еще недифференцированным типом в виде разного рода протоавстралоидных и евро-африканских форм, говорит о раннем их проникновении еще задолго до наступления здесь уже собственно верхнепалеолитической эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев В. П. Происхождение народов Кавказа. Краниологическое исследование. – М., 1974.
2. Беневоленская Ю. Д. О происхождении *Homo sapiens idaltu*. // Третьи антропологические чтения к 75-летию со дня рождения академика В. П. Алексеева «Экология и демография человека в прошлом и настоящем». Тезисы. – М., 2004.
3. Бердзенишвили И. З., Бурчак-Абрамович Н. И., Хубутия Г. П. Ископаемые позвоночные верхнепалеолитической стоянки Окуми в Южной Абхазии. // «Пещеры Грузии». Т. 12. – Тбилиси, 1978.
4. Блажко А. В. Верхнепалеолитическая стоянка в Касожской пещере на Северо-Западном Кавказе. // XXIV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: тезисы докладов конференции. – Нальчик, 2006.
5. Бурчак-Абрамович Н. И. Материалы к изучению позвоночных из пещеры Кеп-Богаз в Абхазии. // Известия Абхазского института языка, литературы и истории. Вып. 7. 1977.
6. Бурчак-Абрамович Н. И. Ископаемые позвоночные верхнепалеолитической стоянки пещеры Окуми в Южной Абхазии. Статья первая. // «Пещеры Грузии». Вып. 9. – Тбилиси, 1981.
7. Васильев С. В. Палеолит Кавказа: ретроспектива антропологических находок. // Вопросы Антропологии. Вып. 11. – 2004.
8. Векилова Е. А., Зубов А. А. Антропологические остатки из мустьерских слоев Ахштырской пещеры. // Краткие сообщения института археологии, 1972. Вып. 131.

9. Векуа А. К., Габелая Ц. Д., Мухелишвили А. Т. Палеолитическая фауна позвоночных из пещер Западной Грузии. // «Пещеры Грузии». Тбилиси, 1981. Вып. 9.
10. Вишняцкий Л. Б. Культурная динамика в середине позднего плейстоцена и причины верхнепалеолитической революции. СПб., 2008.
11. Вишняцкий Л. Б. Неандертальцы: история несостоявшегося человечества. СПб., 2010.
12. Воронов Ю. Н. Археологическая карта Абхазии. Научные труды. Том II. Сухум, 2009.
13. Габуниа Л. К., Векуа А. К. Об останках палеоантропов в Грузии. // Краткие сообщения института археологии, 1985. Вып. 181.
14. Герасимов М. М. Восстановление лица по черепу. (современный и ископаемый человек). М., 1955.
15. Голованова Л. В., Дороничева В. Б., Блажко А. В. Радиоуглеродная хронология позднего палеолита Кавказа. // XXIV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: тезисы докладов конференции. Нальчик, 2006.
16. Долуханов П. М. Происхождение и расселение современного человека: новые факты и гипотезы. Природа. 2008., №8.
17. Зубов А. А. Палеоантропологическая родословная человека. М., 2004.
18. Инал-ипа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов. Труды. Том III. Сухум, 2011.
19. Ниорадзе М., Ниорадзе Г. К вопросу о датировке верхнепалеолитических стоянок Грузии. // Международная научная конференция «Археология. Этнология. Фольклористика Кавказа». Сборник кратких содержаний докладов. Тбилиси, 2009.
20. Соловьев Л. Н. Об итогах археологических исследований в гроте Хупынипшахва. // Труды Абхазского института языка, литературы и истории. Вып. 32. – Сухуми, 1961.
21. Соловьев Л. Н., Орелкин В. С. Находка костей человека в грот Хупынипшахва (Холодный грот) в Абхазии. // Вопросы Антропологии. Вып. 6. 1961.

22. Формозов А. А. Обзор исследований мезолитических стоянок на Кавказе. // Советская Археология, 1963., №4.
23. Харитонов В. М. Кавказ в палеолите: обзор находок и идей. // Третьи антропологические чтения к 75-летию со дня рождения академика В. П. Алексеева «Экология и демография человека в прошлом и настоящем». Тезисы. – М., 2004.
24. Хварцкия М. Х., Полякова Н. Е., Очередной А. К. Мачагуа-памятник среднего каменного века в Абхазии. – СПб, 2005.
25. Tushabramishvili N., Pleurdeau D., Moncel M.-H., Agapishvili T., Vekua A., Bukhsianidze M., Maureille B., Muskhelishvili A., Mshvildadze M., Kapanadze N., Lordkipanidze D. Human remains from a new Upper Pleistocene sequence in Bondi Cave (Western Georgia) // Journal of Human Evolution, 2012, V. 62.

Г. Д. ГУМБА

САСПИРЫ (САСПЕРЫ) ГЕРОДОТА

В историографии прочно установилось суждение, что после падения Урартской державы на рубеже VII–VI вв. до н. э. на северо-востоке Малой Азии, в верховьях реки Чороха с центром в местности Спер, образовалось крупное государственное объединение древнегрузинских племен, которое было известно под названием Сасперия (Меликишвили, 1959. С. 232; Лордкипанидзе, 1989. С. 221; Очерки истории Грузии, 1989. С. 217). Обоснованием данного предположения служит упоминание древнегреческим историком Геродотом саспиров (сасперов) вместе с колхами, мидянами и персами: «От озера Меотиды до реки Фасиса и колхов тридцать дней пути для хорошего, легко одетого пешехода, а из Колхиды недалеко перейти в Мидию, только между этими странами живет одна

народность – саспиры» (Геродот, I, 104). В другом месте своего труда Геродот пишет: «Персы живут в Азии вплоть до Южного моря, называемого Красным (Персидский залив – Г. Г.). К северу от них обитают мидяне, выше мидян саспиры, выше саспиров – колхи, граничащие с Северным морем (Черное море – Г. Г.), куда впадает река Фасис. Эти четыре народа живут от моря до моря» (Геродот, IV, 37).

Отмечая, что в приведенных сведениях Геродота отражена политическая ситуация первой половины VI в. до н. э. (по мнению О. Д. Лордкипанидзе – до 520 г. до н. э.), исследователи полагают, что под названием *саспиры* подразумевается крупное политическое объединение, занимавшее территорию между Колхидой и Мидией (современный Северный Иран), которое включало себя значительную часть территории бывшего Урартского царства, в том числе и земли вокруг озера Ван (Меликишвили, 1959. С. 232; Лордкипанидзе, 1989. С. 221; Очерки истории Грузии, 1989. С. 217). В имени *саспир* начальное «са» выделяется как грузинский префикс «вся», а «спир» связывается с названием местности Спер в верховье Чороха и, как отмечают исследователи, это обстоятельство указывает на восточно-грузинский характер объединения сасперов (Меликишвили, 1951. С. 7–8).

Однако представляется, что такое понимание сведений Геродота о саспирах (сасперах) весьма спорно. Дело в том, что исследователи, делая свои выводы, опираясь при этом именно на политический характер сообщения Геродота, совершенно игнорируют саму политическую ситуацию региона, которая изображена у Геродота. Нет сомнения в том, что в вышеприведенных сообщениях Геродота отображается политическая карта региона, и термин *Сасперия* употребляется в политическом значении. Но совершенно очевидно и то, что в данном контексте в политическом значении Геродот употребляет и остальные термины, в том числе *Мидия*, обозначая им Мидийское царство, а не территорию собственно Мидии в ее узком значении. Чтобы убедиться в неправомерности и ошибочности сложившегося мнения о Сасперии, как о крупном государственном образовании VI в. до н. э., охватывавшем выше-

отмеченные обширные территории, достаточно взглянуть на политическую карту региона и границы Мидийского царства.

Как известно, в конце VII века до н. э. сложились два военно-политических союза крупнейших мировых держав того периода, в одном из которых объединились Египет, Ассирия и Урарту, а в другом – набиравшие в тот период силу Мидия и Вавилон. На рубеже VII–VI вв. до н. э. между ними разгорелась грандиозная, фактически мировая война за гегемонию в Передней Азии, в результате которой были сокрушены Ассирийская и Урартская державы, что повлекло за собой существенное изменение политической и этнической карты Древнего Востока. В 590 г. до н. э., окончательно разгромив Урартскую державу и подчинив вновь образовавшиеся на ее развалинах новые государственные объединения (Алародии – в бассейне среднего течения Аракса; Цопа – в долине нижнего течения Арацани; Арме (Урме) – на юго-западных областях Урарту, на границе с Ассирией; Матиена – в верховьях Евфрата, с центром Ерцрум (Эрзрум) и др.), мидийцы развернули борьбу с сильным государством Лидией за овладение Малой Азией. После нескольких лет войны 28 мая 585 года до н. э., был заключен известный договор между Лидией и Мидией, согласно которому границей двух государств стала река Галис (современный Кызыл-Ирмак в Турции), о чем и сообщает Геродот: «Границей же мидийского и лидийского царств была река Галис» (Геродот, I, 72). Согласно этому договору земли, западнее р. Галиса (от ее излучины и до впадения в Черное море) оказались во владении Лидии, а территория к востоку от р. Галиса, т. е. вся северо-восточная часть Малой Азии перешла во владение Мидии. За пределами Мидии оказалась территория к западу от Понтийского хребта – Восточное Причерноморье, которая составляла часть Колхидского царства.

Северо-западная граница Мидии устанавливается достаточно определенно: она начиналась от впадения реки Храми в реку Кура на востоке и шла на северо-запад по реке Храми, по Триалетскому хребту до Мосхийских гор, затем сворачивала на юг и пролегла по водораздельному хребту Арсиан (между истоками Чороха и Евфрата), далее на запад по Пон-

тийскому хребту (Newsen, 1978–1979. P. 56; Тер-Мартirosов, 1998. С. 127)¹⁹. В сообщениях Геродота о Мидии, несомненно, речь идет о Мидийском царстве первой половины VI в. до н. э., граница, которого на северо-западе проходила по отмеченной линии. Это подтверждается также сообщением Полибия о том, что границы Мидии на западе «возвышаются над Понтом» (Полибий, V, 55). В вассальной зависимости от мидийских царей находилась и Персия, но последняя сохраняла номинальную самостоятельность, там приблизительно с 600 по 559 г. правил Камбиз I, поэтому Геродот выделяет ее в отдельную политическую единицу.

Упоминание Сасперии между Колхидой и Мидией, конечно, свидетельствует о том, что она не входила в состав ни Мидийского, ни Колхидского царств и являлась политически независимой. Но занимала, видимо, сравнительно небольшую территорию в долине Чороха, гранича с Колхидой по Понтийскому хребту, а с Мидией – по Арсианскому хребту. Об этом свидетельствуют и следующие уточнения Геродота: «поблизости от земли саспиров Мидийская земля покрыта высокими горами и густым лесом»; далее: «только в одном месте, именно поблизости от земли саспиров, Мидийская земля покрыта высокими горами и густым лесом, вся же остальная Мидия – плоская равнина» (Геродот, I, 110). Эти уточнения оставляют мало сомнений в том, что граница Мидии с Сасперией проходила недалеко от долины реки Чороха, поскольку рисуемый Геродотом географический ландшафт полностью соответствует этим местам, где горы, в том числе и водораздельный хребет между Чорохом и Евфратом, густо покрыты лесом, откуда они и получили свое название Арсианские горы («Лесистые горы») на родственных хуррито-урартским нахских языках (Туманов, 1913. С. 55).

Следует отметить, что античные источники сохранили представление о Мидийском государстве, как об огромной

¹⁹ По мнению И. М. Дьяконова (История Мидии. СПб., 2008. С. 340–341) северо-западная граница Мидии проходила недалеко от долины реки Риони, что менее вероятно. По данным почти всех доступных сегодня источников территория к западу от Понтийского хребта – Восточное побережье Черного моря составляла в то время часть Колхиды.

империи, существовавшей со времени разрушения ассирийской столицы Ниневии в 612 г. до н. э. и до победы персидского царя Кира над мидийцами в 550 г., включавшей в себя Верхнюю Месопотамию, коренную территорию Ассирии, Урарту, Персию, Элам, Дрангиану, Парфию, а также Малую Азию до р. Галис.

Вскоре мидийцев сменили персы. После разгрома персами Мидийского царства и завоевания Лидии в 546 г. до н. э., вся территория Малой Азии оказалась в составе Ахеменидской Персии. Мидия, хотя и сохраняла номинальную самостоятельность, но оказалась в составе Персии, а в 521 г. была превращена в административную единицу Ахеменидской Персии – сатрапию *Мидия*. В период господства мидян сасперы и колхи были независимыми, но при Ахеменидах сасперы были завоеваны и вместе с матиенами и алародиями включены в состав 18-й сатрапии, носившей название Мидийской, а колхи оказались в вассальной зависимости (Геродот, III, 97). Что касается границы Ахеменидской Персии к востоку от Понтийского хребта, в центральных районах Южного Кавказа, то она не претерпела существенных изменений со времен Мидийского царства и проходила от Мосхийского хребта на восток по Триалетскому хребту и далее по реке Храми до ее впадения в реку Кура (Новосельцев, 1976. С. 106; Тер-Мартirosов, 1998. С. 135).

Как видно, для «крупного государственного образования сасперов» на вышеуказанной территории не остается ни места, ни времени. Правда, если не считать промежуток времени, охватывавший период завоевания Мидией Урарту и войны с Лидией, продолжавшейся около 6 лет. Но предположить, что за такой короткий период времени сасперам удалось оттеснить находившуюся на подъеме могущественную Мидию и создать государственное объединение на вышеотмеченной обширной территории, было бы, конечно, недоразумением.

Что касается проблемы этнической принадлежности сасперов, то при ее рассмотрении, прежде всего, необходимо учитывать, что нагорная плоскость северо-восточной части Малой Азии, откуда берет свое начало реки Евфрат, Галис (Кы-

зыл-Ирмак), Чорох, Кура и Аракс представляла собой, говоря словами Н. Я. Марра, «этнический Везувий». По данным, которыми сегодня располагает историческая наука, данная территория являлась местом проживания и точкой пересечения путей для множества племен, различных по своему этническому и языковому происхождению. Ассирийские и урартские письменные источники фиксируют в этих местах, в период с XII по VIII в. до н. э., крупное государственное образование Диаухи (Диаени), в которое входили многочисленные племена, большинство из которых являлись хуррито-урартскими. Вместе с тем, названия многих племен, входивших в объединение Диаухи или выступавших в качестве его союзников, сохранились в современной этно- и топонимической номенклатуре нахских и дагестанских народов, что в совокупности с прочими данными свидетельствует об этнической связи этих племен с нахскими и дагестанскими народами (Гумба, 2007. С. 57–61).

После падения Диаухи под ударами Урарту в первой половине VIII в. до н. э., долина Чороха вошла в состав Колхидского царства (Меликишвили, 1959. С. 88). В пользу этого свидетельствует и появление названия Акампис для обозначения реки Чороха²⁰. Плиний же реку Чорох (Акампис) называет Апсар (Абсар) (Плиний, VI, 29). В этих названиях выделяется абхазо-адыгское слово *пс* (вода), широко распространенное в гидронимике Восточного Причерноморья и Западного Кавказа. Появление абхазского названия Чороха – Акампис (Апсар), следует, наверное, относить к периоду (VIII–VI вв. до н. э.), когда долина Чороха входила в состав Колхидского царства. Можно было бы предположить, что к тому времени могли появиться и название Пасис (Фазис) для обозначения верхнего течения Аракса и области Пасен (Басен) на левобережье Пасиса (Аракса) (Ксенофонт. Анабасис (IV), VI, 10, 24.). Однако для этого нет оснований, поскольку отсутствуют какие-либо материалы, которые свидетельствовали бы о распространении пределов Колхиды до верховьев Аракса.

Скорее всего, возникновение абхазской (или абхазо-адыг-

²⁰ Если признать, что в названии Акампис компонент *а-кам* (*кан*) – древнеармянское слово *исток, каньон*, то тогда получаем *Акампис* – *Исток Псиса* (*Пасиса*).

ской) топонимики и гидронимики в верховьях Аракса следует относить к более раннему периоду, ко времени существования государственного объединения Ацци-Хайаса (II тыс. до н. э.), связь которого с абхазским этническим миром уже отмечалась в исследовательской литературе (Инал-ипа, 1976). Вместе с тем, не исключено также, что появление отмеченных названий связано с продвинувшимися в XII в. до н. э. из Юго-Восточного Причерноморья на юг, в верховья Евфрата и Аракса абешлами и кашками (АВИИУ, 10 (I, 62); АВИИУ, 23 (I, 69)). Вполне допустимо, что часть древнеабхазских племен абешла осела в верховьях Аракса, откуда и названия Пасис (Фазис) в обозначении верхнего течения Аракса и области на левобережье Аракса (Пасиса) – Басен.

Что касается долины Чороха, то она входила в состав Колхиды, по-видимому, вплоть до начала VI в. до н. э., во всяком случае, до падения Урарту и возвышения Мидии. Из-за отсутствия соответствующих источников трудно определить – на чьей стороне и вообще принимало ли участие Колхидское царство в развернувшейся на рубеже VII–VI вв. до н. э. масштабной войне между крупнейшими державами мира. Но, судя по тому, что после падения Урарту, Колхида потеряла земли к востоку от Понтийского хребта – долину Чороха (Акампис, Абсар), есть основания предполагать, что она примыкала к Ассирийско-Урартскому союзу.

По-видимому, после отпадения от Колхиды долины Чороха в начале VI в. до н. э., здесь формируется небольшое объединение племен с центром в местности Спер, откуда и название Сасперия. Вероятно, на определенный период времени, скорее всего, в мидийский – первая половина VI в. до н. э., до завоевания ее Ахеменидской Персией, Сасперия сохраняла независимость, как от Мидии, так и от Колхиды, что и получило отражение у Геродота.

Исходя из вышеизложенного и скудости источников, определить этническое происхождение сасперов, как и других племен, упоминаемых древними источниками в середине I тыс. до н. э. в верховьях Чороха, Евфрата и Аракса, довольно сложно и вопрос этнической принадлежности населения данного ре-

гиона пока еще остается дискуссионным. В грузинской историографии принято считать сасперов предками грузинских племен. В основе этой гипотезы лежит высказанное А. С. Хахановым предположение о возможном происхождении термина *Иберия* от *Сперия* (спер > ибер) (Хаханов, 1892. С. 18–20; см. Меликишвили, 1959. С. 78). Однако переход «спер» в «ибер» (на каком языке?) очень сомнителен и не может служить серьезным научным аргументом в определении этнической принадлежности сасперов, на что указывается многими специалистами языковедами²¹.

Происхождение названия *Иберия*, как и *Грузия*, связывается с армянской языковой средой, а именно с армянским географическим названием – *И вер (Iver) – Наверху*, и *верацци – верхние*, т.е. *Верхняя страна, северяне*, откуда происходит и греко-латинское *Иверия (Иберия)*, на что указывали еще М. Броссе и Г. Деетерс (Brosset, 1858. P. IV–VI; Deeters, 1965, p. 85). От армянского слово *вирк*, которое является множественным числом *вир* (*вер* - верхние), происходит и иранское (северо-пехлевийское) *Вркан* (Вирк + ан), *Варджан*, сирийское *Гурз (ан)*, арабское *Гурдж (ан)*, *Курдж (ан)*, русское *Грузия*, европейское *Джорджия*. С историко-географической и историко-лингвистической точки зрения данная версия происхождения терминов *Иберия* и *Грузия* является наиболее убедительной и приемлемой, с чем согласны большинство исследователей, а потому вопрос этот можно считать в основном исчерпанным.

Я. А. Манандян высказал мнение, что сасперы Геродота

²¹ Нельзя обойти вниманием тот странный и трудно объясняемый факт, что в грузинской историографии происхождение термина *Иберия* возводится или к имени *Сперия* (> *Иберия*), или – *Тиберия* (> *Иберия*), или *Табал* (> *Иберия*), или одновременно ко всем трем, причем у одних и тех же авторов. При этом никого не смущает тот факт, что носители этих названий представляли собой совершенно разные этноязыковые группы и места их расселения были довольно далеки друг от друга. Кроме того, если принять за основу одну из этих гипотез, то остальные два, естественно, отпадают. Однако, как это ни парадоксально, в грузинской историографии все они сосуществуют как аксиома и, в зависимости от предпочтения того или иного исследователя, предками грузин (картвелов) оказываются то сасперы, то тибарены, то табалы, но чаще все они вместе, причем у некоторых авторов тиберы и табалы становятся то мегрело-чанскими (т. н. западно-грузинскими), то картвельскими (т.н. восточно-грузинскими) племенами.

возможно тождественны скифинам Ксенофонта и могли принадлежать к индоевропейским племенам, осевшим в районах юго-восточнее долины Чороха после известных скифо-киммерийских походов в Малую Азию (Манандян, 1984. С. 272–273). Однако ученый не приводит каких-либо аргументов в обосновании своей гипотезы и поэтому трудно судить об этом.

Согласно К. З. Чокаеву в имени *саспер* компонент *са* означает «страна» на нахских (чеченском и ингушском) языках («страна сперов») и сасперы принадлежали к нахским племенам (Чокаев, 1962. С.75). В этой связи весьма интересным представляется то, что известный арменовед Н. Адонц связывал имя *Спер* с названием урартской области Шуприя (Адонц, 1971. С. 398). Шуприя или Шубрия – хурритское царство к юго-западу от озера Ван, известное из ассирийских источников, начиная с XII в. до н. э. С IX в. до н. э. Шуприя составляла часть Урартского царства.

Согласно Н. Адонцу вытесненные из пределов Малой Азии в VII в. до н. э. армяне перешли Евфрат и вклинились в местное хуррито-урартское население. В результате чего проживавшее здесь население оказалось разделенным: часть осталось на севере, часть на юге, а оставшаяся смешалась с армянами. Этим, по мнению ученого, и объясняется упоминание античными авторами одних и тех же названий в обозначении разных областей, расположенных на юге и севере. Античные авторы (Геродот, Страбон, Ксенофонт) различают две области по имени Сасперия, одна на Чорохе, другая – на юге близ Тигра, первая область – Спер, вторая – Шуприя. Помимо этого, названия соседних с Шуприей областей также всплывают на севере, рядом с областью Спер, например, мушк – мосх, халдай – халтик и др. (Адонц, 1971. С. 398).

Учитывая, что на рубеже VII–VI вв. до н. э. имело место массовое переселение из Урарту, особенно, из ее юго-западных и западных областей, на север, в пределы центральных районов Южного Кавказа (Гумба, 2003. С. 128–130), а топоним Спер (или сасперы Геродота) в верховье Чороха в источниках появляется в связи с событиями именно первой половины VI в. до н. э., связь Спер с урартской областью Шуприя кажется

вполне вероятной. По-видимому, появление топонима Спер и производного от него Сасперия в верховьях Чороха связано с переместившимися сюда из урартской области Шуприя хуррито-урартскими или родственными им племенами. Во всяком случае, имеющийся к настоящему времени материал позволяет считать более предпочтительным мнение о возможной хуррито-урартской (или родственной хуррито-урартам нахской) этнической принадлежности большей части населения Сасперии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана. Ереван, 1971.
2. Геродот. История. Л., 1972.
3. Гумба Г. Д. Об истоках исторической концепции грузинского историка XI в. Леонти Мровели // «Абхазоведение», вып. II. Сухум, 2003.
4. Гумба Г. Д. Заметки по этнонимике Южного Кавказа урартской эпохи // «Абхазоведение». Вып. IV. Сухум, 2007.
5. Дьяконов И. М. История Мидии. СПб, 2008.
6. Инал-ипа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов. Сухуми, 1976.
7. Лордкипанидзе О. Д. Наследие древней Грузии. Тбилиси, 1989.
8. Манандян Я. А. О некоторых проблемах истории древней Армении и Закавказья. Труды, т. 5. Ереван. 1984. (на арм. яз.)
9. Меликишвили Г. А. Некоторые вопросы древнейшей истории грузинского народа. Тбилиси, 1951.
10. Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959.
11. Новосельцев А. П. К вопросу о македонском владычестве в древней Грузии // Юбилейный сборник, посвященный 100-летию со дня рождения акад. И. А. Джавахишвили. Тбилиси, 1976.
12. Очерки истории Грузии. Т. I. Тбилиси, 1989.

13. Полибий. Всеобщая история. М., 2004.
14. Гай Плиний Секунд. Естественная история. Кн. VI.
15. Тер-Мартirosов Ф. И. Границы ахеменидских владений в Закавказье (V век до н. э.) // Историко-филологический журнал. № 3. Ереван, 1998.
16. Туманов К. М. О доисторическом языке Закавказья. Тифлис, 1913.
17. Хаханов А. С. Древнейшие пределы расселения грузин по Малой Азии. М., 1892.
18. Чокаев К. З. Грамматический способ образования топонимических названий в чеченском языке. // Известия ЧИНИИИЯЛ. Т. III. Вып. 2. Грозный, 1962.
19. Brosset M. Histoire de la Georgie. Saint-Pétersbourg, 1858.
20. Deeters G. Der Name der kaukasischen Iberer: Festschrift P. Kretschmer, Wien, 1965, I.
21. Newsen R. H. Introduction to Armenian Historical Geography. – Revue des Etudes Armenian's. T. 13. Paris, 1978–1979.

Р. Х. АГУАЖБА

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ОДНОГО РОМАНСА

Политика Османской и Российской империй, соперничавших на Кавказе, ставила целью поставить под свой контроль восточное побережье Черного моря.

Турецкий историк начала XIX века Джевдет-паша, «с весьма консервативным мировоззрением» (Киреев, 2007. С. 52), как отмечают исследователи, подчеркивает: «Османы не поняли, кто их поддерживает. Они не смогли привлечь их [кавказские народы] на свою сторону. Сумев это сделать, они извлекли бы из всего того немалую пользу. Так ничего и не совершив, они сами нанесли себе вред». И далее Джевдет-паша ставит в пример абхазов: «Для пресечения морских набегов и рейдов абхазов на Черном море, корабли их были захвачены и сожжены. Не лучше было бы поучиться у таких

мастеров-корабелов строить суда и использовать их опыт общения с морем?».

«Когда Феррах Али-паша прибыл на Кавказ (конец XVIII в.), – далее сообщает Джевдет-паша – он начал проводить мероприятия, направленные на подъем экономики народов Западного Кавказа. В частности, принял решение строить рудники по добыче полезных ископаемых и объявил, что абхазы независимы. Османское правительство встретило это заявление в штыки: «Если они (абхазы) твердо встанут на ноги, то перестанут нам повиноваться и потребуют полной независимости». И свели все начинания Феррах Али-паши на нет» (Пап-пха Махинур (Туна), 2012. № 4. Ад. 148–149), – с горечью подчеркивает историк.

После Адрианопольского мира, в 1830 году, аналогичный по сути документ был составлен чиновниками Российской империи. Приведем некоторые его пункты:

«г) Разрушить и уничтожить притоны морских разбойников абхазских, где оные существовать могут.

д) Расчищать постепенно лес по берегу моря и прокладывать береговую дорогу от Кубани до Риона. Сие облегчит необходимые сообщения и воинские разъезды между существующими уже и предполагаемыми укреплениями, даст возможность короче узнать окрестных жителей и иметь над ними бдительный надзор, будет благоприятствовать видам промышленности и в то же время откроет удобный случай разведать о подлинном состоянии лесов абхазских, которые могли бы быть весьма полезными для нашего Черноморского флота и вообще для плавания по Черному морю»²².

Но, как отмечает В. В. Гудаков: «Российская экспансия натолкнулась на Западном Кавказе на весь адыго-абхазский этнический массив, тесно связанный как со своей средой, так и с традицией неподчинения любой иноземной власти. Именно эта традиция оказалась камнем преткновения между империей и кавказскими горцами» (Гудаков, 2007. С. 481).

²² № 14. Журнал Комитета, учрежденного для устройства Закубанского края, 23 мая 1830 г. // АКАК. Т. 7. Тифлис, 1878. С. 887–891.

Предания абхазов подтверждают эти исторические свидетельства: «Мой прадед, Гьд Гуарамиа, дважды с воинами из рода Брыскил в составе Абхазского войска воевал против москитов в Анапе. И дважды в честь победы водружали над этой крепостью знамя абхазов.

Гьд был в очень тесных дружеских отношениях с Аджир-ипа Киамышем. Они вместе с такими же отчаянными абхазами держали в страхе все морские просторы и все побережье от Туапсе до Поти. Они нападали на своих судах на корабли в море и на приморские области. Когда они возвращались из морского похода их спрашивали:

Где ваша добыча?

Они отвечали:

Кого надо убить – убили, что надо было потопить – потопили, а оставшееся превратили в пепел»²³.

И. Бларамберг отмечает, что «убыхи, чепсуи и гусие, занимающие устья речек Пейсва, Шиаке и Зуазе, впадающих в Черное море, научились у своих соседей абхазов заниматься пиратством» (Бларамберг, 1999. С. 191).

Кстати, в отношении генерала Торماسова к графу Румянцеву от 31-го мая 1811 года отмечено: «Абхазия, приобретенная в подданство Е. И. В., простирающаяся вдоль по берегу Черного моря от границ Мингрельских до самой Анапы, составляя один народ, не вся однако же находится в непосредственной зависимости от Георгия Шарвашидзе» (АКАК. Т. 4, 1870. С. 430).

Поти и Батум, как мы знаем, в XVIII-XIX вв. подчинялись абхазским князьям из рода Чачба.

В 1810 году была взята крепость Сухум-Кале и смуты в Абхазии продолжались почти двадцать лет. В сборнике «История адыгов в документах Османского государственного архива» (Выпуск I, Нальчик, 2009) опубликованы интересные документы начала XIX в., о готовящемся совместном выступлении с Арсланбеем Чачба абхазов и черкесов для захвата крепости Фаш (История адыгов..., 2009. С. 34-39).

В 1819 году российский император решил оставить кре-

²³ Личный архив Р. Х. Агуажба. Предание «Набеги абхазов».

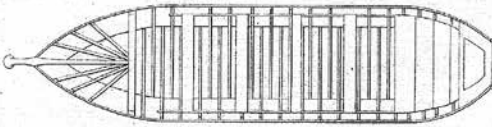
Десант в Субаше. Худ. И. К. Айвазовский

*Занятие Субаши на Абхазском берегу в 1839 г.
Худ. И. К. Айвазовский*

BATEAU ABASE .

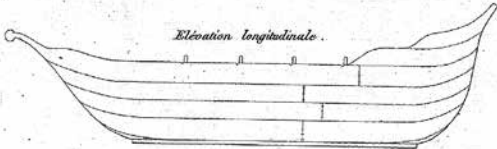
Plan de l'intérieur .

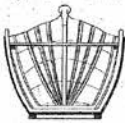
Plan de dessous .

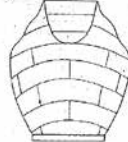
Elevation longitudinale .

Projection verticale .

Perspective vue de l'arrière .

Rame .

Абхазская лодка.
1820-е гг. Литография
А.-Ф. Шопена [с рисунка
Ж.-Ф. Гамба (?)]
Из Атласа к изданию «Voyage

dans la Russie meridionale...
Мастерская Г. Энжельманна,
Париж.

**Абхазская лодка. 1823 г. Литография А.-Ф. Шопена с
рисунка Ж.-Ф. Гамба**

пость Сухум-Кале, но только твердость генерала Ермолова не позволила правительству совершить это.

В 1830 г. российские войска поставили гарнизоны в Гаграх и Пицунде. Дальше «Абхазская экспедиция» не прошла, встретив упорное сопротивление, хотя первоначально генерал Гессе, на которого было возложено руководство ею, должен был проложить дорогу до Анапы.

В 1837 г. с боем был взят плацдарм в Адлере, был высажен морской десант и заложено укрепление Святого Духа (вначале его называли Константиновским).

Что особенно хочется отметить, то это то, что десанты часто высаживались в священных местах. Так при высадке десанта в Адлере один из самых крупных завалов защищал многовековой священный дуб в 1800 метрах к северу от устья р. Мзымты.

Г. И. Филипсон в своих воспоминаниях о сражениях с черкесами отмечает: «На третий день мы достигли перевала из системы Адерби в систему Пшада. На вершине горы черкесы дрались с особенным упорством в прекрасной дубовой роще. Оказалось, что это была священная роща (тххапк), где с глубокой древности совершались языческие обряды. Дубы были тщательно сохранены; в одном из них виден был довольно крупный камень, который со всех сторон обхватывало дерево при постоянном росте и обычно хорошо. Можно думать, что дубу было не менее двух столетий» (Филипсон/, 1883. Кн. 6. С. 245-246). Ожесточенно сражались абхазы и убыхи возле святилища «Аублаа рныха» весной 1838 г. (ныне гора Батарейка в Сочи), где стоял священный древний дуб, с подвешенным на нем стилизованным изображением креста.

Э. Спенсер сообщает очень интересные сведения о почитании священных рощ у абхазов: «Абазы также похожи на черкесов в своей привязанности к священным рощам... Перед тем, как отправиться в сражение, все воины привыкли собираться в этих священных рощах, где самый опытный, самый мудрый и самый храбрый берет меч, и, ударяя им по престарелому буку, призывает своих молодых спутников к храбрым деяниям...

Срубить дерево в этих священных рощах или лишить их висящих на них приношений считается богохульством – отвратительным преступлением, и по закону человек, совершивший подобную кражу, наказывается смертью. Некоторые из этих священных рощ близ побережья время от времени вырубаются русскими в ходе их продвижения через край...» (Спенсер, 2008).

В другом месте данный автор отмечает, что после того, как в Вардане войска завладели старинной церковью и монастырем, абхазы сравняли с землей несколько античных развалин периода раннего христианства, опасаясь, что захватчики могут превратить их в форты и тем самым поработить их (Спенсер, 2008. С. 159).

Далее он подчеркивает: «Абазы подобно черкесам, считают презрение к жизни добродетелью и скорее убьют себя, чем примирятся с рабством...» (Спенсер, 2008. С. 187).

3 мая 1839 года у устья р. Шахе эскадра адмирала Лазарева высадила крупный десант. С кораблей видно было муллу и 500 коленопреклоненных убыхов, молившихся в священной роще Ахына. Вот как описывает это событие его очевидец и участник декабрист Н. И. Лорер в своих «Записках» в главе «Экспедиция к убыхам»:

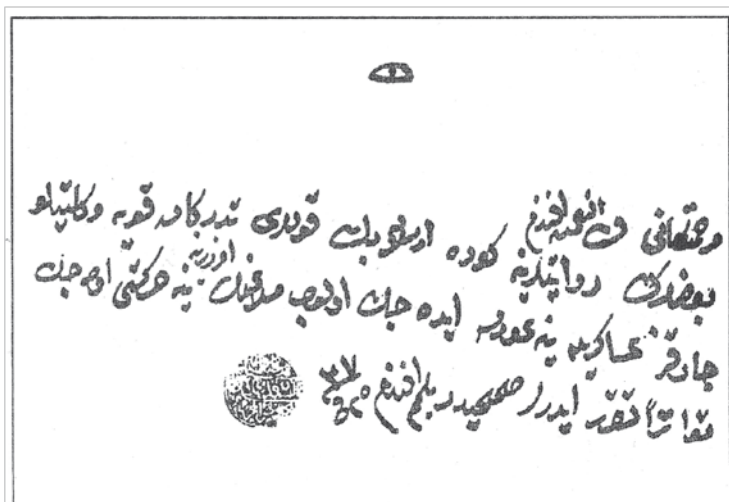
«...мы плыли на всех парусах, в виду берегов Кавказа. На этот раз Раевский вносил русское оружие в землю убыхов, племя самое воинственное, и по всему заметно было, что нам недешево достанется это святое место, как сами горцы его называют...»

Далее он продолжает: «Едва мы сделали несколько шагов вслед за стрелками, как в лесу показалась масса конных убыхов, тысяч до трех, и со страшным гиком кинулись на нас с поднятыми шашками. Мне кажется, что я никогда не забуду страшного впечатления, произведенного на нас этой неожиданной атакой. Два предводителя горцев отважно неслись впереди толпы» (Лорер/, 1874. №2. С. 642–643).

Другой очевидец данного сражения А. Юров отмечал, что «неприятель дрался с замечательным мужеством, даже отчаянием» (Лавров, 2009. С. 124).

Черкесское военное судно. 1830 г. Худ. Тэбу де Мариньи

1822 февраль 17, докладная записка о военных приготовлениях Арслан-бея Чачба, о его совместном с черкесами выступлении

Анан Лдзаа-ных. Клятва абхазов перед военным походом

Шача. Аублаа-рныха

В 1840–1841 г. убыхами, шапсугами, абхазами был разгромлен и уничтожен ряд береговых укреплений. С обеих сторон были большие потери.

Очень интересные сведения об этом периоде сообщает в своей обширной записке «Об укреплениях, расположенных по берегу от Анапы до Гагры и сопредельных с ними племенах горских» лейтенант линейного корабля «Силистрия» И. Н. Суцов.

«Взятие Сочи, – пишет он, – в 1838 году было одним из самых тяжелых и серьезных на линии. Много русских легло при высадке десанта» (Суцов. Документы о Кавказе. Восточная литература. Сайт Кавказ).

Он приводит очень интересный пример, как в 1841 году от неизбежного поражения военную экспедицию генерала Андрепа спас адмирал Станикович со своей эскадрой, прикрывая войска численностью 10.000, двигавшиеся от Адлера к Сочи по сильно укрепленной местности, расчищая им дорогу плотным и прицельным артиллерийским огнем.

И. Суцов отмечает: «Черкесы, отброшенные в горы от моря, лишенные речных устьев и сообщений с морем, отрезанные от сношений с турками, стесненные в тесных ущельях, горели мщением и выжидали верного случая для удобного нападения. Весной в 40-м году разразилась эта дикая месть над береговой линией. В один месяц четыре форта были взяты, истреблены; малочисленные гарнизоны с геройским мужеством пали под тысячами горских шашек» (Суцов. Документы о Кавказе. Восточная литература. Сайт Кавказ). У И.Н. Суцова приведены интересные сведения об абхазах:

«Здесь [Адлер] был славный притон морских хищников и местожительство сильных и наследственных князей Арета, над племенем абзехов или абазы, заселявших оба берега реки Мезюмта. На них они в былые годы строили свои чикчермы из прочного леса, тонкие, длинные и узкие. На каждой лодке помещалось более 50-ти человек, и под веслами они выходили на добычу, и днем и ночью нападали на купцов, заштилевавших или попавших на мель, сбивали сперва винтовками людей с верхней палубы, потом бросались с кинжалами на абордаж и в короткое время решали дело.

Агба Саид

Воин-зих

Абхаз. 1823 г.

Убых Хаджи-Гуз

Абхаз – воин

Воин – зих

Воин Шамиля

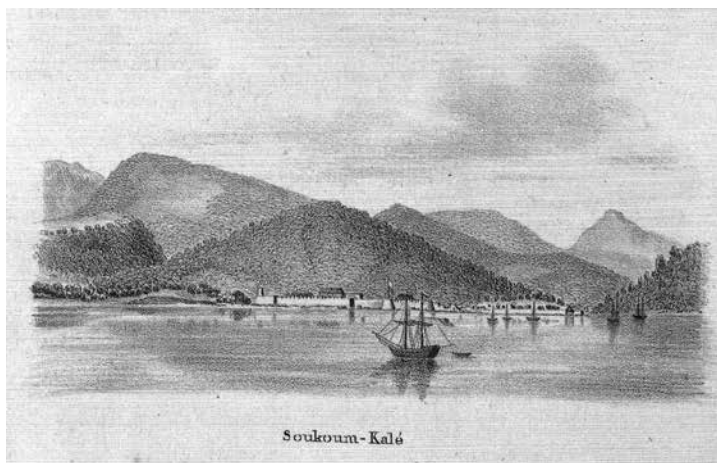
Абаза

**Аджгери-ипа
Кучук. 1825 г.**

Десант Раевского у Субаша. Худ. И. К. Айвазовский. 1839 г.

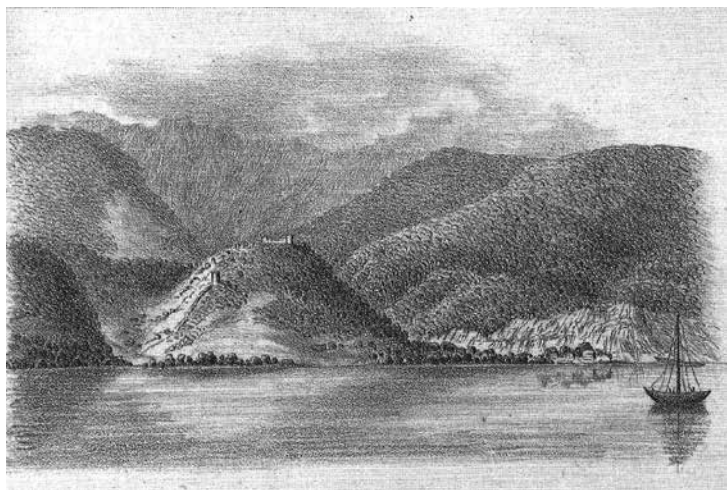
Сухум-Кале. Гравюра с рисунка Ф. Дюбуа де Монпере. 1833 г.

Крепость Гагры в Абхазии. Худ. Н. Г. Чернецов. 1836 г.

У Абхазских берегов. 1840 г. И. К. Айвазовский

Анакопия. Гравюра с рисунка Ф. Дюбуа де Монпере

...Племя абзехов богатое и многочисленное своих соседей. На их полянах и балках находят развалины древних зданий, надписи на камнях, монеты и старые книги, которые они уважают, как святыни. Никакое насилие, никакая драка не производится у этих останков старины, и преступник, укрывшийся в такой храм, избегает преследования, пока в нем находится. Князья имеют над абзехами сильное влияние, только те, которые богаты и содержат при себе много узденей и вассалов. Старцы здесь уважаемы всеми без исключения. К муллам они относятся только в пустых случаях, но все важные тяжёбые дела и преступления решаются старшинами в аулах. Кузнецы у них так же в большом почете, и кузницы иногда заменяют место судилища. Уважение к кузнецам основано у горцев издавна...» (Суцов. Документы о Кавказе. Восточная литература. Сайт Кавказ).

В опубликованной в 1843 г. в журнале «Библиотека для чтения» (СПб. 1843 Т. 56. Отд. 7. С. 17-18) статье «Пароход на крейсерстве у абхазских берегов» отмечалось:

«Вооружение абхазца состоит из ружья, шашки и кинжала; многие сверх того носят сзади за поясом пистолет. Они стре-

У берегов Кавказа. Худ. И. К. Айвазовский

ляют метко, дерутся большею частью пешие и избегают открытых и ровных мест. Для морских разбоев у них в употреблении длинные и остроконечные галеры, чрезвычайно быстрые на ходу, без палуб, с одной иногда о двух мачтах, в двенадцать или двадцать четыре весла».

Помимо очень интересных заметок по этнологии черкесов и абхазов, лейтенант И. Н. Суцов сообщает довольно подробные сведения о небывалом шторме на абхазских и черкесских берегах 30-31 мая 1838 года. Автор очень подробно описывает гибель и крушение 13 судов Черноморской флотилии. Сначала погибли все купеческие суда. Затем транспорт «Ланжерон», тендера «Скорый» и «Луч», пароход «Ясон», фрегат «Варна», корвет «Месемврия». Итого пять военных и восемь купеческих судов были выброшены на берег между Адлером и Туапсе.

А вот какие данные приводит очевидец Джеймс Белл в

Крушение русской эскадры на Абхазском берегу у реки Соча 30 мая 1838 г. Худ. В. К. Каменев

своем дневнике пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 гг.:

«Этой ночью шквальный ветер достиг предельной своей свирепости; летом на побережье такого ветра со времен взятия Анапы не случалось. Мы все, естественно, предчувствовали бедствие для вражеской эскадры, и 13-го числа (31 мая 1838 г. по старому стилю) это предчувствие полностью подтвердилось известиями, дошедшими до нас как с севера, так и с юга. Мне сообщили из Саша, что двухпалубный корабль, два корвета, пять больших бригов и два маленьких транспортных судна были там выброшены на берег; а из Тоапсе и Агуи мне донесли, что два парохода (один из которых является самым крупным из трех, находящихся на побережье) и два линкора полностью затонули, что одиннадцать кораблей меньших размеров так же были выброшены на берег и оказались слишком поврежденными, чтобы суметь выйти в море. Последующие донесения информировали меня, что один крупный корабль и один куттер были замечены вынесенными на берег близ Ардуача...» (Белл, 2007. С. 35-36). Далее он перечисляет еще ряд сведений, о погибших кораблях севернее от Туапсе

и делает заключение, что только командование флота может знать «точные цифры потерь и вполне возможно, что их оно никогда не обнаружит» (Белл, 2007. С. 38).

После этого шторма военные действия частично прекратились, а жители побережья «видят в том особое вмешательство Бога. Было совершено торжественное жертвоприношение в Тоапсе с благодарственными молебнами, а туши жертвенных животных были розданы бедным», – сообщает Дж. Белл (т. 2, с. 38).

Почти те же самые сведения содержатся в «Докладной записке» от 1838 г. на староосманском языке, опубликованной в сборнике «История адыгов в документах Османского государственного архива», (Нальчик. 2009. С. 52-53).

В. Немирович-Данченко, путешествовавший на пароходе в 1876 г. вдоль Черноморского побережья, в своем путевом очерке «Мертвое поморье» приводит воспоминания ветерана Кавказской войны:

«О, сейчас Гагры!

Старый кавказец пристально всматривался вперед. Лицо оживилось, глаза вдумчиво блестят под серыми щетинистыми бровями.

– Да... Уголок, – бормочет он, – сколько тут наших побито, поди, и счета не найдешь. Так и ложились... Умели умирать!» (Немирович-Данченко, 2011. С. 380).

Эти трагические события запечатлены и в российской живописи. Художник У. Каменев в 1847 г. создал на холсте маслом работу «Крушение русской эскадры на Абхазском берегу у реки Соча 30 мая 1838 года». Работа эта долгое время хранилась в Морском корпусе Петра Великого в Санкт-Петербурге. Данной эпохе посвящены работы известного мариниста И. К. Айвазовского: «Занятие Субаши на Абхазском берегу в 1839 году и «У Абхазских берегов (1840 г.)».

Служба на флоте была тяжелой и опасной, полна трагизма. И именно в 1838 г. А. Молчановым, морским офицером флагмана Черноморского флота «Силистрия» был написан романс «Не для меня придет весна», он был опубликован в «Современнике». Романс впоследствии стал очень популярным, ис-

полняется и сейчас в различных вариациях: «Не для меня Дон разольется», «Не для меня Буг разольется» и т. д. Но впервые он был написан в 1838 году, во время покорения Западного Кавказа, и звучал так:

Не для меня придет весна

Не для меня придет весна,
Не для меня песнь разольется,
И сердце радостно забьется
В восторге чувств не для меня.

Не для меня река шумя,
Брега родные оmyвает,
Плеск кротких волн душу ласкает
Она течет не для меня.

Не для меня в стране родной
Семья вокруг Пасхи соберется,
«Христос воскрес» – из уст польется
День Пасхи, нет, не для меня.

Не для меня луна блещет.
Родную рощу осребряет.
И соловей ее встречает,
Он будет петь не для меня.

Но для меня придет весна,
Я поплыву к берегам абхазским,
Сражусь с народом и тогда
Там пуля ждет давно меня.

Романс этот входил в репертуар певицы Анастасии Вяльцевой (1871–1913) и очень был популярен в те времена.

В заключение хочу выразить благодарность Георгию Отырба, любезно познакомившему нас с данным романсом.

ЛИТЕРАТУРА

1. АКАК. Т. 4. 1870.
2. Белл Джеймс. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1838 годов. Т. 2. Нальчик. 2007.
3. Бларамберг Иоганн. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. Нальчик. 1999.
4. Гудков В. В. Северо-Западный Кавказ в системе межэтнических отношений с древнейших времен до 60-х годов XIX века. СПб. 2007.
5. Журнал Комитета, учрежденного для устройства Закубанского края. № 14. 23 мая 1830 г. // АКАК. Т. 7. Тифлис. 1878. С. 887–891.
6. История адыгов в документах Османского государственного архива. Нальчик. 2009.
7. Киреев Н. Г. История Турции. XX век. М. 2007.
8. Л. И. Лавров. Убыхи. Историко-этнографическая монография. СПб. 2009.
9. Личный архив Р. Х. Агуажба. Предание «Набеги абхазов».
10. Из Записок Николая Ивановича Лорера / Служба на Кавказе // «Русский архив». 1874. № 2.
11. Немирович-Данченко Василий. Мертвое поморье // Абхазия – Страна души. Т. II. Нальчик. 2011.
12. Пап-пха Махинур (Туна). 35 шықәса Бегәаа Омар иаанда // Аж. «Алашара», 2012, № 4. Ад. 148–149.
13. Спенсер Э. Описание поездок по Западному Кавказу в 1836 году. Нальчик. 2008.
14. Суцов И. Н. Об укреплениях, расположенных по берегу от Анапы до Гагры, и о сопредельных с ними племенами горских / Записки лейтенанта линейного корабля «Силестрия» И. Н. Суцова / Суцева / / Документы о Кавказе. Восточная литература. Сайт Кавказ.
15. Воспоминания Григория Ивановича Филипсона // «Русский архив». 1883. Кн. 6.

АБХАЗСКИЙ ПАНТЕОН

Краткие материалы к Абхазскому мифологическому словарю
[ацсуа, ашьхаруа, ашәуа, аурых]

Ацсышәала	Урысшәала
Анцәа	Бог, Всевышний, Единый Бог
Анцәа дыу	Великий Бог
Анцәа дыузза	Бог Всемогущий
Иаҳхылацшыу	Смотрящий за нами
Зеггы збауа, зеггы здыруа	Все видящий, все знающий
Зхы шыргәытца ҳакәыхшоу	Обходящие вокруг твоей золотой стопы
Зылпха ҳаура	Дарящий нам теплоту глаз
Шьарда зымчу	Всемогущий
Нцәа	Верховный Бог у убыхов
Вобье, Уоббе, Аббе, Уа (Уаба)	Бог, его синонимы у убыхов
Ахын	Прародитель у убыхов
Анцәа иашта	Божий двор
Ахышьыргәытца	Златая стопа [Всевышнего]
Ра	Единый Бог
Анцәа Шана	Великая Богиня Мать
Анцәана	Богиня
Анан	Великая Мать, Покровительница Апсны
Ашацәа-Нцәа	Бог-творитель
Ҳшамкәа ҳазшаз	Сотворивший нас недостойных
Анан	Мать-творительница
Анана	Покровительница женщин

Анана шацаа-чацаа	Богиня размножения – ей посвящался «азатэ». Часть молитвы в честь нее: «Великая Богиня умножения, сделай деторождение безболезненным, дай столько детей, сколько следует».
Анана-шацаа ачацаа	Божество, покровительствующее замужним женщинам
Анана-шацаа	Мать творящая. Моление в честь молодой невестки с просьбой даровать ей потомство.
Сынтэа хазмадоу	[Тот], под покровительством которого мы находимся в этом году.
Ашацаа рзатэ	Корова, посвященная творцам. Дарится молодой невестке из отцовского дома
Иахзымдыркаа хаздырыз	[Он], которого мы не могли познать, но Он нас познал.
Анан лгэашэ	Врата Ананы
Анан лбаагэара	Крепостная стена Ананы
Анана лхьяаа	Золотой кубок Ананы
Нан лыхтэы кэаб	Золотой котел Нан – Великой Матери
Хьяцаба, Хьецаба	Род, к которому принадлежит Богородица – Анцаа Иан
Ахьяца	Граб – священное дерево у абхазов, в него не бьет молния.
Атэыла	Вселенная, мир (страна)
Аца тэыаа ду змоу	Бык, на огромных рогах которого держится мир.
Аца атэыаа	Рога быка, на них держится Вселенная
Акэыбры ду	Комар, который охраняет быка и не дает ему двигаться.
Адсыз ду	Огромная рыба, на спине которой стоит бык.
Амшын	Море, в котором находится эта рыба.

Ашафы	Пророк, Творящий
Ашацәа	Творцы, Ангелы
Ашацә-чапацәа	Творцы-создатели
Ауыбла	Пророк, Великий Посвященный
Адехамбыр, ацааимбар	Пророк
Анани Адами Анами Адами	Ева и Адам
Ақарыжә Аерқъан	Древнейшие насельники Земли, жили свыше 4-х тыс. лет. Исчезли после светопреставления. После них появились ацаны.
Амыт	Первонасельники на Земле, от них произошли Нарты. Амытқәа обладали даром Пророка.
Саф	Младший (третий) сын Анани и Адама, от которого идут абхазы.
Анақәақиа	Юноша из абхазского рода, явившийся к Всевышнему на раздел Земли.
Азахәба	Его дядя, вместе с которым он прибыл к Создателю.
Казаут	Предводитель абхазов в глубокой древности, когда люди и Боги жили вместе на Земле.
Ныхә	Пророк Ной
Ныхә-Цааимбар	Пророк Ной
Аутар	Капитан корабля, на котором абхазы спаслись от потопа.
Узбернуг	Великан, поставляющий лес для постройки ковчега Ныхә-цааимбар[а]
Уаршәыхәымџа Иарцахә	Священные горы в Апсны, куда пристал ковчег Ныхв-пааимбара и откуда пошло все человечество

Атәабәә зкәу (Санчара) Иацсха Ацсар Хәг ишьха Ахал ибахә Ыбжьын иахра Ағба тахара (Ах ибахә) Ағба ҫахәара	Священные места в горах Абхазии, где находятся Пантеоны Ноева ковчега – Ныхә-ҫааимбар игба ахышьтоу
Ажәтцыс	Ласточка – священная птица у абхазов, была посланницей Ныхә [Ноя] к Богу.
Абраскьыл ихаҫы	Пещера в с. Уатап, где прикован Абраскьыл.
Зоу ихаҫы	Пещера на Арбаа рхәы, перед входом в нее находится Пантеон и фреска с Прометеем (Жакья-ду) на скале.
Мчышь ахаҫы	Пещера на реке Мчышь, где хранилось золотое седло Абраскьыла и золотые «ходули» = обувь (акап-кап) Девы Анакопиа-пха.
Ауыбла Бас Аибна Бас	Мифологический герой, пастырь абхазов
Ауыблаа ртыҫа	Дочь Ауыбла – лучшая из лучших.
Маадан Басра Амман Судла Мекка Мадина Кудус Рабстан Шьам Иемен	Города и страны на Ближнем Востоке, которыми владели абхазы шесть тысяч лет тому назад.
Чин	Китай, куда с боями дошли абхазы шесть тысяч лет тому назад и, пробив там двадцать лет, вернулись на Кавказ.

Лейтәыла Елентәыла Елынтәыла	Древние страны Лей и Елен
Абжьылууа	Древний народ, живший в Апсны.
Ауыбла	Бог и создатель цивилизации и культуры.
Ауыбла ныҳәара	Моление древнейшего абхазского рода Ауыбла.
Ажәәангәашәпхьара	Врата небесные, где начертаны предсказания. Увидев их, надо сказать: «Лари, уари, хызи, цьхәари», и тогда все благие желания сбываются.
Жәәанан	Богиня Небес, Мать Неба
Жәәандау	Исполин Небес
Кәыдацшь	Богиня Небес
Ажәәан ыра	Небесные письмена = Руны небесные. Великие прорицатели в глубокой древности у абхазов читали по ним закодированные сведения о прошлом, настоящем и будущем.
Хәжәәжәә	Мифологическая героиня, привнесшая человечеству ряд обрядов, цивилизовала многие обычаи, демиург, ее имя носит звезда. У нее 12 братьев, от них пошли названия месяцев.
Шьашәы	Ее старший брат, от него пошло название месяца январь – шьашәы мза.
Кәәкәә	Другой ее брат, от его имени пошло название месяца июнь – кәыркәә мза.
Аәшара	Центр земли, где похоронены 12 братьев Хамжажвы.

Атуф (Атыф)	Мифологический персонаж, освещающий на небесах путь Богу.
Ецәышт	Дочь Аирга, разлучница мужей и жен. Ее имя носит созвездие.
Аеыкәаха Амзагәара	Нимб вокруг Луны, предвещает уход в иной мир владыки, государя.
Атыф	Чудовище, пожирающее Луну во время затмения.
Аршь	Седьмое, самое высокое небо
Кәакәаба	Местность на седьмом небе, где стоит дерево, а на нем сидит птица с 365 крыльями, по числу дней в году.
Жәәандақә	Поднебесье у абазин
Уашхәа	Бог молнии и грома у убыхов
Адад	Покровитель воздуха (неба, эфира)
Уашхәа	Божество небес
Афы	Бог молнии
Афы цаимбар	Покровитель молнии
Мацәы	Бог небес. Он своим золотым кнутом погоняет в небе лошадей, и его щелкающий золотой кнут высекает молнии в небесах.
Фыр	Бог молнии и бури
Афашьханхәы	Бог охотников, молятся исключительно в горах.
Ацсырт	Великий мудрец, повелитель ведунов
Анашана	Прорицатель
Ацахәы Ацахәаафы	Провидец
Аныхацааафы	Святитель
Ацаара	Заниматься жречеством
Амшынцааафы	Святитель моря

Адыр Адыршы	Волхв, провидец, Учитель
Ацаашы	Вопрошательница, пифия
Ахалашы	Святитель, контактер
Ацшы	Прорицатель
Ацкыа	Святой
Ацхэыс цкыа	Женщина, проводящая моление
Ацсха	Посвященный, Верховный Свя- титель
Хышьыта	Священный древний род. Вели- кий предок абхазов
Инал-кэыба	Родовая святыня рода Ачба
Ачба Ацъба	Древний род святителей, от ко- торых происходят Ачба
Арлан	Царский род у абхазов
Аббаз	Отец Апсха (царя)
Кэаташь Гэыбаз	Ацсха – царь абхазов, престоль- ный град Кэтеишь (Кутаиси)
Акырымкэакэал Кырымшакэал	Одно из наименований рода Ачба
Анакэацциа-цкыа Шыарифа	Владетельница стольного града абхазов – Анакопии.
Раида	Абхазский царь, мифологи- ческий персонаж, совершал походы на Русь и примирил там братьев, претендовавших на престол.
Гыаргы Ацкыа	Святой Георгий
Ацкыа Мариам	Святая Дева Мария
Зауысхан Тата	Симон Кананит
Ацскаэабаз Башныхэ	Епископ
Ацшыаашы	Священник
Ажэакъ	Монах
Мкыд	Нарицательное имя красавицы у абхазов
Убух	Родоначальник рода Берзек

Евхиме	Жена Убуха, красавица, волосы у нее были наполовину льняные, наполовину алые.
Нард-ица	Древний род, но не Нарты
Нар Мрамба	Мифологический персонаж
Фрылша	Мифологический персонаж
Фыркьесау	Мифологический персонаж
Асхы	Мифологический персонаж
Тиҕхы	Мифологический персонаж
Рыд Кыатуана	Мифологический персонаж, изобретатель свирели (аҕарпын)
Рашь	Мифологический герой
Аиага Гэырџак	Мифологический персонаж, победитель дракона при помощи Ажвеипшаа Дариана.
Дамырқан	Мифологический герой
Лашькындар	Мифологический герой
Патрахэца	Мифологический герой
Нарчхъау	Мифологический герой
Аргэын	Легендарный абхазский витязь, лучший воин в армии Александра Македонского
Аше Шаше	Варианты древних абхазских родов Ачба и Чачба у кабардинцев
Инал-Дыу	Великий предводитель абхазов и адыгов в средние века
Ацъыныуаз	Генуэзец, владевший крепостями на берегу Черного моря
Игенои, гьеназаа	Генуэзцы
Акэын-ица Хатажэыкэа	Мифологический персонаж, герой легенд, известный охотник из рода Иашба, по другой версии – Ахба (общество Дал).
Маршьан Хаџа	Мифологический образ, герой легенд, известный охотник

Бранзия Абыгә	Мифологический персонаж, известный охотник
Акәын-иҗа Мамсыр	Мифологический образ, известный охотник
Кьагәә	Мифологический герой, уничтоживший дракона
Цаца	Известный охотник, уничтоживший одноглазого великана – адауы
Мард-иҗа Мардасоу	Известный охотник, герой легенд, уничтоживший адауы – великана; из рода Псардиа, Калдахәара; по другой версии – из рода Адиқә.
Адауы ижырта	Место захоронения адауы, павшего от стрелы Мард-иҗа Мардасоу в Бзыбском ущелье
Адауы инхарта	Пещера (Ҡыҗсы) по р. Бзыбь, где жил адауы
Адауы дыхтаршыыз	Место гибели адауы, Амзара, р. Кудры
Омар ишьара	Место (Дал), где погиб адауы от руки Омара Маршьан
Цытанаа Хыхә	Известный охотник, уничтоживший адау в м. Уракь – Адзюбжа. Возлюбленный дочери Ажвейпшьаа
Мустафа Маго	Легендарный герой, убых, уничтоживший чудовище, вышедшее из моря
Ҳагба Беизыр	Известный охотник, уничтоживший адауы с. Пакуашь
Бытәба Кәасаць	Известный охотник друг Ҳагба Беизыра
Гындиа Гыд	Известный охотник, уничтоживший адауы, друг Ҳагба Беизыра
Аргәын Хәйт	Известный охотник из Анхуа, победивший адауы

Уаридада	Великий медиатор у абхазов в древности. От его имени идет «Песня привода невесты» - «Уаридада».
Адамрыцш-иҭа Дамырқан	Мифологический герой
Аркьежоу	Нарицательное имя хитреца
Мыд	Мифологический образ хитреца
Кажьдеи	Исполин, адауы
Дашкал	Титан, прикован в пещере между аулами Медовой и Шагирей.
Ачба Члоу	Дядя (ианшьа) Абрэскыла
Барчан Хакэыцә	Мифологический герой, отправившийся в глубь пещеры в с. Члоу, чтобы освободить Абрэскыла
Ашьханыкәа	Герой, отправившийся в пещеру в с. Члоу, чтобы освободить Абрэскыла
Данакаи	Брат Абрэскыла
Шьашәы	Фамилия Абрэскыла
Аблыскыыр	Вариант имени Абрэскыла
Брыцкыыл	Вариант имени Абрэскыла, по более древним вариантам он похитил огонь у великанов-адауы и принес людям.
Амлыскыыр	Вариант имени Абрэскыла
Прымца	Вариант имени Абрэскыла
Жакья-ду	Титан («Длиннобородый»), закован в пещере, Гагрский хребет
Абрэскыыл	Титан, прикован в пещере с. Уатап
Астана	Вариант имени матери Абрэскыла
Цьынцәал	Род, из которого по одному из вариантов происходила мать Абрэскыла
Амытәкәа	Древние великаны
Арамхәыт	Титан у ашхарцев

Марцъанат	Мать Арамхута
Арчъоу Чархан	Эпические герои у ашхарцев, превращенные Богом в каменные статуи.
Шъашәы-Абжьныха	Бог кузни, железа, покровитель металлургии
Шъашәы реихабы Шъашәырхәа	Глава Шъашвы – Шъашырхуа
Шъашәы хъах	Золотой владыка Шъашвы
Ажьира	Священная кузня, покровитель семьи, рода
Ажьи	Имя первого мастера, научившего людей кузнечному делу
Адхын ныхәа Азын-ныхәа	Моление перед кузней 7 января, зажигают свечи.
Ажьырныхәа	Празднование Нового года, 14 января.
Адсынгыери Ажьахәа Арытәа	х-напык Священные атрибуты, посвященные кузне: наковальня, молоток, щипцы
Аинар-жьи	Нартский кузнец, ваятель по камню
Аинар	Священный металл
Шъамхыжә Аинар-ихацы	Священная пещера в верховьях р. Бзыбь, где в глубокой древности (3500–4000 лет тому назад) добывали медь
Аихац кылхра	Обряд очищения сквозь железный лук, выкованный Аинар-жьи или Георгием Ацкъа (Святым Георгием).
Гьаргь Ацкъа икамакәа	Кинжалы Святого Георгия, хранились в Илорском храме
Архнышьна Ахнышьыр	Священные вериги, надочажные цепи у очага
Ахътәы капанга	Золотые весы правосудия, находились в Аилыр-ныха
Ажьирафәы абгара	Заклятие у кузни
Ажьирафәы афыхра	Очищение у кузни
Ахрыцкъага ақәра	Очистительная клятва у кузни

Шъашәы изрыжәга	Закалка Шъашвы
Алабашья	Посох, вбитый в землю, символично означает центр Вселенной
Ашара	Центр Земли
Шъашәы мра	Солнце Шъашвы; второе солнце после Амра
Шъашәы рхампал	Ядро Шъашвы
Шъашәы рылахь	Кара Шъашвы
Шъашәы рхәымпал	Стрела (древко) Шъашвы
Шъашәы рхы	Пуля (стрела) Шъашвы
Шъашәы бжьәеишьцәа	Семь братьев Шъашвы
Шъашәы Мурзақәыл Шъашәы рмазақәыл	Ядро(?) Шъашвы
Ижәыгә ица Шъашәы лыхажә	Магическое имя Шъашвы
Шъашәы ржьақәақьафь	Синоним Шъашәы, его проводил Афы. (Шъашәы ржьақәақьафь Афы дааигон).
Шъашәы рбаагәара	Крепостная стена Шъашвы
Шъашәы рабцъар	Оружие Шъашвы
Шъашәы еикәатцәа	Вариант имени Шъашвы, букв. «Черный Шъашвы»
Шъашәызыржәга	Стальные полосы с воздушным охлаждением для закалки сабель
Шъашәы тыңха	Дева Шъашвы
Шъашәы ркалт	Подол Шъашвы
Шъашәы рыдагъцәа	Лягушачий подол Шъашвы
Шъашәы Аиныр	Вариант имени Шъашвы
Афырхы Абырзал	Священное раздвоенное копье; метеорит; оберег; стрела, оберегает от молнии
Аинар хәымпыл	Ядро Айнара
Инар-жьи	Вариант имени Айнар
Ажәеицшьаа Абна нцәахәы	Бог и Покровитель дичи, леса, красивый старец
Ажәеицшьаа – Жәеицшььырқан	Вариант имени Покровителя дичи

Ажәеипшыаа - Дариан	Вариант имени Покровителя дичи
Жәеипшь - Жәеипшькан	Вариант имени Покровителя дичи
Адагәә	Вариант имени Покровителя дичи
Дад Иуана	Вариант имени Покровителя дичи
Абчараҳ	Владыка дичи
Ажәеипшыаа ран	Мать Ажвейпшыаа
Тац Марыка	Дочь Ажвейпшыаа
Ажәеипшыаа ртыпқа Аиргәә ртаца	Дочь Ажвейпшыаа
Иуана	Сын Ажвейпшыаа
Шәкәаз	Слуга Ажвейпшыаа
Шәзапшь	Ажвейпшь, его имя у ашхарцев (абаза)
Ажәеипшь бызшәә	Охотничий язык у ашхарцев
Маршьан инцәахәы	Ущелье божества рода Маршьан у ашхарцев
Абна инцәахәы	Божество леса
Ажәеипшыаа рныхәә	Праздник, посвященный Богу охоты
Абна ныхәә	Моление в честь леса
Атла ныхәә	Моление дереву
Аитар	Великий Бог обновления Природы, размножения и особенно скотоводства. Он семидольный и делится на семь божеств.
Анасыпцәы	«Щепочка счастья», обряд по окончанию праздника Аитар.
Аитар – Бжь Аитар!	Аитар, седмижды Аитар! В руках которого семь святых.
Аитар ныхәә	Весенний праздник Аитар
Аитар лаба	Праздник через три недели после пасхи, посох Аитара ставят в землю около грецкого ореха
Аитар цьамгәыгәын	Эпитет Аитара

Айтар ишэақь	Оружие Айтара
Анапа-нага	Является покровительницей исключительно хлебных злаков
Цаца, Цацы	Богиня полеводства и огородничества, женского рода
Нацэкьыс	Вариант имени Джаджа
Цьабран	Божество коз и овец
Ацабагь	Божество коз
Цьмаран	Божество коз
Жэабран	Божество коров
Алышькьынтыр	Божество собак
Аеышьашьана	Божество лошадей
Амқамгариа Асқангариа Мқамгариа	Покровитель крупного рогатого скота, особенно буйволов
Амза	Божество и Покровитель мужчин
Амра	Божество и Покровитель женщин
Мрабжь	Покровитель Солнца
Жэангэыгэ Азынра ақкэажэ	Богиня зимы
Хэажэкыра	Весенний праздник, праздник Весны
Ахэажэа	Культовые конусообразные или круглые лепешки
Атэыла анхэы	Божество земли
Адгьыл анхэы	Божество земли
Анарҕе	Бог земли и земледелия
Цьуар Абна ирчшэа	Бог, в недрах земли находящийся
Адгьыл ччы	Моление Божеству земли
Цьерес	Божество пищи
Нар	Божество виноградарства и виноделия

Лиашә	Божество деревьев	
Хьзыр	Божество деревьев	
Атла ныхәа	Моление божеству деревьев	
Атла инцәахәы	Божество деревьев	
Аць ныхәара	Моление дубу	
Амаркатыл ныхәара	Магический обряд связывания ножиц, табуретки, с целью оградить заблудший скот от зверей	
Ацәақәа	Божество воды, радуги	
Азы ацәара	«Засыпание» воды – река или ручей прерывает свой бег, и при этом нужно сказать: «Лари-уари-хызи-цъхәари», и очевидец становится богатым и счастливым.	
Ацсабара аныцәо	Засыпание мира, идеальная тишина, сбываются все пожелания	
Ажәақашара	Переход в иное измерение	
Аз хьамқш	Ритуальный обряд доставки «чистой» воды при гадании	
Акәыдырқара	Гадание на бобах	
Акәыдырқафы	Гадальщица на бобах	
Амаца қақсара Амаца рықара	Гадание на картах	
Ашәкәытаз	Талисман	
Ад ишәкәы Мыд ишәкәы Иакә ишәкәы Сабыда ишәкәы	Книга Ада Книга Мыда Книга Иаку Книга Сабыды	Магические книги
Нартәа Анарта	Эпические герои, могучие витязи. Учителя и хранители тайн, герои Абхазского эпоса. «Нарты – это пророки», – говорили о них.	

Нарты Анарта	Воины Кришны в древнеиндийских памятниках «Махабхарата» и «Рамаяна»
Анарта	Страна в Западной Индии, где жили Нарты
Анарта	Глава дома Нартов в абхазском эпосе
Атлагьыкӕа	Один из старейших Нартов
Албуз	Старейший из Нартов
Хнышь, Хмышь	Старейший из Нартов
Рид	Дедушка Нартов
Хнышь	Отец Нартов (вар.)
Ужа	Отец Нартов (вар.)
Маџраз	Отец Нартов (вар.)
Мард-иџа Мардасоу	Вариант имени отца Нартов
Уахсиџ	Вариант имени отца Нартов
Хӕсиџ	Старший из Нартов
Саџаниа-џџа Гӕашья Саџанеи-џџа Гӕашья	Великая мать Нартов
Цекунуж Саџнеж	Имя матери Нартов у убыхов
Гӕашьяхан	Вариант имени матери Нартов
Ханигӕашья Хангӕашья	Вариант имени матери Нартов
Гӕашья Гӕашья-Машья Нана-Гӕашья	Варианты имени матери Нартов
Анарта Сасрыкӕа	Нарт, младший из братьев, выдающийся герой Абхазского Нартского эпоса
Саусеруџо	Вариант имени Сасрыкуа у убыхов
Аинар-жьи	Кузнец Нартов
Инар-жьи	Вариант имени кузнеца Нартов
Аинарлахь	Вариант имени Аинар-жьи

Ариан Кэыбина Бзыц Кэыдры	Реки: Рион Кубань Бзып Кудры, где был рожден из камня Нарт Сасрыкуа
Асeт	Имя жены Нарта Сасрыкуа
Хаидух	Вариант имени жены Нарта Сасрыкуа
Афырхы иалхыз Нарт Сасрыкэа иахэа	Меч Нарта Сасрыкуа, выкованный для него Аинар-жьи из метеоритного железа
Сасрыкэа иахэа	Меч Сасрыкуа, ниспосланный ему Всевышним; он был длиной 4 метра, но в битве удлинялся до 80 метров.
Дауыжэ ду	Великан, которого поразил Сасрыкуа
Уыць	Великан, которого поразил Сасрыкуа
Нарткыт	Община Нартов
Нартаа рышта	Обширный и широкий двор Нартов
Гэинтвинт Буинтвинт-абаа Хмышь-кала Кэмыз-кала Кадла-Шэадла абаа	Крепости, которые штурмом брали Нарты
Ашэдэы	Северо-кавказская равнина, где происходили битвы Нартов с великанами-адауы
Адауы	Мифологические исполины, враги Нартов
Адауы хыда	«Безмозглые адауы» – презрительная кличка великанов – врагов Нартов
Агэылшыац[кэа]	Драконы; Нарты вели с ними ожесточенную войну за спасение человечества
Анантэара	Топоним в Нартском эпосе

Гэында лхэаќыа	Топоним – «Поляна Гунды»
Аицера	Место захоронения Нарта Сасрыкуа – Гумское ущелье, Апсны. Называется также ущелье р. Бзыбь.
Калам шкэакэа	Топоним в Нартском эпосе
Хьахэаз арха	«Равнина Хьахуаз» - топоним в Нартском эпосе
Гагра	Топоним в Нартском эпосе
Хэатэа	Топоним в Нартском эпосе
Хэажэара	Место, где жил Хуажарпыс
Цъманцэара Лашькьендар	Крепости, где жил Нарчхьюу
Мард	Место поединка Нарчхьюу и Хуажарпыса
Уарц	Место поединка Нарчхьюу и Хуажарпыса
Хэымџа	Место, где стоят окаменелые Гунда и Нарчхьюу
Ампыл иахара	Место в районе Дамхурца и Мамхурца, где на скале изображен поединок Нарчхьюу и Хуажарпыса
Аиныраа	Древний род, владевший божественной силой, превосходил Нартов
Аиныр-пха	Дочь Айнар[ов]
Алдызаа	Могучий род, современники Нартов
Аиргъ	Древний род, современники и друзья Нартов
Алхэыз	Древний род, современники Нартов
Алхаз	Древний род в Нартском эпосе. Имя эпизодического героя.
Амацхъанза	Древний род, племянники Нартов
Апхазардагъаа	Древний род в Нартском эпосе
Мыхэмызтаа	Древний род эпохи Нартов

Албуз	Древний род, старше Нартов
Амышәмыжәтц	Древний род в Нартском эпосе
Амырхәыз	Древний род в Нартском эпосе
Акәалзбақәа	Враги Нартов
Бжақа-Бжаза	«Полувыхсохший-Полусырой» – эпический герой в Нартском эпосе
Бжеикәа-Бжьашла	«Получерный-Полуседой» – одно из имен Нарта Цвицв (Цәыцә)
Гьагәуаа	Древний род, табунщики у Нартов
Елхәыз	Древний род, современники Нартов
Елдыз	Древний род человечества, сотворенный Богом
Иалдыз	Древний род, воспитатели некоторых Нартов
Кәадаш	Древний род в Нартском эпосе
Мыхәмызт	Древний род, из которого по одним вариантам происходила Сатаней-Гуаща. Представители этого рода связаны – один с Солнцем, другой с Луной, третий с ветром и облаками.
Малхәыз	Племянник Нартов, писаный красавец
Радыз	Род, воспитанный Сатаней-Гуащей; по другим вариантам род Радыз воспитал мать Нартов.
Радыз Шурадин	Воспитатель Сатаней-Гуащи
Хәырхәыз Шьаруан	Герой в Нартском эпосе
Тхәихәыз Зосхан	Племянник Нартов
Тхәихәызәа	Древний род в Нартском эпосе, племянники Нартов
Тхәаз	Древний род, под началом которого находились Нарты
Усахь	Древний род в Нартском эпосе

Хэылмыз Хэырмыз	Древний род, из которого происходила мать Нартов
Хьархэыз	Древний род, современники Нартов
Ххэыцаа	Враги Нартов, 7 братьев – семиголовые великаны-адауы, имевшие на голове по одному глазу
Адоумыжьха	Великаны, враги Нартов
Ампар	Муж Бранып – сестры Сатаней-Гуащи
Бранып	Сестра Сатаней-Гуащи
Тетрач	Сын Бранып и Ампара
Бранып	Сын сестры Сатаней-Гуащи
Марыка Мариа	Эпизодические сестры Нартов
Ериуара	Мать Нарта Кытуана
Кытуан	Хранитель дичи Нартов, изобретатель ачарпына – свирели
Адхьар	Нарт, создатель апхьарцы
Цар	Его невеста, погибшая трагически
Мыса	Нарт, младший брат Нарта Кытуана
Ериуара	Мать Гынды
Рарира	Иногда мать Ажвейпшьаа, Аиргов
Рахаира	Дочь Аиргов
Реирашья	Старший сын Ажвейпшьаа
Реирашья	Младший сын Рариры
Аирг Ерги	Бог, покровитель воинов, путников, мореходов
Аирыг Аацных	Покровитель набегов
Римца	Отец Аирга
Аиргаа ран	Мать Аиргов
Рарира	Иногда Ажвейпшьаа
Рахаира	Дочь Рариры
Тац Марыка	Дочь Ажвейпшьаа

Рада, Раида	Старший брат Римцы и Рариры, воюют с облаками
Сиа (Ханиа)	Их сестра
Марцьа	Мать Аиргов, сестра Нартов
Рада	Средний сын матери Аиргов
Рашья, Рашь	Младший сын матери Аиргов, дети Римцы и Рариры
Раадел-маалик	Ангел, обитающий в грозовых тучах
Гэында цшза	Сестра 99 братьев Нартов
Гэында шеи-шеи	Лучезарная Гунда
Гэында цшқа	Нежная Гунда
Гынды	Слабоумная сестра Гунды (в некоторых вариантах)
Кэадаш-цха	Мифологический персонаж, небесная дева
Хэажэарцыс	Жених Гунды
Нарчхьюу Нарчхьеу	Жених Гунды
Ерчхьюу	Вариант его имени
Хноу-ица Хабжын	Похититель Гунды
Хабжын-ица Хноу	Вариант его имени
Нарт Хабжын	Сын Сасрыкуа от брака его с дочерью ацанов – Зылхой [Зылха]
Нарт Хабжыр	Сын Сасрыкуа от брака его с Зылхой, сестрой ацана Хачыра
Зылха	Дочь Ацанов
Хноу	Один из похитителей Гунды
Хачыр	Ацан, отец Зылхи – жены Сасрыкуа
Хьгэы	Жених сестры Нартов – Гунды
Алхэыз	Охотник, спаситель Гунды
Бжаџа-Бжаза	Вариант имени отца Нарта Сасрыкуа
Гэатсакья	Вариант имени отца Нарта Сасрыкуа

Ирыза	Нартский пастух, отец Сасрыкуа (вариант)
Зартыжә	Пастух Нартов, отец Сасрыкуа (вариант)
Ерчхъау	Табунщик Гъагуа[вцев]
Ерчхъау	Отец Сасрыкуа (вариант)
Нарчхъау	Пастух Нартов, отец Сасрыкуа (вариант)
Салықә	Нартский пастух, отец Сасрыкуа (вариант)
Сигашә	Нартский пастух, отец Сасрыкуа (вариант)
Атлагәйтца	Нартский пастух коров
Гәыз	Нартский пастух коров
Җаинагә	Нартский пастух
Кәын	Нартский пастух овец
Къатуан	Нартский пастух быков
Нарчхъоу	Нартский пастух овец
Нузць	Нартский пастух коров
Ерыз Ерыза Ирыз Ирыза Ирмыз	Пастух Нартов (варианты его имени)
Инарчхъоу	Нартский пастух коров
Уарчхъоу	Пастух Нартов
Уарчан	Пастух Нартов
Сит	Старший из братьев Нартов, опытный винодел
Сит-ица Уахсит	Сын Нарта Сита, победитель великанов
Хсаут	Вариант имени Нарта Сита
Хсаут	Нарт
Җатрашь	Нарт, иногда старший из братьев
Хмышь	Нарт, иногда старший из братьев

Адлагыйкәа Атлагыйкәа	Нарт, один из великих рассказчиков в походах
Акәлан	Нарт
Нарт, Кәын, Акәын	Нарт, охотник, зять ацанов
Нарт Цәыцә	Нарт, сын Нарта Куна, один из прославленных Нартов
Бжеикәа-Бжьашла	Эпитет имени Нарта Цвыцва (Цәыцә) = «Получерный – Полуседой». От его слов закипал большой винный кувшин Нартов – Аҗазамакҗаҗ
Гәытсакҗа	Нарт, острослов
Гыды	Нарт
Дад, Дыд	Нарт, жил на священной горе в с. Ачандара
Лызаа	Древний род, из этого рода происходила жена Нарта Дыда – она основательница святилища Лдзаа-ныха
Нарт Бадрак	Нарт
Нарт Безрыкәа	Нарт
Башныхә Башныхә-гәыраз	Нарт, эпитет Башныху – доброжелатель
Нарт Дырмыць	Нарт
Аҗхьар	Сын Нарта Дырмыджа
Цар	Дева из рода Малхәыыз, невеста Нарта Апхьар
Нарт Иаҗыр	Нарт
Нарт Шьашьан	Нарт
Нарт Сқьандыр	Нарт
Нарт Жәыжә	Нарт
Нарт Кәата	Нарт
Нарт Кәыкәын	Нарт
Қамса	Нарт
Кьамҗыҗ	Нарт
Нарт Махсұт	Нарт
Нарт Нагәагәа	Нарт
Нашбаҗакәа	Нарт

Наузыць	Нарт
Нашьбабыхә	Нарт
Нархьау	Нарт
Нарт Цыс	Нарт
Патра-ица Хабу	Нарт
Сартагыала	Нарт
Сасырҕәә	Нарт, младший из братьев, «камнерожденный», самый выдающийся из героев Нартов
Цатраз Ханышь-ица Цатраз	Нарт, отличавшийся при взятии крепости Гумбыв
Нарт Татрашь	Нарт
Хмышь Ханашь Ханышь Хнышь	Нарт, вариант его имени
Нарт Хыхь	Нарт
Нарт Хабыгә	Нарт
Нарт Хабжьноу	Нарт
Нарт Хаҳәби	Нарт
Нарт Уз	Нарт
Нарт Цьгьоу	Нарт
Нарт Цацы	Нарт
Цкәуа	Нарт
Нарт Тасраҕәә	Нарт
Уарада	Внук Нартов
Рада	Брат Уарады, внук Нартов
Рашья	Сестра Рады и Уарады
Жажа	Их мать
Агрба Дыгә	Великий странник, он побывал у Нартов на том свете и первым справил поминки по Нарту Сасыркуа
Ианыз	Нарт
Бжафа-Бжаза	Пахарь, могучий старый великан; букв. «Полувывсохший-Полусырой»
Кәыеба	Шурин Нартов, стал Нартом

Елдыз Шъаруан	Герой из рода матери Нартов
Ҳаихәыз Шъаруан	Вариант имени племянника матери Нартов
Ҥхаихәыз Зосҳан	Племянник Нартов по линии сестры
Дада	Девушка из рода Алдыз
Шурадын	Представитель рода Радыз, иногда воспитатель Сатанеи Гуащи
Хәаша	Враг Нартов из рода Бырзыкь, иногда из рода Аирг
Алҫар-иҫа Талумбақь	Великан, побежденный Сасрыкуа
Калаур	Злодей, был повешен на цепи между небом и землей
Шаурдын Шъаурдын	Отец Калаура
Кәаначхьыр	Непримиримый враг Хәажәарпыса
Патара-иҫа Хабжь	Слуга Нартов
Ақәлан Қаланқьери	Соперник Нарта Дыда
Едыгъа хатца Ахәышба	Мифологический персонаж, неудавшийся жених Аирг-пха Си
Аиргъаа рлаба	Посох, оружие Аиргов
Акәалзы	Иногда князь Нартов, [позднее] букв. «кольчуга»
Зар	Конь Едыгъа-хаца
Ҥандыгә	Конь Нарта Ианыза
Бзоу	Конь Нарта Сасрыкуа
Алоу	Имя коня Нарта Сасрыкуа
Аалыц	Конь Нарта Сасрыкуа (вариант)
Арашь	Конь Нарта Сасрыкуа (вариант)
Ҥамыда	Конь Нарта Сасрыкуа (вариант)
Тәхәазиа Тхәазиа Такәазиа	Конь Нарта Сасрыкуа (вариант)
Кәыркәыр	Боевой конь Нарта Сита
Дулдул	Боевой конь Нарта Наугауга

Ала хынапшуа зшыапы зыргылоу	Боевой конь Нарта Пыса, разведчика Нартов
Акырмыць	Боевой конь героя из рода Амылхэыз
Хнышь	Конь Нарта Цвицва (Цэыцэ)
Ушәмәт	Конь Хабжьына в Нартском эпосе
Цьапыр шыацәхәа-шыацәхәа	Боевой конь Нарцьхьоу
Лахәаш	Боевой конь Нарта Пыса (вариант)
Асаниа ҕаша	Боевой конь Нарта Куна
Арашь	Конь Абраскыла
Абзоу	Конь Брыцкыла
Хәдыш	Собака Нарта Сасрыкуа
Дыргъежь	Имя собаки у Нартов
Уцәеи Ғыцәеи	Собаки Нартов
Аҕазамакьат	Винный пифос у Нартов, вмещавший от 600 до 1000 больших кувшинов вина
Аҕазакаҕа	Винный пифос у Нартов
Агзакьат	Винный пифос у Нартов
Хьамхәа	Винный пифос у Нартов
Хәазердыс	Нарт у убыхов
Ерешхау	Соперник Хуазерпыса у убыхов
Гәында-җшза	Сестра Нартов у убыхов
Сетәнаи Сетәнеи Сетәнеи-Гәашья	Имя матери Нартов у убыхов
Льпшь	Нартский кузнец у убыхов
Саусна	Нартский пастух у убыхов
Лагәыц-жакья	Нарт у убыхов
Кәицыкәа	Нарт у убыхов
Берденыкәа	Нарт у убыхов
Алецьыпшья	Нарт у убыхов
Софу	Нарт у убыхов
Ергәына	Нарт у убыхов
Таудырешь	Враг Нартов у убыхов

Урузмаи	Отец Сатаней – матери Нартов у убыхов
Сана Нарт Сана Саҭанеи Саҭанеи-Гәашьа	Имя матери Нартов у абазин
Сосран Урызмаи Хазмаз Ача-иҭа Чамаз	Братья Сатанеи-Гуащи у абазин
Арчхьоу	Отец Сасрыкуа у абазин
Сос	Нартский пастух, отец Сасрыкуа у абазин
Сосрыкәа	Нарт, один из главных героев в абазинском Нартском эпосе
Сосран	Брат Сосрыкуа у абазин
Уазырмес	Нарт у абазин
Бадан	Нарт, отец Нарта Баданыкуа
Баданыкәа	Нарт у абазин
Ҥаҭарашь	Нарт у абазин
Цшеи	Нарт у абазин
Уагәаць	Нарт у абазин
Кхабыжь	Персонаж в абазинском Нартском эпосе, умевший различать мужчин и женщин по запаху, хитрец
Бзданыкәа	Нарт у абазин
Хмышь	Нарт у абазин, охотник, зять маракуа (карликов)
Баҭраз	Нарт, сын Хмышьа и мараканки
Канжоқәа	Нарт у абазин
Нарт Жыс	Нарт у абазин
Насран	Нарт у абазин
Ҥлеиҭшь	Нарт у абазин
Ҥлиабыца	Нарт у абазин
Уазырмаг	Нарт у абазин
Шабатыкәа	Нарт у абазин

Шьамаз Ашьамаз	Нарт у абазин
Хэажэарцыс	Жених Гунды у абазин
Арчхьоу	Его соперник
Гэинда	Сестра Нартов у абазин
Нагэарашь	Дочь Нарта Сасрыкуа у абазин
Ҙатар-ица Шауеи	Муж Нагуарашь
Ҙаидух	Красивица из Нартов
Цсабыда	Ее первый муж, второй муж Кайдух – Сасрыкуа
Ҙаидух	Боевая башня, место обитания Сасрыкуа у абазин
Нарт Сана	Обитель Нартов в долине рек Кубина и Инджик у абазин
Цсхэаба	Место клятвы Нартов, около Гумы (Гумлоукыт)
Нартаа руасиаҕ	Завещание Нартов
Харам - Таба	Топоним, гора у абазин, отку- да Нарты скатывали тяжелое острое железное колесо
Азау	По абхазски Азовское море
Азақ - Ҙенгыз	По абазински Азовское море, на берегу которого погиб Са- срыкуа
Цъын - Чархь	Острое железное колесо, кото- рым играли Нарты
Аиныжэ - Нана	Родоначальница великанов у абазин в Нартском эпосе
Аиныжэ лашэ	Слепой великан
Барамбух	Ведьма в абазинском Нартском эпосе
Чинты	Враги Нартов
Испы	Враги Нартов
Маракуаны	Карлики, охотники, ездили на зайцах; абазинский Нартский эпос
Сасранпа	Противник Сасрыкуа у абазин
Албақь-ица Соҕраш	Противник Сасрыкуа у абазин

Кэадыр Ғәаҕшь	Медное седло Сасрыкуа у абазин
Нартаа рцәахьаҕшь	Золотая яблоня Нартов у абазин
Алыҕ Дурдул	Сказочные кони в Нартском эпосе у абазин
Абраскил	Титан у абазин
Арцан	Мифологические карлики абазин
Ацан, Ацанаа	Мифологические карлики у абхазов
Ацангәара	Жилище ацанов из камней, в горах Абхазии
Абчарах	Владыка, глава ацанов
Нарчхьоу	Владыка ацанов
Ацан Каламаҕ	Ацан Каламат
Ацанцәазеиха	Бронзовый топор ацанов (колхидские бронзовые топоры)
Ахын	Прародитель у убыхов
Цьебжьын Хәагун	Его служанки
Ахын	Покровитель рогатого скота у убыхов
Ахын	Грозное морское божество у адыгов, оно происходило из басхагов – абаза-абхазов; ему ежегодно приносили в жертву быка черной масти
Ахынова корова Ахын ижә	Самостоятельная Ахынова корова, шла из Абхазии на заклинание в священную рощу в верховьях реки Шахе
Ахына	Божество тождественное Аж-вейпцаа, оно также лесное, но ему молятся не охотники, а те, кого обязала знахарка
Азатә ныхәа Ага иқәу	Посвященное моление с жертвой Покровителю моря

Ацә шкәакәа	Священный белый бык, выходит из моря в районе Лдзаа, предвещает войну
Ацә шкәакәа ахтәы тәыџа змоу	Священный бык с золотыми рогами, выходит из моря и отправляется самостоятельно на заклание к святилищу Айлыр-ныха
Кодош	Божество моря
Мшындау	Божество моря, аналогичен Посейдону
Ҷаит	Владыка подводного морского царства
Оф	Исполин подводного морского царства
Хвакыц	Исполин подводного морского царства (букв. «трехреберный», «трухзубчатый»), аналогичен Посейдону
Ергныхәара	Моление перед морским и сухопутным походом и после удачного возвращения
Ага иқәу аныхәа Ага ныхәа	Моление, посвященное Покровителю моря
Ага инхәу Ага инацәахәы Аг-ных	Божество и Покровитель морской стихии
Ага-ныха	Прибрежные святилища, им поклонялись абхазские мореходы
Ага-ныха	Божество моря
Аг-ных, Ет-ных	Божество (в виде грозного облака) и Покровитель морской стихии, ему поклоняется род Ампар
Нуг	Морское божество, обитает в безымянном море, где восседает на скале, торчащей из моря

Ноу	Ангел, призванный на Землю для борьбы с нечистой силой. Демиург, создатель корабля
Ашхәа Мақһаґсыс	Покровитель капитанов и кораблей
Амақһаґсыс	Ритуальный круглый камень белого цвета, на котором провинившегося заставляли давать клятву: «О, Уашхәа Мақһаґсыс, сыґсы ґых, уаґшәымаха!».
Ашхәа ныҳәара	Освящение корабля
Ашхәарныхәацәашы	Ритуальная свеча в человеческий рост при обряде освящения судна перед спуском его на воду
Аґшарна	Богиня ветров
Аґшаныҳәара	Моление в честь богини ветров перед морским походом
Хышхо-гәашыа	Покровительница морской стихии у убыхов, шапсугов, натухайцев, плавает на рыбодоном существе – «Кьдәс», напоминающем дельфина. Кьдәс покровительствует Черному и Азовскому морям и предотвращает выход воды из морских берегов.
Уарқәажә	Княгиня ливня у абазин
Зиуара	Владычица водного мира у абазин
Зыуауа Зиуауа	Богиня дождя, обряд в честь владычицы вод Дзыдзлан
Уашхәа мақһаґсыс	Высшая клятва, которую берут у Дзыдзлан в знак неприкосновенности

Азы иҫоу Аз иҫоу Зызлан-Заҳкәажә Зызлан-Заҳкәажә Хьыҫсҭа Ғашьа	Покровительница речных вод, красавица, ступни ног вывернуты вперед
Льахатыт	«Лесной человек» у убыхов
Абнауафы	«Снежный человек», исполин
Аблаҭа	Дракон, мифологический персонаж
Амаҭаҭшь	Дракон, огромная змея
Аблаа	Дракон, семиголовое чудовище у абазин
Агәылшьап	Дракон, мифологический персонаж
Апшхыц	Дракон, мифологический персонаж
Аҭқо	Семиголовый змей, чудовище у абазин
Уамага	Дракон, мифологический персонаж
Анцәа иуаа	Праведные люди, люди от Бога, не имеющие права совершать грех
Афьыстаа иуаа	Люди от дьявола, от которых на земле идут все пороки
Аҭьада	Чары, волшебство.
Ашана	Диво
Ҫьын еикәатцәа	«Черный джин», злой дух
Ҫьын шкәакәа	«Белый джин», добрый дух
Ҷарис	Дьявол, совративший первого человека Адама
Агызмал	Нечистая сила, синоним дьявола, обольстителя
Афьыстаа	Черт
Аҭьныш	Дьявол
Хапашь - гора Педеси - аул	Место на границе Абхазии и Черкессии, где в небесах происходила битва между черкесскими и абхазскими дьяволами

Ахэын-афыстаа-ифыстаа	Владыка чертей
Цэшьапырѡа Цэжьапырѡа	«Бычьеногие», враги человечества у абазин
Арупап	Предводительница ведьм
Акэыртлах	Вампир
Амацкэа рхэынцкар	Владыка змей
Ацгэы иакэтэоу	Оборотни, по ночам путешествующие на кошке
Абга иакэтэоу Акэыцэма иакэтэоу	Оборотни, путешествующие на волках
Афыстаа лыхра	Обряд изгнания нечистой силы
Цэаха	Бог, уносящий души; Азраил
Ацсцэаха	Бог смерти
Абаѡтэара	Синоним дольмена, букв. «Вместилище костей».
Ацсцэа рыкнахарта	Топоним в с. Куланьрхуа, где в древности в дубовой роще совершали обряд «воздушного» захоронения
Ацьал	Рок
Анцэа рымзыз	Божья кара
Алахьынцда	Судьба, то, что начертано на челе
Нырцэы	Потусторонний мир
Нырцэы мѡа	Путь в иной мир
Ахьымѡа	Путь в иной мир
Нырцэы цха	Мост в потусторонний мир
Быжькабатк Дггылуыцдака Цэылауца	Подземный мир у абазин
Цэаханым	Ад
Амца дыу	Ад
Цэанац	Рай
Ашэыртра	Рай
Ахэыртцхэацэа	Гурии рая, небесные девы рая
Ацстгара	Обряд возвращения души покойника, утонувшего в воде или сорвавшегося со скалы

Абырфын цха	«Шелковый мост», по которому душа стремится в ахата
Адцгага	Магическая мелодия, исполнявшаяся под аккомпанемент апхярцы или ачарпына; ею зывали душу утопленника вернуться в бурдючок – ахата
Ашэымкбац	Ритуальный помост, на который возлагали жертву или убитого молнией животного
Ахэышэца	То же самое у пастухов
Ацсацатэ	Жертвенное животное, принесимое близкими на поминки
Ацсхэара	Поминальный обряд
Арафы Асақэмал	Ладан
Ашьамақа	Ритуальная поминальная свеча, иногда длиной 1,5 – 2 метров и более
Ахьанапа	Ритуальный предмет из нанизанных каштанов, служил эстафетой во время поминальных скачек
Атарчеи	Знамя-эстафета во время поминальных скачек
Абақа	Крытая беседка для странников, в честь усопшего
Аишэаргылара	Жертвенная пища, посвященная усопшему
Акьан	Ритуальная украшенная свеча в 3–4 сажени
Акьан аихсра	Состязание в стрельбе на поминках
Адсгы Адсылапш	Сглаз покойника; исполняли специальный обряд
Адсыгара	Обряд похищения души
Ауоу ахэара	Обрядовый плач, исполнявшийся в память человека или утраты наследника

Аоуталара	Трехкратное обхождение с конем вокруг двора родственников покойного.
Адсаџа Адсаџа	Благодарение в память покойного
Алџа	Милость, благодать, букв. «теплота глаз» [Всевышнего]
Анцџа исасра	Знак высшей (божьей) силы. Знамение божье
Амшшьара	«Запретный» день
Мышражџ	«Запретный» день у абазин
Аршышра	«Пляска св. Вита»
Ахцџа зџоу	Святая болезнь
Ахцџа зџаау	Юноша или девушка, контактер с духами предков
Атларчопа	Священный гимн, исполнявшийся во время святой болезни
Рада Рашья Рара	Абхазские музы
Абахџрбгара ашџа	Магический гимн, его мелодией разрушали скалу
Азы ашџа	Песнь воды; вода в особых местах, в горах хранила и передает архаические песни и священные гимны
Ринана Нарина	Покровительницы музыки у абхазов
Аирыгь ашџа	Древняя песня, исполнялась при добывании огня трением сухих фундуковых палочек
Аф рашџа	Гимн Афы – Богу молнии и грома; священный гимн, посвященный коню

Ҳаниа	Священный гимн, исполнявшийся в день поминок, когда родственники приводили жертвенного быка с посеребренными рогами, покрытого саваном с украшениями, или коня
Азар	Священный гимн коню, исполнялся на скачках
Адсхэара Зар	Священный гимн коню, исполнявшийся на поминках перед ритуальными скачками; при звуках этого гимна скакуны приходили в трепет
Аеырхынхэра	Обряд привода коня к могиле наездника, обносят вокруг скакуна петуха, которого затем отпускают на волю, в лес.
Ауасархэыга	Магическая мелодия на ачарпыне, вызывавшая аппетит у овцы
Рарета	Абазинская земледельческая обрядовая песня
Афы	Божество молнии и покровитель воинов у абазин
Жәәандақ Жәәандақә	Небеса у абазин
Аңаңшыара	Обряд бдения у постели раненого или больного
Дадрыңшь	Обряд бдения у постели раненого или больного у абазин
Аңәәкәә Аңәәкәә - Елиа	Божество радуги
Амәә инңәәхәы	Божество, покровитель путников и дорог
Аиргь Ааңных	Покровитель набегов
Арыс	Бог войны
Хыхь икоу	Моление Всевышнему

Хыь	Всевышний, к нему обращаются весной, когда гонят скот на пастбище
Ашьа инцэахэы	Божество и Покровитель гор
Ашьа нхэу	Божество гор
Ашьа ныхэа	Моление, посвященное горам
Ашьа ныхэара	Моление горам
Нада-аада	Божество гор
Ха ныхэа	Гений, божество, ходящий по скалам, Божество, которому молились для предотвращения ломоты в костях, неровности характера и т. д.
Ажьахара	Покровительница увеличения семьи, размножения человеческого рода. Божество брака и Покровительница женщин. Покровительница огня и очага.
Ашас	Залог, вид искупительного жертвоприношения
Адгьыл чча (цкьа)	Божество плодородия и размножения. Моление чистому месту.
Аихацгара	Магический обряд проведения невестки под скрещенными кинжалами и шашками
Амцаныхэара	Моление невестки в честь Ажьахара в отцовском доме
Азаб кацсара	Магический обряд окончательного приобщения невестки к дому мужа, на 15-й день после свадьбы.
Ахэычхылапшфы	Покровительница детей
Ашьэапқара Адашьэапқара	Обряд, совершаемый для твердости в ногах при ходьбе годовалому ребенку.
Амшэхэы амхра	Первое ритуальное остригание волос у ребенка.
Аныхэартэ	Место моления

Аныхахә	Доля божества
Ақәырҫа	Место принесения присяги и клятвы
Ақәаб кнахара	Магический обряд снятия котла при трудных родах
Агылахьа	Обряд, исполняемый женщиной после родов
Аныхәатәга Амҫаныхәара	Обряд посещения свекрови (с люлькой) и подарками для внука (внучки)
Аныхәатыг Ахәыцы иныхәара	Моление в честь новорожденного
Ҫагәырғьара	Моление в честь новорожденного сына, наследника
Ҫахәгәырғьара	Моление в честь новорожденной дочери
Агараҫақәара	Обряд надрезания люльки для обручения детей
Ашьхәаққара	Обряд, исполняемый в тех случаях, когда ребенок долго не ходит
Кырк, Акырк	Магический обряд, исполняемый в тех случаях, когда ребенок болен и долго не ходит
Азатә	Жертвенная корова, «посвященная» для предохранения от злых духов и дурного глаза
Ачапацәа	Моление женщин, чтобы умножить род. В жертву приносили бычка от «посвященной».
Амаха	Переднее правое бедро жертвенного животного, наиболее почетная часть. При примирении его подавали кровниками.
Ацқьашә	Священный сыр
Аҫанца	Застольный обряд, дающий младшему права

Анапра	Семейное божество, покровитель всех домашних в самом широком смысле слова.
Афыншана	Покровитель дома
Афны инцаахэы	Главное божество в семье
Афны иахылапшыу	Покровитель семьи
Афны икоу	Покровитель дома
Афны ныхэара	Моление в честь семьи
Азархэама	Обряд, девичий хоровод, совершаемый после постройки нового дома перед Пасхой
Аамтахэ	Семейное моление будущему – «доле времени»
Анцаа ныхэа	Моление святому, Покровителю рода
Кэхаг Кэнашэ Мцаг	У этих богов испрашивали здоровья и благоденствия семье
Ах-дыу	Сильное и гневное божество, молились ему исключительно мужчины. В жертву приносился бугай, которого запрещали холостить.
Асагыць ныхэара	Аналогичное моление
Ҷап Цап	Духи очага
Хэашта	Покровитель очага
Нан-ду	Великая мать, Покровительница домашнего очага
Амцафахэара	Обряд сохранения и переноса огня
Адэны икоу	Моление духам предков, находящимся вне дома
Адэабна	Моление Матери-Земли
Иахымдыркэа хэдырыз	Моление Богу, которого мы не могли познать, но он нас познал
Анцэарныхэара	Моление Всевышнему, Единому Богу, проводится раз в три года.

Ағатахы Ағатар	Обет
Цасым	Табу
Амырбалара	Обряд резать скот при приезде владетельного князя
Ахнырхәтәы	Залог для искупительного жертвоприношения
Акәых	Залог, доля, приносимая святыне
Ачгара	Христианский пост
Аурычра	Мусульманский пост
Аду ахәы	Доля Великого, устраивалось моление за месяц до Пасхи. Совершалось в ветреные дни, обряд имел целью предотвращения ветров.
Ақшәрқәа	Поминовение покойных родственников перед Пасхой
Амшақ	Пасха
Атанақ-Атнақ	Абхазский праздник, совпадающий по времени или приуроченный к Пасхе – Мшапы
Ахәса рымшақ Ахәса рықсан	Моление, совершаемое женщинами после Пасхи через неделю
Анцәа рныхәара	Моление Богам, совершалось в Пасхальную неделю.
Азырга хәша	Обряд «связывания» семейства перед праздником Амшап.
Қәаб ғяр-ғяр	Обряд битья в медный таз или котел после обряда «Азырга хәша».
Ақаәара	Весенний обряд съедания рано утром щепотки соли, до того, как услышать щебет ласточки или кукушки.

Ақәыцьма азы нтабылгыо Амшә атыфра иантытцо	День весеннего равноденствия – 22 марта. С этого дня считают 12 дней, какие они будут, такими и будут месяцы в последующем году.
Ахьаца	Граб, священное дерево. В него не бьет молния.
Алакәымха	Крушина, из нее делают крест-оберег, предохраняющий от нечистой силы.
Леифәыла ҳақьым Луқман ҳақьым	Великий врачеватель в древности; медицинские знания идут от него. Изобретатель врачевания и лекарств.
Адгьыл ныҳәара	Царица земли, покровительница лекарственных растений
Адгьыл аҳкәажә	Царица земли, покровительница лекарственных растений
Ахәшәкәа рхылацшәы	Изобретатель и Покровитель лекарств
Ахьы Зосхан	Бог оспы
Ҳаниа шкәакәа	Его супруга
Ҳаниа	Богиня врачевания
Аиатәацраҳәа	Шлейф звезды, превращается в камни. Из семи таких камней получают лекарство.
Ашәылаиманы	Особый камень для лечения разных болезней
Акалбан Акапыр Ахәшәапшә Мармышь хаҳә	Лечебные камни у абхазов
Ацәырцшза	Дух оспы, сыпи
Ашәытрагь	Владыка сыпи на теле
Аҳәса рцәацкәа ахылацшәы	Покровительница женской косметики
Ахцәпныхә	Моление девушек, чтобы кости росли хорошо

Алагэыпшза анцэахэы Алагэы хаа ахлапшшы	Покровитель и Божество красивых глаз
Абзахафы - Абзачафы	Покровительница жизни
Асилерт	Обряд и Божество, которому молятся при заболевании болезнью, связанной с умопомешательством
Агыртэты	Божество и обряд, при котором молятся при болезнях, связанных с умопомешательством
Аимхарашэа Аимхэара бзиа	Дух коклюша
Азтыхра	Обряд, исполнявшийся при лихорадке
Ахацагыхра	Магический обряд лечения детей от лихорадки
Атула	Дух желудочных заболеваний
Анапра	Мужское божество, дух желудочных заболеваний
Анапра	Божество, к которому обращаются для излечения от внутренних заболеваний
Ахэит	Неспокойный дух, сидящий внутри животного
Цыкэыртаг	Покровитель, дух ревматизма
Салыгразы	Дух заклинаний
Мдаргылашэ (мқаргылач)	Дух занозы
Акэыц алхра аныхэара	Моление, посвященное людям, застрявшим в колючках
Амаг амхра аныхэара	Моление божеству колючек и зарослей
Азахэа рқақа	Свернутый круг из лозы белого винограда, служащий залогом при магическом обряде избавления от лихорадки
Арадацкылхра	Обряд протаскивания больного под корнями грецкого ореха для избавления от недуга
Ацла анцэахэы	Божество деревьев

Нар	Божество виноделия
Атана	Богиня мудрости и знаний
Џықер-салат-ах-дыу	Божество, направляющее мысли человека
Шарц ныхэа	Моление божеству рассвета
Агэныхэа	Моление божеству, покровителю сердца
Гэында	Богиня красоты
Гэында шеи-шеи	Лучезарная Агунда
Лымыирах Анмирах-Нымирах Нымыйрах Шымыирах, Шымыйрах Мумыр-ах, Сумыр-ах Анмирх – Чымир-ах	Боги любви и супружеского счастья молодежи
Анымимирах	Пересоленная лепешка, которую съедают молодые парни и девушки, чтобы во сне увидеть свою будущую невесту, своего будущего жениха.
Ананиа Гэында Анан Гэында Гэында цшза Гэында шеи-шеи Анан-Гэашья Анана Ахьяхкэажэ	Божество куниц и пчел (варианты)
Анана-Гэында	Богиня пчел
Анана Гэында	Скала в Цабале, ущелье р. Кодор, место восседания Ананы Гунды
Анантэара	Скала в ущелье р. Гумста, место восседания Ананы Гунды
Мзрем	Покровительница пчеловодства у убыхов
Ханциса	Богиня целомудрия
Нанаца	Ангел удачи
Анан	Богиня пчел
Нанхэа	Моление в весть Великой Матери

Арышна Иарыш Иарышна	Богиня женского рукоделия (варианты)
Ерыш	Богиня ткацкого ремесла
Кэыкэын	Божество хлопка и льна
Аќанч	Дух шелковичных червей
Цауна	Богиня, Покровительница городов
Ацу-ныхэа	Общественная молитва
Меркыре	Бог богатства
Нама	Бог и покровитель грамотности
Цэыблак	Богиня сна
Напкылтэа	Богиня кошмара, тяжелого сна. Эта богиня с продырявленной ладонью, во время сна она закрывает спящему рот, и человек видит кошмары.
Закэа	Богиня потерь
Цакэа	Вариант ее имени
Соско	Вариант ее имени
Сауна Саунау Сауроу Сыусана	Богиня мукомолья и жернов (вариант)
Ацхь	Божество кошек
Ахэарах Уынцэ	Божество свиней
Амырза	Божество кур
Анчы-Ѓэынча-Зарлы	Владыка пернатых птиц
Ахышь ныхэара	Моление ловчим птицам
Ахаќа	Икона, святыня; букв. «Истина»
Аныха	Святылище, икона
Аќэых-ќаќарќа	Священные места на перевалах
Ашыанцаќаќсарќа Аќэыхќэќарќа	Жертвенник на горе Химса
Аныха ныхэа	Посвящение святыне

Атып цыа	Священное место – «чистое место», «место силы». Зачастую выбирали те места, куда ударяла молния.
Ауыбла рныха	Святыище древнеабхазского рода Ауыбла; левая сторона реки Швача-паста, гор. Сочи.
Архнышына-ахэы	Древняя святыня абхазов, в районе Швача (Сочи), левая сторона реки Швача-паста.
Лиашэ-ныха	Святыище абхазов в Адлере (Арыд)
Абаак-ныха	Святыище рода Аи (Аиба), они же святители, расположено на Красной поляне – в Ахчыпсы.
Хэарцшыа-ныха	Святыище абхазов в Ахчыпсы (Красная поляна)
Гэыбаа-ныха	Святыня в Ахчыпсы
Пенжесен	Священное место абазин (ашь-харуаа)
Бытха	Святыня убыхов в верховьях реки Уарп, где при клятве переламывали стрелы
Маршыан инцэахэы	Святыня рода Маршыан у аш-харцев
Цгэаарныха Ҷыгэхарныха	Святыня абхазов между Гагрой и Цандрыпшь
Ахаш-ныха	Святыня в местности Цандрыпшь
Ацс-ныха	Святыня
Инал-Ҷэыба	Одна из главных святынь абхазов в Псху
Елиашхэыц	Святыня в среднем течении р. Агура
Аныхархэы	Святыище, долина р. Бзыбь
Амз-ныха	Святыище в Псху
Цсхэы итоу	Святыище рода Абыхуба в Псху

Лаңыр-ныха Аергь Лаңыр-ных	Святылище в с. Бармышь
Леиаа рныха	Святылище рода Леиба в с. Мгудзырхуа
Аираа рныхээрта	Место моления рода Аи [Айба] в с. Уатхара
Ахымахэ (или Ахымахэ)	Ритуальная доска, на которой выносятся жертвенный хлеб во время моления рода Леиба
Цьырхэа-ных	Святылище в с. Джырхуа. Священнослужители из рода Палба.
Ет-ных Аг-ных	Божество в виде облака, ему поклоняется род Ампар, в местности Риапшь, на берегу моря.
Аныхатэара	Место восседания святыни, Блабырхуа, по пути в горы
Дагаць иныха	Святыня Дагаджа. С. Уатхара
Афыз-ныха	Святыня рода Аюдэба, Дурипш, Агухара.
Лых-ных	Святылище в с. Лыхны, на его месте построен Лыхненский храм IX века. Священнослужители (аныхацаафы) из рода Шьякрыл.
Аныхатэара	«Чистое», святое место в усадьбе рода Шьякрыл (с. Лыхны).
Анан Лзаа-ных	Божество, наподобие «облака»; оно грозно и всемогуще, покровительствует лдзаавцам. В древности священнослужители были из рода Ондырба, ныне – род Гочуа.
Ахэса рныха	Святыня; с. Лдзаа, у берега моря. Ей поклонялись только женщины.

Аныцс-ныха Дыдрыцшь	Святыня. Божество находится в с. Ачандара и составляет с Анан-Лдзаа-ных одну семью Священнослужители в течение 25 поколений из рода Чычба; в глубокой древности были Ачба, а до них Садзба
Дыдрыцшь	Святой, он живет в Ачандаре на горе одноименного имени.
Хбы-ныха	Святыня в с. Ачандара
Барас-ныха	Святыня в с. Ачандара
Ебыр-ныха (Дарыцшь)	Святыня в с. Дурипш
Иашыр-ныха	Святыня в с. Иашыра, на холме Юардан-ахуы
Амбыр-ныха	Святыня в с. Иашыра
Лѡаха-ныха	Святыня
Аныха-ѡара	Святыня в Сухумском районе
Мача-ныха	Святыня в Гулрыпшском районе
Ага-ныха	Прибрежное морское святилище в с. Адзюбжа; ему поклонялись абхазские моряки.
Цѡахашькъар (Аинар)	Святыня в с. Цабал и святилище рода Джопуа в с. Члоу.
Цскал	Святыня
Аѡацсы	Дольмен
Къач-ныха	Святыня в с. Джгерда, священнослужители из рода Бзаркал.
Аилыр-ныха	Святыня в с. Илор; Илорский храм; священнослужители из рода Марчул
Лашькындар	Святыня в с. Ткуарчал
Аиѡар-ныха	Святыня
Гагра инхѡу	Покровитель местности Гагра
Гагра иахылацшу	Покровитель местности Гагра
Ацсуаа рныха	Гагра, Абаата
Шьашѡ-ныха	Святыня, святилище были из рода Аджанаа (Аѡанаа)

Ачба инцэахэы	Божество рода Ачба
Ачбеи-Чачбеи рынцэахэы	Божество и покровитель родов Ачба и Чачба
Аќаа инхэу Аќаа иахылапшыу	Покровитель Акуа (Сухума)
Хыыпста иахылапшыу	Покровитель ущелья р. Игрта, в с. Хуап
Ахэ-ныха	Священная гора в с. Хуап
Кэчышыкнахара	Моление рода Хакушыы, в селе Калдахуара
Аергь Аац-ных	Святилище в с. Аацы
Аныха-пста	Святилище
Аныха мца	Святилище, г. Новый Афон
Анана Гэында лтэара	Место восседания Ананы Гунды
Ажэеипшыныхэара	Место моления Ажвеипшыаа на горе Соуипсара
Афысырта (Афысра)	Священная гора в Псху
Ацэаќаа ныха	Родовое святилище рода Кацвба, в жертву приносили де-вушек
Ашэаа рќаќа	Моление рода Ашуба
Абаа ныха	Святыня рода Ашуба
Ацќа	Моление рода Амчба, посвяще-но святыне Инал-куба
Адыуахэ	Моление рода Хаджимба
Ачаа рныха	Святыня рода Ачба
Ачныхэара	Место моления Ач[ба], верховья р. Хыпста
Аныха-ныхэа Жэраќа	Моление рода Допуа
Гэымбаа рныха	Святилище рода Гумба; с. Кула-нырхуа
Мтаргьалаз	Место моления рода Гумба

Хдырлаз	Празднуется 6 мая. Хдыр (вар. Хтыр) и Лаз – два брата, идущие вокруг Земли вдоль стены небесного купола, там, где Небо соприкасается с Землей. Через год они встречаются на том же месте. Здесь стригут бороду, бреются и приводят себя в порядок. День их встречи назван Хдырлаз.
Ғаргьалыз	Праздник обновления природы
Ғылахә	Святылище
Чырдағь	Моление рода Куарчия
Аць ныҳәара	Моление рода Ажьыба (Мгудзырхуа), посвященное дубу. Проводят раз в три года.
Ашәаркьақьа	Место моления рода Ашуба у буковой рощи (с. Джгерда)
Цәмааза-Цәмархәала	Посвященный бык, который приносится в жертву родом Адлейба
Хынтақәыл	Родовое древнее святилище рода Цвижба
Лацуных (Лацәа рныха)	Святылище
Олиныха	Святылище
Цааных	Святылище
Шәыцъна ныха (Зхәаа рныха)	Святылище рода Зыхуба (Окум)
Иарцахә	Священная гора в Абхазии, откуда пошло человечество. Юноша, поднявшийся туда, становится старцем, а старец, совершивший восхождение, - юношей.
Анцәа ибызшәа	«Язык Бога» – так абхазы именуют свой язык.
Эзотерический язык абхазов	
Абна бызшәа	Лесной язык, язык охотников
Ашьха бызшәа	Язык гор

Амшә бызшәә	Медвежий язык
Атла бызшәә	Язык деревьев
Алабашья бызшәә	Язык алабащи (посоха)
Амаана бызшәә	Тайный язык, иносказательный язык
Арбағь бызшәә	Язык кочетов
Амаҫ бызшәә	Змеиный язык
Аҫыс бызшәә	Птичий язык
Азы бызшәә	Язык воды
Ахәса рыбызшәә	Специальный тайный язык женщин
Ағьыч бызшәә	Тайный воровской язык
Асаз бызшәә	Тайный «садзский» язык
Ажәеиҫш рбызшәә	Охотничий язык у ашхарцев
Хәарыбз	Язык басни у абазин

АЕТЦӘАҚӘА

Етәәцәаа	Плеяды
Жәгаа, Жәгараа	Волопас
Шарцы етәә	Венера
Хәылцы етәә	Меркурий
Хымсарацәаа	Скопление звезд на северном горизонте
Ашьха рымџа Ауаса рымџа	Млечный путь
Еишәахьча	Трапецеобразное созвездие, появляющееся на западном горизонте на 2-3 часа до рассвета

*Д. И. Галиа. Ат. VI,
Акәа, 1986. Ад. 269–270*

Етәәцәаа
Хәылцыетәә
Шарцыетәә
Цьымхасараа (5-етәәк ыҕоуп)
Сылташыакараа (Астәы иаҕацшны, исуа иеипцшуп).
Жәгараа (џыцьа ажә рыпцаны иргоит, х-џык ашьтазацәә
рышьтоуп, лак рыцуп).

Мышәцәаракацараа

Ашәуа ииацәә (Ццхыбжьон игылоит. Шарцыиацәә акәыз
цьышьаны ашәуа дөыжәлоит. Ахьта баацсуп, имшо иалагеит,
ицхахә еихагылом. Зынзаск ацсра даналага, иеы шыны, амгә
рҕьаны дагралеит, убас ииулак иршеит. Ицсы анеикәха, ауаа
ирылеихәеит уи аиацәеи шарцыиацәеи рцәеиламџашьаларц).

*Б. Шьынкәба. Ахьырїәәйәә,
Акәа, 1990. Ад. 471–472*

Ажә рымға
 Асар рымға
 Етәәцъаа – Аңхын иубазом, иныубо азаза калойт.
 Жәгараа – Азын ауп иныкоу, 5–6 рақара икоуп. «Жәгараа
 реипш шәеицума», – рхоит.
 Ағьычцәа – Ұыцъа ағьычцәа, ажә, ала – 4.
 Еитцәа затә – Зегь иреихау – Полярная звезда.

*Аргәын Мышьа иҳәамтәоуп. 80 ш. ихьйеит.
 1981 ш. ианылйеит Натәла Аргәыннәха,
 Ткаарчал ақалақь*

Етәәцъаа	Афба еиццо
Ашәуа дтазырхаз	Аеы ааишьын, амгәа дантала, деикәнамырхакәа дыпсит, нас дыхьшәәшәеит аныкәәә бзиа, акәәц аныхьшәәшәа.
Жәгараа	Ажә зғьычуаз, ажә ашьтахь, егьи аңхьа, азәы ахы ианкны игон, ала рышьтоуп, х-оык амәакцәа амәа ркыуп.
Цьамсаратаа	Иатәәцъаа рган амоуп; урт збо ауафы дыпсзом.
Ахәылцъиатцәа	
Нартәа ду рыиатцәа ажәпа	
Нартәа руаса рымға	
Амаршьанқәа рыиатцәа	
Атауадқәа рыиатцәа	
Жәлар цсы зхо рыиатцәа	
Ашәарах рацәа рыиатцәа	
Цсы зхо арахә рыиатцәа	
Мышәцәарақацараа Ұыцъа аишьцәа	
Атыхәа змоу аиатцәа – ко- мета	

Ианийеит Амиран Адлеиба, 1982 ш.

Жәгаа, Жәгаара, Жәгараа
Ецәаҕаа
Шарҕыетцәа, Ашыетцә
Хымсараҕаа
Амшынхәаецә
Жәырқь ииацәа
Аишәхьча
Ашьха рымџа
Ахьча ииацәа
Ҡыҕа аишьцәа
Х-кәақьк змоу
Ца шыака
Ҡарданаа
Мудар ииацәа
Нартаа рыиацәа
Асырты шыапы
Мышә цәаҕаҕа

*Зизариа О. П.
Амшынтә лексика аҕсуа бызшәаҕы.
Аҕәә, 1989. Ад. 3*

Ецәаҕаа
Шарҕыетцәа
Хылҕыиацәа
Жәгараа
Айба лыиацәа
Ашәуа ииацәа
Есхак ииацәа
Сарты шыака
Марытбеи ииацәа

Ианырҕеит Арышҕа М., Хәарааҕа А.

Ецәаҕаа
Дыргана
Хәеишьцәа

Адырганцыхэа
 Асар рымѡа
 Жэгараа (х-ецѡак еицуп: аѡхѡа азѡ дгылоуп, ажѡ ишьѡоуп,
 ахѡатѡи дрышьѡоуп).
 Ашарѡиетѡа
 Ахѡылѡиетѡа (Хабыгѡ ииетѡа хѡа иашьѡоуп. Ачба Хабыгѡ
 иххѡаауп).

Елызбар Ашѡба ихѡамѡоуп. Ианѡоуп 1972 ш.

*Артур Аншба.
 Аѡсуаа рфольклор. Аѡѡа, 1995. Ад. 378.*

Аишѡахѡа	Созвездие, появляется на западном горизонте за 2–3 часа до рассвета
Жэгараа Жѡгаа	Большая Медведица
Гамсараѡаа Хамсараѡѡаа Хымсараѡѡаа	Одно из созвездий северного горизонта
Ахѡырѡыйатѡ	Венера
Ашайатѡ	Венера
ѡыуѡгѡлыиа иыиатѡ ѡѡатѡлагатѡла дѡазырхаз Ашѡуа дѡазырхаз	Сириус
Ашьхарымѡа	Млечный путь
Аѡѡ тыхѡа	Комета, хвост кометы

Генко А. Н.

Хәымсараҕаа
Амшынхәаиатәа
Жәырқь ииатәа
Мудар ииатәа
Етәышт
Аиргь
Адам Мсураҕ
Шарҕы ииатәа
Ашы ииатәа
Шьяпыжә
Амшәцәарҕацараа
Ҡыҕа аишьцәа
Х-кәакьк змоу
Акәапеи
Ца шьяҕа
Ҡарданаа
Ахьча ииатәа
Атдыхәа змоу аиатәа
Шьяҕсахәпҕа
Нартаа рыиатәа
Сасрыҕәа ииатәа
Жәгараа
Хылпы ииатәа
Ашәуа ииатәа (ажәтә Ыаҕаҕла ахьзын)
Ыымсараҕаа, Ыомсараҕаа
Гамсараҕаа
Ыамышьтраа
Иатәаҕаа
Амәақәәа рыиатәа
Асырты шьяпы, Сартышьяҕа
Бжьәеишьцәа
Ашьхацәамәа
Асар рымәа
Ар рымәа
Арахә рымәа
Ауасахьча имәа
Ауасақәа рымәа

Мышәцәкьякья
Аишәхьчашьяпраа
Хөеишьцәа
Жәеипшь ныха
Гәында лыиатцәахә
Наргәытцмра
Нацәышәахәа
Нартәа ду рыиатцәа ажәпа
Нартәа руаса рымәа
Сасрыкәа ихәа злахаз
Есхәк ииатцәа
Марытбеи ииатцәа
Амаршьанкәа рыиатцәа
Атаудкәа рыиатцәа
Жәлар цсы зхо рыиатцәа
Ашәарах рацәа рыиатцәа
Цсы зхоу арахә рыиатцәа
Ацкакәа – Созвездие лебедя
Асака – ацъар сахъа амоуп
Цъарсахъа
Адырганаа
Сасрыкәа лаша
Цсынча
Айба лииатцәа
Аәапара
Хәжәажәа

Ианиҗеит Р. Ҳ. Агәажәба

АЕТЦАҚӘА РЫХЫЗҚӘА АШӘУААИ АШЪХАРЫУААИ РҒЫ

Иатцаа быжьџеишьцаа	Большая медведица
Иатцаа ду	Венера
Иатцааш	Венера
Шарцны иатцаа	Венера
Шы иатцаа	Венера
Хэлацын иатцаа	Венера
Ауасақаа рымџа Ауасахъча имџа Ашьха мџа	Млечный путь
Цсынчы	Орион
Ажџанд цэмыг Иатцаа быжьџеишьцаа рахшьа Иатцаа быжьџаишьцаа рахшьа- затэык	Полярная звезда
Ашәуа ииатцаа	Сириус
Иатцаацъараа	Стожары
Икашәуа иатцаа	метеорит
Иатцаатыхәашкәакәа Иатцаакаҳә Иатцаатыхәа баба	Кометы

ЛИТЕРАТУРА

1. Абазины. Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1986.
2. Аджинджал И. А. Из истории этнографии Абхазии. Сухуми, 1969.
3. Адыгская мифология. Нальчик, 1992.

4. Акаба Л. Х. Исторические корни архаических ритуалов у абхазов. Сухуми, 1984.
5. Ардзинба В. Г. Нартский сюжет о рождении героя из камня // Древняя Анатолия. М.: Наука, 1985.
6. Ардзинба В. Г. К истории культа железа и кузнечного ремесла. (Почитание кузницы у абхазов) // Древний Восток: этнокультурные связи. М.: Наука, 1988.
7. Барон де Бай. Воспоминания о командировке в Абхазию. Париж, 1904. / Перевод Р. Г. Крючкова.
8. Бжания Ц. Н. Из истории хозяйства и культуры абхазов. (Исследования и материалы). Сухуми, 1973.
9. А...ъ (Введенский) Религиозные верования абхазцев // ССОКГ. Тифлис, 1871. Вып. V.
10. Векуа А. Из жизни и обычаев абхазцев / «Закавказье». Тифлис. 1912. № 134, 136; 1913. № 150.
11. Ворошилов В. И. История убыхов. Майкоп, 2006.
12. Габния С. С., Смыр Г. В., Чеснов Я. В. Религиозно-обрядовые функции абхазских посохов. // Полевые исследования института этнографии. 1982. М., 1986.
13. Гадагатль А. М. Героический эпос Нарты адыгских (черкесских) народов. Майкоп, 1987.
14. Генко А. Н. Аґсуа-аурыстә ажәар. Абхазо-русский словарь. / Составил А. Н. Генко. Подготовил к печати Т. Х. Халбад. Акуа – Сухум, 1998.
15. Грен А. Н. Из мифологии абхазов. / (Рукопись). Архив АБНИИ.
16. Джапуа З. Д. Нартский эпос абхазов. Сухум, 1995.
17. Джанашвили М. Абхазия и абхазцы // ЗКОИРГО. Кн. XVI. Тифлис, 1893.
18. Джанашиа Н. С. Статьи по этнографии Абхазии. Сухуми, 1960.
19. Дзари О. П. Море и абхазы. Историко-лингвистический очерк. Сухум, 2002.
20. Донини А. А. Люди, идолы, боги. Очерки истории религий. М., 1966.
21. Званба С. Т. Абхазские этнографические этюды. Сост. профессор Г. А. Дзидзария. Сухуми, 1982.

22. Инал-ипа Ш. Д. Абхазы. Сухуми, 1965.
23. Инал-ипа Ш. Д. Страницы исторической этнографии абхазов. Сухуми, 1971.
24. Инал-Ипа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов. Сухуми, 1976.
25. Инал-Ипа Ш. Д. Памятники абхазского фольклора. Нарты. Ацаны. (Сборник статей и материалов). Сухуми, 1977.
26. Коростовцев М. К. Религия Древнего Египта. М., 1976.
27. Лавров Л. И. Убыхи. Историко-этнографическая монография. СПб.: Наука, 2009.
28. Марр Н. Я. О языке и истории абхазов. М.-Л., 1938.
29. Махабхарата. Книга пятая. Перевод с санскрита и комментарии В. И. Кальянова. Л., 1976.
30. Мачавариани К. Религиозное состояние Абхазии. / «Кутаисские ведомости». 1889. № 11–14, 16, 20, 21, 24, 26, 27, 28, 29.
31. Миллер А. А. Из поездки по Абхазии в 1907 году. // Материалы по этнографии России. СПб., 1910. Т. I.
32. Мифы народов мира М., 1980. Т. I; 1982. Т. II.
33. Нарты. Абазинский эпос. Сбор, составление, перевод и комментарии Владимира Меремкулова. Черкесск, 1975.
34. Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1958.
35. Патеипа Н. Избранное. Сост. Г. Смыр. Сухуми, 1978.
36. Салакая Ш. Х. Абхазский нартский эпос. Тбилиси: Мецниереба. 1976.
37. Современное абхазское село. Этнографические этюды. Тбилиси, 1967.
38. Услар П. Н. Древнейшие сказания о Кавказе. // ССокГ. Вып. X. Тифлис, 1881.
39. Хан-Гирей. Записки о Черкессии. Нальчик, 1978.
40. Хафизова М. Г. Убыхи: ушедшие во имя свободы. Нальчик, 2010.
41. Хашба А. Избранные работы. Сухум, 1972.
42. Чернявский Вл. Записка о памятниках юго-западного Закавказья, исследование которых наиболее настоятельно. // V Археологический съезд в Тифлисе. Протоколы подготовительного комитета. М., 1879.

43. Чочуа А. М. Собрание сочинений. Сухум, 1976. Т. III.
44. Чурсин Г. Ф. Материалы по этнографии Абхазии. Сухум, 1957.
45. Шенкао Мухаммед. «Нарты»: Миф, этнос, культура. М., 1997.
46. Шиллинг Е. М. В Гудаутской Абхазии. / «Этнография». М.-Л., 1926, № 1–2.
47. Шортанов А. Т. Адыгская мифология. Нальчик, 1982.
48. Адлеиба Инвер. Хаибаркыра. Аҕәә, 1996.
49. Аҕсуа жәлар рпоезиа. Еиқәиршәеит Б. Шьынқәба. Аҕәә, 1959.
50. Аҕсуа жәлар рашәәқәеи ражәабжьқәеи. Еиқәиршәеит И. Кортуа. Аҕәә, 1956.
51. Аншба Артур. Аҕсуа фольклор. Аҕәә, 1995.
52. Аргәын Наҕела. Аҕсуаа рҕаҕыцтә хәамтақәа. Аҕәә. 2004.
53. Гәажәба М. С. Хәырбыц изыхь. Аҕәә, 2007.
54. Шь. Гыцба. Аҕсуаа рышьхахьызқәеи рышьхацамәқәеи. Аҕәә. 2002.
55. Зыхәба С. Л. Аҕсуа ретиологиатә мифқәа // Аҕсуа институт Адыррақәа. Карт, 1975.
56. Зыхәба С. Л. Аҕсуа мифология атцаарақәа. Аҕәә. 2012.
57. Иҕамбазо ажәлар рзыхь. Ианицеит, еиқәиршәеит К. С. Шьакрыл. Аҕәә, 1989.
58. Нарт Сасрықәеи 99-шык иара иашьцәеи. Аҕәә. 1962.
59. Пшь-ажәабжьк Сасрықәа иххәааны. Ианицеит Г. У. Смыр. Аҕәә: Алашара, 1971.
60. Маадан Сақаниа ихәамтақәа. Аҕәә, 1970.
61. Лакрба К. Иҕамбазо азыхь. Аҕәә, 1979.
62. Хьациа Анатоли. Хшьла ашәарыцара иазку анцамтақәа / «Аҕсны қаҕшь», 1990. № 173.
63. Шьынқәба Б. Ахьырцәатцәа. Аҕәә, 1990.
64. В. Ömer Büyüka. Abhaz Mitolojisi Anaç mi? Istanbul. 1971.
65. Аҕсуа жәлар рҕаҕыцтә рҕеиамта. Т. I–V.

ТАМГИ

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

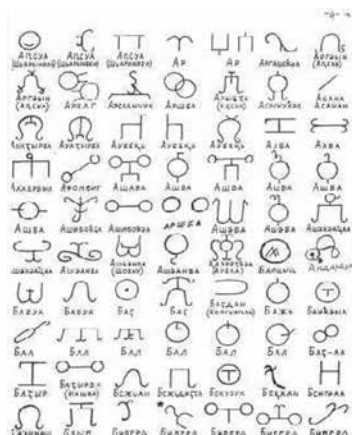

Рис. 4

Puc. 9

Puc. 10

Puc. 11

Puc. 12

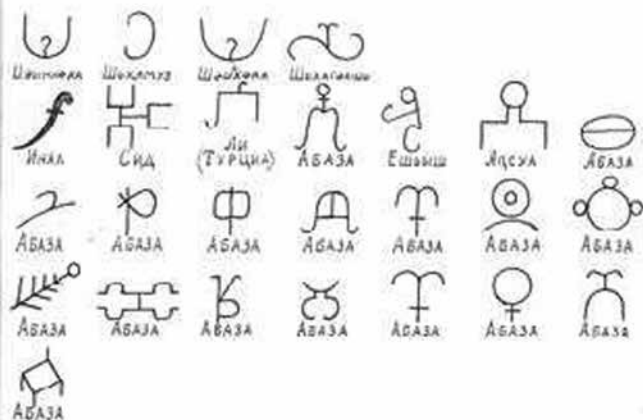

Рис. 13

Рис. 14

Рис. 15

ТАРТИ ШИВЕО.							-6-
							БЕРЗЕК
БЕРЗЕК	БЕРЗЕК	БЕРЗЕК	БЕРЗЕК	БЕРЗЕК	БЕРЗЕК	БЕРЗЕК	БЕРЗЕК
							БЕРЗЕК
БЕРЗЕК	БЕРЗЕК	БЕРЗЕК	УЗАНГАА	ДЕЧЕА	САЛАИ	ЖОИ	БЕРЗЕК
							ПШАНЗА
ПШАНЗА	СЕНЧЕР	ГУЗМЕЗЕК	ТХАС	ВНОХ	КЕСЫДЕН	ГОЕ	БЕРЗЕК
							БЕРЗЕК
ПШАНЗА	ШАЛЧИЧИ	ШКАВУ	ЗЕШ	ТХАС	АТРИША	ВИЛЕРИКА (САГУРА)	БЕРЗЕК
							БЕРЗЕК
ПШАНЗА	ХАНАИ	ПЕХИ	ХОИНИА	ДИГУИ	ПУЕ	ЖДАЕ (СИБИ)	БЕРЗЕК
							БЕРЗЕК
ХАИЦИ	ПЕХИ	ВИЕЗМА					БЕРЗЕК

Составил Р. Х. Агуажба

Рис. 16

АҘСУАА РХЫМҘАҘГАШЬА АҘЫДАРАҚӘАК²⁴

Ауаажәларратә җиара аҗоурых апроцесс абзоура-ла, раҗхәтәи ауаҗы инаиркны иахьанзагыи ауаҗытәиҗса ихымҗаҗгашья иарҗиоит аҗазшья җыцқәа.

Иарбан уаажәларратә җиаразаалакгыи, иарбан милаҗза-алакгыи ирмоурц залшомызт дара ирхатәу ахымҗаҗгашьятә җазшья җыдақәа, рмилаҗтә җәа аханы, рмилаҗтә гьама ама-ны. Абасеиҗш иҗоу аҗырпштәқәа раҗәазоуп, урҗ уаҗы ибоит ауаатәиҗсатә җҗстазаара иамоу аганқәа зеггы рҗы. Иаххәап: аҗырпшзара, гьама бзиала аҗны архиара, аҗеилахәара, аҗәажәашья, аныҗәашья ухәа...

Ауаатәиҗса адунеи иаақәнагалазар аахыс, рхазы маҗара, иҗкарҗомызт иҗкарҗоз зеггы, иаххәап: акрыҗара, акрыжәра, иазхәиҗуамызт. Урҗ иааҗкарҗоз зеггы хааны, иҗшзаны рхазы маҗара ақәымкәа ажәлар зеггы иргьамахартә иҗкарҗон. Ауаҗы данныҗәатәҗьоггыи, ишьапы еихганы аҗара маҗара дазхәиҗ-уам, уи иҗшзаны, ихәәпшуагыи ргәи ишахәаша аныҗәара дазхәиҗроуп, ихымҗаҗгашья, иҗәпшылара, гьамала иҗеи-лахәашья иаргәиҗгьозароуп. Иара убриалоуп ауаҗытәиҗса егырҗ аҗсабара иашаз зыҗсы җоу дызларылкаахаз.

Амилаҗқәа хаҗыпшрала ишеиҗшым еиҗш, рыҗҗстазааратә хымҗаҗгашья зегь рыла еиҗшарҗ залшом, етика-җааҗаратә гәиҗк иатәымзар, ус иҗаҗәҗьазарггыи аинтерес заҗаломызт.

Иарбан милаҗзаалакгыи ирымоуп рхатәи традицияқәа, даеазәи иламҗашья рхатәи җазшьяқәа: аиҗабы пату иқәҗара, асасдкылара ухәа аҗҗара зыхәҗоу иҗыдоу рхатәи культура.

Аҗсуара – ажәлар ретикатә моральтә җҗаҗҗәоуп, ахымҗаҗ-гашья аҗыдарақәа реидкыла иазакәануп. Ари ажәа аҗсуаа ес-нагь иҗшьоу ажәаны иахәәпшуеит.

Ус рхәоит аҗсуаа раҗхәзатәи аныхәәҗа анышьҗырхуа: «Анҗәа улҗха хәҗ, хәҗсуара Анҗәа иумырзын!», мамзарггыи,

²⁴ Алагамҗа ануп Аҗсуа хәиҗҗкарратә музеи Аусумҗақәа. Аҗыжра VI. Ад. 142–157.

«Ацсуара уагымзааит!», иацсыуам онуцкәтә доухала ибеиоу изы ирхәоит «ацсуара илоуп», «дацсыуашәа ауп дшыкоу», «ацсуара злоу иоуп ауафәра злоу, ауафәра злам ацсуарагыы илазам».

Ауафәы дееимкәа даныкоу изырхәоит: «ацсуара илам», ауафәы ддырехәарц аныртәху ирхәоит «ацсуара илоуп» хәа.

Хазтагылоу аамтазгыы «ацсуара» ацакы даара идууп. Ауафәы ламыс иманы, ахымфәацгашәа идыруаны, даеазәы изыхәан игәы быләуа дкәаларц азы илаазатәуп апсуара.

Ихы шцәмфәацигоз ацсуа дахыкәазаалакгыы?

Иаххәап, аиҳабы пату икәцара: ацсрафәоума, ачарафәоума, амфәан аума, дсасума, дацшәымоума, дгәылоума, дычмазафәума, дыбзабафәума, ашәарыцарафәы аума, аеыкәтәарафәы аума, ихы шцәмфәацигоз?

Арт зегы аайдкыланы акәымкәа хаз-хазы халацәажәар ахәтоуп, аха хара хәааатгылоит аиҳабы пату икәцара ачыдарақәак.

Ацсуаа рфәы еснагь хыкәкыла пату ду ақәыртцон, иақәыртцонит аиҳабыреи аитцбыреи. Дарбанзаалак, абырг, аиҳабы, дыпхәыс-дхатца, ацсуаа рфәы чыдала пату рыкәын. Рхәатәы иазызырфәуан, иазызырфәуеит, ацстазаара урт ирнатаз апышәа ахә харакны иршьоит. Зықәрахь инеихьоу игәы нзырхаз ажәлар лахь иртцон, иусгыы рызбон, икаитцаз ацәгыара ахәшьара атаны.

Аитцбы аиҳабы даниацәажәоз иажәа апыфәлара хымызг дуун, ацсуаа ишырхәо еицш «иц хыыржәоомызт». Аитцбы аиҳабацәа рфәацхәа дгыланы ихтыскәа дрылацәажәоомызт, аиҳабацәа ырзырфәны дыгәхәом. Аказы ианиазтәалакгыы иажәа мроуцәакәа интқааны, ила тхаха рыла дхымпшылакәа ихы ааларкәшәа, дыпхашәа-цхатцәо акәын атак шихәоз.

Аиҳабы ишибоз (иаб иакәзаргыы) ифәахәы амихуамызт, ататын дахомызт, ихәыцгыы дидикыломызт. Ацхәыс лфәацхәа ишәцатәы ахәда абжа аартны дтәоомызт, хыхьтәи имацәа ишәымкәа дцәыртцуамызт. Аиҳабы ифәацхәа ишьапы еилыхны изәзәоомызт.

Аитцбы ихы шцәмфәацигоз аиҳабы ифәацхәа дангылаз?

Аитцбы, аиҳабы ифәацхәа дангылаз, инапқәа ицъыба итәикуамызт, иехырһааны иеырхәаны дгыломызт, ибга иеирхо-

мыст. Ифацхьа атэара икэшээр, иеицхэаны дтэомиызт, аиҗабы (дарбанзаалак ауашы) иңынта дацрыхомиызт, аиҗабы иҗы аҗатын дахомиызт, иашьейҗаб иакэзаргы. Акрыфара ианаҗу аамтэзы акэзар, аиҗабы даниацэажэоз иара дҗамкэомиызт, рацхьа иҗатца лбааданы нас акэын аҗак аныкаитцоз. Аиҗабы дгыланы данцэажэоз, аитцбы акрыфара дакэытцун, аиҗабы ифацхьа аитцбы инапкэа ихы-иҗы иатцаргэаны дтэомиызт, инапкэа игэытцапсангы диеагыломиызт.

Аиҗабы данцэажэоз иага каларгы иажэа дакэыркуаиызт, ипыйломиызт.

Ацсуаа ирымоуп аиҗабы иажэа аңымџлара иаххэаау ажэабжь бзиа: «Еизарак акны абырг илабашья нытцарсуа дцэажэон. Иааигэа арпыск дгылан. Абырг ацэажэара дана-лагоз илабашья ахьынаирсыз, ивагылаз арпыс ишыапы иналсын адгыл иналалеит, аха абырг изгэамтэзакэа ацэажэара даҗын. Арпыс ичханы дгылан абырг иажэа дакэыскуама хэа. Имч илшэшэаны дхышэҗаанзагы азэгы изгэамтэзейт». Убри аңынза пату акэын аиҗабра-аитцыбра.

Аиҗабы ихьз хэаны, изҗытны дхьадырпшуаиызт, уажэгы ус икоуп, иҗны ихьзаны иаидгыланы рҗынархон, аиҗабы ихала игэейтаанза, нас акэын ианиацэажэоз. Уи азоуп ацсуаа изырхэо «Аиҗабы изҗыртэом уи ихьзоит» хэа.

Аишэа ахалараан еснагь аитцбацэа рџааныркылон, аиҗабы ихэҗоу аҗыцэҗ дара атэара рыкэшээр, цхашьяроуп хэа ицхьазаны. Аиҗабы иҗыц, ма асас иҗыц еснагь иалхуп. Убриа-зы акэхап ацсуаа изырхэо: «Аҗыц бзиа узымтрысын, уи уара иухэҗазар ахала иузаауейт», мамзаргы «Аҗыц бзиа аиҗабы итэуп», «Дасу иҗыц идыруазароуп» хэа.

Аитцбацэа аиҗабы дахьтэаз иацхья имџасуаиызт, аиҗабы дбыргзар, рнапы рхханы инапы имаххуейт хэа иалагомиызт.

Ацсуаа рҗы иказ аказшыа чьда бзиақэа иахьрылаз акык-џ-бак абаапсқэа ауаа рыпсҗазаара иапырхагаз, измырҗацоз, убарҗ зегы ирыцкын «ашьяура», «аиҗарара», «аибарпсра».

Хара иаххээрц иахҗаху ихы шҗамџапигоз ашьяура здыз ауашы?

Ашьяура здыз ауашы ацынхэра каитцаанза иахьякэза-алакгы, ажэлар ахьейзоз неишыа имаиызт, дцэыртцауаиызт.

Ажэларгы ус изырхээр алшон: «Дуаџума ари абаа, ишьа изы-муит» хэа. Аанџасрагы икэмызт, иаанџасызгы иаеңнырхэон хэа. Ашьаура здызгы ус ихэон: «Ашьа баауам, иңсуам, иахья исзымузаргы – уатцэы...» хэа.

Иќан, ауаџы дызцэыршьыз, хтарца еиќэатцэала ихы-иџы тахэхэаны «Ашьа зуанза сыңсы дыстцэыуазом» хэа зыџны ашта иќэцны ицоз, ишьа аниулак акэын дааны анышэынтраџы дантцэыуоз.

Иага убас акэзаргы, еиѓацэаз рыбжьарагы иќан иџымыз, аха аңсуаа рыңсцазаара ахала иаңнацаз аңќараќэа. Аңсуаа даеакала иахэаңшуан аиѓацэатцэќыа реизыќазаашьягы.

Иааиќэшэаргы, изхараз раңхья дхысуамызт, раңхятэи ахысра ашьа здыз ииңон. Амџан машэырла иааиџахаргы, иара даамџахыцны амџа ииңон. Аңсуаа ирыцэтэымын абри аџыза аќазшьаќэа. Ишаххэахыџу еиңш, аңсуаа иаха интырхэцааны ирыхэаңшуан ахтысќэа зегы.

Чарак, ма еизарак аџы машэыршаќэ еиќэшэар, ахара здыз ашьышьыхэа ихы дырны днарылцны дцон. Ашьаура здыз, мазеи аргамеи ашьаура азин иман, аха дцэытцагыланы ахысра хымзгуп хэа иңхязон. Ауаџшьра ќазтаз абцъарс ихы иаирхэозгы иахэаңшуан. Иаххэап, лабала ауаџы дишьызар даара ихымызгуп хэа иңхязан, бцъарла дишьызар ааста. Бцъарда иќаз аѓа иеихсрагы хымзгын.

Аиѓацэа рхымџаңгашьатэ чыдаразы аңсуа жэлар рхэамќак абас ахэоит:

«Ашьра ќазтаз, абна илаз азэы уахык аџны дааит, сеаа-сыңсахып хэа. Аеыкэабара дшаџыз иңхэыс ус џаалтит: – Уара уанаџалбеит, уажэы уаѓа дкылатэаны дхахэаңшуазар, дуетихысны уимшьуеи, алашара ма иурцэарауазеи! – хэа. – Сара сееилыхны сшыќоу исеихысуа аѓа дсымазам! – ихэеит аќак ахатца.

Убри аамќазы ииашатцэќыаны иеиџазо итэаз иаѓа иахаит ирхэаз. Деилахэаны, абцъарла деиќэшэаны даныќоу изуп сшьа ихэан дџагыланы дцеит». Абартќэа рзы ауп аңсуаа изырхэо: «Ауаџы бзиа даѓууандаз, даѓуаѓандаз» – хэа.

Ашьаура ашьапы гэгэала иахауа ианалаѓалак иахабацэа еизаны иаины ашьаура здыз иацэажэон: «Шэус ахьзгы

ахьмызггы збатэыс ажэлар ихашэт» – хэа. Аиґацэа реинраларазы иалырхуаз ауафы «Абащптэа еибитэит», мамзарггы «Бызла ахэра иргэит», «Ашышкамс ачаца ахькыду идыруеит» хэа ззырхэоз, ацэажэарафы иґаказ уафын. Убас ажэала аиґацэа реинралашыа зылшоз изырхэон «Ажэала аґсы дыбзеитэуеит» хэа.

Аиґацэа реиныршэаразы, аґацэа руазэы «ашыаґсахэпґа» захьзыз, ґас иґацара – аазара акэын ґакыс иамаз. Ацэґара ґазґаз, мазала иаґа иитэыз ахэычы дґычны дааганы даниаазоз ыґан. Нас дандухалак аґамґа ду иґаны иґаацэа дрыздыргьяжьюан.

Даґеакала ианныкэоз ыґан: аґсра зыхьыз иан, ма иахэшыа лґэыпґхэы ампахьшыа аґэыршэны, ашыра зымпыґґаз дадыргэызуан, Уи иаанагозггы, уи нахыс уи ґак, иашыак дырзафызан. Дыпґхэысеибазар, лыпґсы ахьынзатэу анык леипґ дылхылапшуан, лыхьзггы-лыхьмызггы иара идын. Убас аныґалалозггы ыґан, ашыра зуз иахэшыа, ма иан мазала раґацэа рыфны дыфналаны ахэычы пґшґа дыґазар, агэыпґхэы ифалґон. Уи нахысггы акыкахш рыбжьан хэа ипґхэзан, ашыаура рыбжьырхуан.

Аґацэа рыбжьара «абґара», «ақара» ыґан зны-зынла. Ацэґа ззыруз ауаа иманы ажыирафы днеины дыбґон. «Абри ацэґара ґазґаз, умґан даанагаит, сара даафысымхыкэаггы хэыхшыа имоуааит!» – хэа.

Ацэґара ґазґаз хэа азэы гэаарас дроур, аныхафы, ажыирафы дганы ддырқэуан. Уи дықэуан ус хэо: «Сара абри ацэґара ґазґазар, абра умґан адыд-мацэыс саблааит!» хэа.

Апґхэыс, ан иеиґацэаз еинлырнаалартэ, еинлыршэартэ аґара амч лымазггы, цэоуки-цэоуки, ажэытэан аґсуа пґхэыс азин лымаккэа дыґазшэа илыхцэажэо даара ифашыоит хымґада. Ажэытэтэи акласстэ еиґарамра иґаз ахэсақэа зеггы азеиґаратэуамызт, аха дасу класс дызґазкуаз афы мчрак лымаккэа дыґамызт.

Пґсра зқэым аґсуа жэлар репос афы нарґаа ран Саґанеи Гэашыа хашґра лықэымкэа аепос зегґ афы дхаданы даарпшуп. «Манча хатґеи Баалоупґа Мадинеи» афы иаабоит Мадина лылшара, урґ рыдаггы аґсуа жэлар рлакэқэа рґны ирацэоуп

ахәса еибашьцәа, ахацәа ирацызго афырпцхәыс ззырхәакәо, даара икәыҕоу, зыхшыѡ цхауа, ахәса рхаҕсахьақәа рацәаны икоуп.

Ацсуаа рҕы ацхәыс даара пату лықәыртдон. Иарбан еи-заразаалакгы ацхәыс данаарыхтыгәла, абырггы аҕаргы лхатцгыланы атып лыртон, акраамтә «Шәтәа, сшәыкәыхшоуп» хәа дырмышәакәагы итәомызт.

Ацхәыс амѡан днаскъазгоз ахатца лацхьа дгыланы дцон азәы даарпылар, лара дыхьчатәызар дихьчарц, дахьнеиуаз атыцаҕ днамгакәа дгьежьюамызт, дгыланы длыцнаскъозаргы убас акәын. Лара лаштә дталаанзагы дгьежьюамызт «ацхәыс сыбҕа леиасырхома» – хәа.

Цъара еизарак, чарак аҕы итәазар, ахатца ибҕа ацхәыс илеирханы дтәомызт.

Мхәыцк ацхәыс лгәы нирхазар, уака игылаз ахатца ичхау-амызт, дахьирхәуан.

Ацсуаа ирхәоит «Аѡны гәашьамхыс иатцоу ацхәыс лоуп» – хәа, иара убас ауп иахьагы. Аѡнатә зеггы зхагылаз лара лакәын, аха иатәхханы икалозар, аеыкәтәарагы, ахысрагы дазказан, ахатца даргьажәѡаны дивагылон. Убри акәхап иаа-нагогы ажәабжьхәаѡ Ерастә Аргәын игәалаиршәаз ажәапка «Ахатца ицәа дахьафо ацхәыс идырны илбыгуеит» – хәа.

Ахацәа ацхәыс дышрыцыз еисуамызт «ацхәыс иахьылбо пхашьароуп» хәа ицхьазаны.

Ацсуаа рыдагы кавказтәи ажәларқәагы ирымоуп абри аѡыза аказшьа чыда, ѡыцъа ахацәа ахьеисуа ацхәыс лкасы аалхыхны ирыбжьалыршәыр, иаразнак ихахәхазшәа иаангылон, убриакара лымч гәгәан. Хәтыр лықәыртдон ацхәыс.

Ацсуаа рыхәсақәа аизарақәа рҕы акәзаит, иахьабалак рхы-рҕы тархәхәомызт, уи акәым аизарақәа рҕы икәгыланы ицәажәозгы ыкан. Ахацәа ирылагыланы ҕыла иныкәон. Кавказаа ркны еибашьюаз ахацәа ирылагылан еибашьюан еихарак ацсуа хәсақәа.

К. Мачавариани иѡуеит: «Ажәытәза аахыс ацсуаа рҕы ацәа ртахрақәа зыхьчоз ацхәыс лакәын. Абри аус аҕы агәылатәи ахылтшьтрақәа рәтәи ахәсақәеи дарей даара еидхәалан» хәа (Мачавариани, 1884. Ад. 10).

Ацсуаа рҕы иҕамыт аҕәса рацәа раагара аҕазшьа, азәы лакәын иааргоз, патугы лықәырцон, акызатцәык алаҳамтцозар, ахшара дызмоуз аҕхәыс, лашьцәа рхала дыргон, аха лхатцеи лареи, еицыҕазар рҕахызар, лара лхала далпшааны лхатца аҕхәыс данизаалгоз ыҕан. Уи илыхызын «авартәа».

Хатцеи пҕхәыси аҕаацәа еҕаа рыбжьазаргы, даҕазәы иҕы ахатца ипҕхәыс длықәымчуамызт, ауаа рҕы даҕырцәомызт, даҕырехәомызт. Аҕәса рымтарсра аныҕазгы, аҕхәыс дымтарсны дназгоз, иаҕа дихьзо даналагалак, иигоз аҕы дналбааганы иуапа ааитыхны иигоз дықәмыртәакәа иаҕа диабашьуамызт.

Ахатца аҕхәыс зынзаск дизымдыруазаргы, дтәымзаргы, иара дышгылаз аҕхәызба дымтадырсыр, дритомызт, ихгы ақәйттар қалон. Дицәыргаргы дрымхны дааганы дызтәыз дритон.

Убас иҕалахьаз ахтыс иазкуп ажәйтә ацсуа жәабжь: «Дыҕан Ардашыын хәа Чатцәбак, аҕхәызба дымтарсны дшыргоз лыхәхәабжь иахан дрышьтәлеит. Аҕхәызба дызгоз дрыхьзан дарей иарей еиҕахысуа, зегь таирхеит. Аҕхәызба диманы иҕанынеиха, «Аа абааҕсы, скасы нхеит» – лхәеит аҕхәызба (аҕхәызба лкәых аҕа иҕы ааныжьра хьымзг дууп). Иҕы дынҕыжәңан лкасы шытысхуеит хәа ихы ахылаиркәыз, ихәны ишьтаз азәы дымцсыцаарын, диеихсит, ғәғәалагы дихәит. Ғәғәала сышхәу аҕхәызба илсырбом, ихәан, ихәра изнапык адгәаланы икны, аҕхәызба лкасы наликит, «ушьта хьымзг бымам» хәагы нацитцеит.

Диман даан лтаацәа рҕы дааныжьны, деиханы иҕны дааит, иҕны ашә даахытцит, ицсгы ааихытцит. Убриаҕара ахачхара, ахзырымгара рылан ацсуаа. Иахьагы урт рчыда қазшьақәа ируакуп уи.

Ахатара злоу ауаҕы изыхәан даара ицшзам хәа ицхьазан, ауаа дрылагыланы иҕаитцахьоу ахатарақәа дрылацәажәозар, уи акәым баша ихы дахцәажәозар, ихы ирцәозаргы цшзам хәа ирыпхьазон, ишырхәо еицш «Ахырцәара – ахырехәара иатәуп» хәа. Н. Г. Чернышевски иажәақәа рыла иаххәозар: «Кто не изучил человека в самом себе, никогда не достигнет глубокого знания людей» хәа. Ацсуа ихы дшахымцәажәоз еипштәҕьа ауаҕы иҕапхьа ирехәара, ицшзам, имтақьақьа-

роуп хәа ирыңхьазон. Ус кәзтқоз абас анизырхәозгы ықан. «Уғаңхьа узырехәази, ушьтахь узырһьази» – хәа.

Ахатца кәыш хәа ззырхәоз аға димазар, иара дахьгылаз иаға ддырһьар иузомызт, иара ихаҗагы иаға избахә дала-цәажәомызт, дагьикәмақаруамызт. Иағагы иаргы хацәан, ус еипш ацәажәара рһьыһьагы ланаркәуан. Ахатцара кәзтқаз, ишдыру еипш, ажәлар ашәа данырқон, аха иңсы штоу акәымкәа данңслакь акәын ибзарзы анырхәоз.

Аңсуаа дхатқаз дыңхәысыз, дара рғаңхьа рыхшара дырехәар руамызт. «Хәи, шәәкәыт цьоушьт, ани арыцха илдыруазеи», мамзаргы «ани ахәычыжә избахә ушпалацәажәо» – рхәон. Дара рхатқәагы иахабацәа рғаңхьа рхәычы дрыдыркыломызт, рыхшара рызбахәгы иалацәажәомызт ицәгьангы ибзиангы. Иалацәажәазгы ажәлар ччархәыс дышьтырхуан. Уара утәы уара думырехәан, даҗәазы дирехәааит» – рхәон аңсуаа.

Аңсуаа ласы-лассы ирхәалоит «Ауафы дызкәымшәо егыкәм, уи шихиго ауп аус злоу» – хәа. Аңсуараҗы арт ажәакәа ртқакы даара иғәғәоуп. Арт ажәакәа аңсуааи хылтцшьтрала ирзааигәоу ажәларкәеи рнафсан шамахамзар иупымлозар калап. Ирхәоит «ахатца иага ааха гәғәа аңсҗәзаара инаҗаргы хатқатқас ихигароуп» хәа. Илахьейкәра, иқәлацәа, ифьыцәа, иааикәыршаны икоу рҗагылазаашьа ианымңшуазароуп, ргәалакара бжьнамхуазароуп, рылахь еикәнамқозароуп.

Ажәлар ргәалашәараҗы еснагь иаанхеит, Аңынңтәылатә еибашьра Ду Афырхатца Владимир Харазиа данҗаха, иқытауаа абыргцәа рлабашьакәа аарықарсуа ишнеиз зҗа дҗахаз аб иархәаразы. Убасқан Владимир иаб игәы ахахә җашәазаргы, «Абааңс, ишәыхьзеи? Митә калама цкәынак дҗахазар, шәызгылоузеи шәылахь еикәқданы» – хәа. Нас дҗааит, «Иҗахашьоузеи?» – хәа. «Фырхатцарыла дҗахеит, уимырпхашьейт» – анырхәа. «Нас ишәыхьзеи, хьымзг имгарцоуп ахатца дзиуа!» – ихәейт игәы иалкьаз ахы иафьызаз ажәакәа хәачены.

Ихы шҗамфәигоз ичмазафны ишьҗаз ауафы?

Ажәйтәан ачымазаф афны дышьҗазар ибара инеиуан, уахынлагы иаанҗасуан, алаф рхәон игәы дырҗыхаразы. Еихаракгы ихәыз, ахәра змаз ихьаа хырҗары. Иаргы

сыкыуа, сгызуа ауаа сырбар хымызгуп хәа ихыаа ичхауан, насгы исыдтәалоу рылахь еикәнатоит хәа дазхәыцуан.

Икәыпшу иага ахәра гәгәа имазаргы, аихабы, ма иаб-хәараа рган иатәыз азәы даафналар, «Сшышьтоу сибоит» хәа ихыаа чханы даныфогылозгы ыкан.

Апсуаа рфы убас кәзшыа бзианы икан, иаххәап, ауафы дырхәит, аидысларафәоума, аиғацәа роума ишыкалалакгы, ифыз-цәа рнапы дықәтцаны дааштыхны дааргон. Афны данааргалак инаидтәаланы афарпын архәаны «Ахәра ашәа» бжыы тәала ирхәон, зны-зынла ачымазаф ихата ианрыцихәозгы ыкан. Убасала ихыаа ихаирштун. Ахәра иазкәаз, кәмафынцала абри аамтазы имырбазакәа ахы аналырхуазгы кәлалон.

Апсуаа рфы ацсра иакәшәаз рхымфәагшәа

Ацсра зыхыыз ртаацәа, ахәсақәа, ацсра аныкала иаразнак рызгы иахон, ихәхәон. Агәылацәа урт ргәеилашымтаз ишакәым рыецәырымдцырц азы рнапкәа ркуан, ускак аекарта рыртомызт.

«Ацсра аныкала, ацсы ахәса дыркәабоит, (дхатцазар ахәцәа) деилахәаны азал афы данкфартцалак, астал хәычы ргылан уи ишахәтоу иандырхиалак ашьтахь ауп ахәсақәа ахәхәара ианалаго» – ихәеит атцарауаф А. И. Цьопуа (2014 ш.).

Ауеи атынхеи ацсы рырхаразы ддәыкәыртцон ашәацхәаф. Ишдәихәтаз ашәацхәаф ихы мфәаггарц?

Зегь рапхәазагы, ашәацхәаф амфәа даныкәлоз иабцар имгыхны ианижыуан, игазомызт. Убри алагы амфәан ипылоз ирдыруан дышшәацхәафыз. Афеи ирхәмаруамызт, дшәышәуа, дкәынкәындуа амфәа дыкәмызт. Илахь еикәтцаны, ихы икәае дцон. Ипылозгы дара ацсшәа рхәаанза иара ихәазомызт. Ашәацхәаф амфәа дыкәнатцы днеираны дахыыказ акәымзар, дәәацәара дымфәахытцаумызт.

«Сара ацәгбарамфәа сыкәуп» – ихәон.

Амфәа дахыкәыыз азба дакызар, ма дахыцо ртызтып дазта-ауазар, дахынеиз ацшәама агәашә нтытцынтә изфытны дааигон, уантәи акәын иитәахыз ахыхәоз.

Ашәацхәаф иитәахыз еилкааны дандәыкәлозгы, – «Шәара шәашта абзиахәаф, ачарахәаф дталааит!» – хәа дрыкәныхәон.

Ашәацъхәаф дахънеишаз, аңсра ахыыкалаз зынза дыр-гәакъартазар, дышиашаз днеиуамызт, агылара аһнытә аиҳабацәа иреиҳәон «Ацәгыараз сааит, абнатәи аһнаҗахыы, шәсыцнеины сшәырееир стәхын» – хәа. Урт ицны инеиуан. Аһнаҗа ахатца даацъханы: «Дад, уаф дызқәымшәо егыыкам, арыцҳара йалеит, аха аҳәсақәа ирамхәакәа аңсра ахыыкалаз ргашыак хзыйацозар», – рхәон.

Ашәацъхәаф шәацъхәара дахънеиз аеы дышчыжәыз ашта дталомызт, агәашәынтыц дынчыжәтцны, иеы аеы ианкны агәашә дталон. Дахънеизгы «Мшыбзиа!» хәа реиҳәомызт. Убри алагы аҗаацәа иаразнак дырдыруан иааз дышшәацъхәафыз.

Ашәацъхәаф дахъааз аһнаҗа аңшәмацҳәыс дыхәхәарц лыхәтазар, лара дыхәхәонатцы иаахтыгәлаз тәазомызт игылан. Ашәацъхәафгы аңхәыс леиикәылкаанза дымцакәа уа дгылан, дагытәомызт. Аиҳабацәа, ихәхәоз иаалыдгыланы арыцҳарақәа икалақәахыоу еиқәырцҳызон: «Аңсабараеы абас иаңуп дад, ус йабымцан, имцсуа азәгы хәказам, уахь анцәа шәеицәимызра-аит», – рхәон.

Ашәацъхәаф дгыажьны дандәықәлозгы, аштаеы дчыжәломызт агәашә дтымцкәа, иеышыкылгы уафы ииркуамызт.

Ирхәоит ажәйтәан, ашәацъхәаф ишыапы хтны дчыжәлон, иафсуазгы ирдыруан ари дышшәацъхәафыз. (Ихәамтоуп А.И. Цыоуа.)

Арыцҳара гәгәа ахыыкалаз ашәацъхәаф крифомызт, аха быргзак, ма аһнаҗа иацәыхараз азәы дишәацъхәозтгы, насгы иара амәахарантә даазар, афатә изцәырыргон, акыргы ифон, аха ахаатә ифәахыгы инеигомызт, аңшәмацәагы изцәырыргомызт, афгы ижәуамызт.

Ашәацъхәаф, шәацъхәарантә даныгъажыуаз, иара иһнытәйагы дкыдымгылакәа, дышиашаз аңсраеы днеины, азәгы диламцәажәазакәа дықәлан дтәыуон феыц. Аңсзы ахәаразы дызқәылаз амәа ахы даеацъара ирхар йалом хәа ицҳызан. Иңсыз иңсзы ихатә ирхынхәны изааигон. (Ихәеит Кәымф Таһна. Цәкәашь ақ. 1982 ш.).

Ашәацъхәараеы абас йан, аха аңсра иақәшәаз рхы шҗамәапыргоз?

Аңсы дыркәабон, деилахәаны итыңае дықәырцаанза алабжыш иқәрыңсар йалазомызт. Акәыба дантарцалакгы,

акәыбаҕы алаҕырз тапсар калазомызт, нарцәы хаибабом хәа ирыпхьазон. (Нарцәы абаацкәа азиа алырхуеит, насгы ацсы алаҕырз икәзыпсаз данцслак абри азиа рыбжьаханы рҕыцъагы зеибабом хәа ирыпхьазон).

Ацсра аены, аены адаггы атцәуара ҕыла инеиуаз аҕы дшақәтәаз ашта дталазомызт – агәашә нтытц иҕеицхәон. Нас иара ашта агәта идыргылоз астал днадгыланы, ауапа ишәызар ишәыхны, иабцъар маҕәа, ихылца, ма ихтарца абҕакҕы инаи-иркуан, уи ахарцарта ирызгылаз инахаирцон. Астал дыргыло ианалага, астал инықәцаны иҕнапык рыла ихы даасуа иҕыне-ихоит. Астал ааигәа игылаз аҕарацәа «Абҕакцәа» хәа изышьтаз, ибҕазара имыргәҕәацәакәа иаакны дрыманы рҕынархон. Ацсы данааихагылалак, дгәакьазар ишьамхы аирсуан, игәы дтасу-ан, ицсыз дизгәакьамзар, дышгылоу ихы дасуа дцәыуон. Ацсы дахькәаз атыцаҕы, наҕ-ааҕ игылан ахәсақәа, абыргцәа акәы-ба ацсы ихахы, ишьапахы, мамзаргы ахахы дтәон ан, анду лыпсы ҕазар, ашьапахы абхәараа рган. Ахәсақәа рыхцәкәа аушьтны игылон (ахцәы аушьтра, ацсатараҕы ацсы ашәшьыра инаҕоит хәа агәаанагара рыман). Еиқәатцәала еилахәаны игы-лаз, ацсы ихагыланы итцәыуоз ирыкәшон, рнапы дыргьажуан «иухьша сара исыхьааит» аанарго, нас рхы иасуан рнапала. Идыргьажуаз рнапы хымцада иарыҕьазар акәын, арыҕьарала-гы акәын ишрыкәшоз. Ицсыз ипцхәыс акәшара даламызт.

Атцәуаҕ ацсы дихагыланы дантцәууалак, иҕынахан ацсы маҕәа зынны игылаз акаруаҕ аҕыгы ихы дасуан (уи аҕазшьацы-дара ззынханы иҕаз абжьуаа рҕны акәын). Анаҕсан аҕы ашәы ақәыршәны (ицсыз дхатцазар) иадгылаз иҕацәа, ма иашьцәа дрыдышшылон.

Цәыуара иааиз ирацәаҕызар, рацхьа гәыцҕык, еиҕабы-е-иҕабыла еицықәлон, рацхьа цәыуара иқәлазгы, ирыцны иааиз зеггы цәыуаны иқәтаанза дышшылара инеиуамызт, ирзыпцшын – дышшылара еицны инеир акәын.

Атцәууара ианеицықәлозгы, аиҕабацәеи аитцбацәеи еиц-ны иқәломызт. Ғыцъаны еицызаргы аиҕабы ацхьа дышьтны нас аитцбы ихала дтәыуон.

Аби аҕеи еицны цәыуара инеизар, урт еицықәланы итцәы-уамызт, хәарада аб ацхьа дишьтуан. Амахәи абхәеигы еи-

цықәломызт цәуяара. Амахә иабхәараа иреиуаз еихабыки иарей еикәшәазар дицқәланы дцәуяамызт. Амахә ианхәа ишәмхы арсны дитцәуяамызт, аха ихы дамыскәа игәы дтасыр акәын.

Уажәы мацк аеацсахзаргы, ацсрафы ататаын иахомызт ацсы иахатыр акнытә. Еибадыруз, ацсрафы ианеикәшәалак, «мшыбзиа» хәа еибырхәомызт, ацсшәа еибырхәомызт, ус баша «шәышпақақәоу» хәа имтцаауазар. Рыбжыы тгангы иччомызт.

Ицсыз дхатцазар, ицхәыс лыбжыы неитцыхны акәым, лылагы-рзқәагы ауаа ирцәылтцәахуан, даныржлакгы анышәынтрафы дыштцәуюз ауаа идлырбомызт.

Ан лхәыцы дихагыланы дылтцәуюмызт, абгыы убас (ахәыцы дыпшқазар).

Ацсы данахыргоз, акәыба ашта агәта икәыргылан «абзиа-раз» хәа аниархәоз аб днеины ацсы дааихагылон, аха инапы игәы икәишыуамызт ауаа иахыырбоз. Ацсы дандәықәыргалоз аштафы хынтә иргыланы ишьтырхуан. Ацсы икәыба штызхуаз иара ижәлантәқәа ракәын, ацацәа змаз ипацәа, измамыз иуе-ишьара, ианамуза иахәшьцәа рыхшара.

Ацхәыс дыпсызар, лхатца ицхәыс дитцәуомызт, ацабарафы ауаа идышшыларазы днагыла аагылон акәымзар.

Ацсра ахыйкалаз агәакыацәа иреиуаз, ма мацк днахараз-аргыы, ацхәыс ацсы днеихагыланы, лыбжыы нтганы, ацсы итоу-рыхгы дналацәажәо дылтцәуеит. Ари ахәара зеазызкуаз иаха еиқәканы ахәашьа здырузи, зыбжыы цқязи ракәын. Изыхәтаз зегы ирхәон, аха ицқа, иахәшьа ацсы итоурых иалацәажәо-мызт ус итцәуион акәымзар.

Ишдыруеицш, камчыла рхы иасуан: акабардақәа, ачеркьес-цәа, адыгацәа, ауацсаа рыпсы данырцәуиюз.

Ажәытәзан, ацсы данахыргоз, иарбан аамтазаалакгы ршьапы хтны акәыба иаццон. Ашьтахькәа ахәпха данцслак затцәык акәын ус аныкартоз. Хаамтазы уи ашыза цьаргыы иупылазом.

Ацсрафы (абыргцәа ирацәафны ирхәоит), ацсыжра ашьтахь ауаа акрыфара хәа иандыртәоз, атцәа дукәа ракәымкәа, иры-ман «ашыжәга» захьзыз атцәа хәыцқәа, убарт рыла акәын ашы зларжәуаз. Ацсрафы ашы иашьызгы псык иеицш дрыпхьазон,

убасгы изырхэон: «Ани аҕсы, дахыыҕаз шҕеизымдыри» – хэа изырхэон, ус зыхыыз иахыагы ус изырхэоит.

Аҕсраҕы аишэа иахатэаз рыбжыы ҕганы иеикҕеҕыртуамызт, рыбжыы рдуны ицэажэомызт иахыыҕаз дырны. Иҕсыз дрыу-азамзаргыы рыбжыы ҕганы азэггы дыччомызт.

Аҕсра зыхыыз аҕшэма, аҕсрахыы инеиуаз, игэы каимыжыы-ртэ иацэажэон: «Уара узыкэшэаз ухазырштүа Анцэа иуимыр-бааит». «Ари уакэшэеит, аха ахэҕэабжы ахыгаз ашэахэарабжы-гыы гарц иҕоуп, иахыа уаштаҕы ахэҕэабжы гоит, аха ашэахэабжы-гыы гааит» хэа. (Абри аҕазшыа чыда сзеитеихэеит Леуарса Хаҕыым, Ткэарчал аҕалакы.)

Иҕсыз иахы ирымаз агэбылра иадырганы, иҕсыз изгэакыаз ахэсакэа рыхцэы хтэаны анышэынтраҕы икнархауан. Ахацэа рҕаца аурыштыуан ашыкэс аишэамаҕэа ашытыхра аҕынза иа-мырхуамызт.

Аҕсракэа рҕы заанатц иалырхуан ҕыла иааиуа асасцэа ҕежэызхуаз аҕкэынцэа.

Урт агэашэынтытц акэын аецэа иахыырпылоз. Аҕсраҕы аеыуащ ихала дҕежэлон, дҕежэтуан.

Уажэааигэанза, уажэггы иахыыҕартаҕкэо ыҕоуп, ахатца дахыыҕсуа аҕсраены аеы кэадырны, аиҕэатцэа аҕэыршэны, акэыба ахахыы иҕсыз иҕацэа руазэҕ, аҕа димамзар иашыеитц-бы, иашыцэа ирыхшаз аҕкэын дадгылоуп.

Аеыбҕаҕаза дахыыҕсуаз, аҕсхэраан «Азар» рхэон, аеггы дыркэаруан.

Аҕсуаа рҕы иҕсыз ишыкэс антцы, данҕсыз аены иакэшэо-зар, иакэымшэозар, аҕсхэы ду ашытахы аҕсы данҕсыз ае-нытэҕкыа ауа, асаат жэааа аныҕалалак, аишэамаҕэа шытыр-хуан. Убаскан иршэыыз аиҕэатцэагы ааршэыхны ирбылуан ус хэауа, «Уатэтэи амш ахы умиасааит, уаха аиҕэатцэа хшэахтц анцэа иҕоумтцан» хэа.

Аишэамаҕэа ашытыхра иацын акэама-цамакэа. Зыҕсхэы ыҕоу дыпхэысзар, дааргон аҕхэысбырг, аҕсуаа рҕы «ацкыа» хэа ззырхэоз. Дхатцазар – ахатца. Ашыкэс ауа иааргон ара-сачын. Еишэантцаны ирымаз аишэамаҕэа ахыкэыыз инахагыла-ны, усгыы рхэон: «Уахарнахыс бхы (ухы) бақэуитуп, уақэуитуп, иаанбыжыуа, иаанужыуа афната цсыцкыала бахылаҕшла, уахы-

лацшла» хэа. Ашьтахь икэцданы ирымаз аишэаматэа аашьтыхны, изыкэнагоуп хэа ирыцхьазоз ирзыршон, ирышэцданы идырхаразы.

Аишэаматэа анышьтырхуаз ауха афатэ ҕыц идырхион, аены икартаз ацсхэрачыс акэымкэа. Ауаса ршыуан, аишэа дыргылон, ацэашыы адыркуан, ихыртэалон афы, азы. Нас афы, азы рыманы, ацэашыы кны агэашэ интыцны афы катэо, азы катэо ирхэон: «Ухы уакэуитуп, арахь ухьамцшын» хэа.

Иаахынхэны инатэаны крырфон-кыржэуан.

Хаамтазы иакэйтцкээзгыы ыкоуп, аха пытэык икартоит, ицсыз ицынхэра хэа азэы далырхуан. Ицсыз дырцабаразы иаушьтны ирымаз ахцэы хыртэон, иамырхуан ицсыз ицынхэрас икартаз. Уи нахысгыы еишьцэак, еихэшьцэак реипш еибабон, еиуацэахон, аибагарагыы рыбжэамызт.

Анышэынтра ажра ишаҕыз иаарыхтыгэлаз ауафы ахаангыы ацсшэа ихэомызт.

Агэыргэара-чаракэа рҕы ацсуаа рхымцацгашыа

Псроума, бзароума, ауаа ахьеизо ауафытэыфса ихымцацгашыа дацклацшуазароуп. Ауаа рацэа ахьеизо атыцкэа ируакуп ачаракэа.

Ацсуа чаракэа рызбахэ анаххэо, иумхэакэа узафсуам уажэы еитцхэаны ируа ачаракэа, ари жэытэ цасуп хэа. Ажэытэан ус акэзамызт ачаракэа шыруаз.

Сзыцэажэахыоу абыргцэа излархэо ала, ачаракэа рҕы ауафы дтэаны ацара еизиго ахаангыы икамлазацызт. Ауа-атынха ирымаз еилацсаны ачара змаз ацхыраара иртэозтгыы, уи дара ирылшоз цхырааран. Ачаракэагыы уажэеипш еитцхэаны ируамызт, афыжэга тэыцакэа хэа ацэа хэыцкэа ыкан. Урт иахыагыы «афыжэгакэа» хэа ирышьтоуп хбыргцэа. Афы мыцхэы ыжэны, иакэым ахэара хымызг дуун, ацсраҕы акэым ачараҕыы, иахыакэзаалакгыы. Ачараҕы аисра калашыа амамызт, ус азэы далагаргыы иаразнак дрылырцон. Аха уажэы хара хэзлацэажэо ачараҕы, агэыргэараҕы, ацаацэара алалара, ацаа лхымцацгашыа, амахэ ихымцацгашыа ауп.

Анкыа ус икан: сасра иааиз аца димазар, дахыааиз агара игароу ацха хэыцы дрымазар, ацаацэа друахарц итахызар,

агара иҗәкәон «абри ахәычы сычкәын дизхәазааит» хәагы нацитцон. Ас кәзтцон акала дрыуазар кәлазомызт: аазара, акы-кахш, ахәпхара, абзыцәәхәшьара, абзыцәәшьара ухәа, абарт реилагара кәломызт. Ан лгәыхәпыхш аилагара зегь реиха ибаапсыз хьымзгын, еилазгазгы амахагьа хәа дрыпхьазон. Апхәыс уи дылшәиртә ацәгьа кәитцазар, – «Сгәыхәпыхш уабла-аит» – лхәон. Апсуаа рҗы ирхәоит «Мацәазк азна агәыхәпыхш быжьгәыжк ирзышьтыуам» – хәа. Уи баша ихәазам...

Икәлалон ахәычы пшқа дызмаз аҗхәыс иаалыркьан җара цатәыс ианлыкәшәоз, илзааигәаз ахәычы пшқа дызмаз лхәычы длызныжьны данцоз. Дыззынлыжьыз акриҗалтцон, мамзаргыи зан дыпсыз ахәчы даҗа пхәыск агәыпхәы аниҗалтцоз. Уи нахыс уи ахәычы дылпәхон, длыпхәхон, убас дылзааигәахон. Абарткәа еилазгоз амахагьа ижәла ихырхуан, мамзаргыи ақыта далырцон, ашьразы дыршьуамызт «усгыи дыпсуп» хәа дрыпхьазон. Знык ақыта иалырцаз җаргыи днарышьтыуамызт, днеизаргыи дхәынгашьаны ихәапшуан.

Апхәысба арпыс дигәапхазар, длышьклатцааны, нас ауаа наишьтуан, урт лара, лтаацәа ирацәәжәон, иеикәшахәтхар, арпыс иааишьтыз ажәйтәзан аҗәа кадыршәуан, ашьтахкәа ахы каршәны ицон. Уи иаанагозгыи, уи нахыс апхәысба дхәаны дтәан, даҗазы дигар кәломызт. Аҗәархәрагыи хьымзг дуун, ашьа кәтәар кәлон (убри азакәын ахы зкадыршәуазгыи).

Атаца лаагара аан амахә атацаагацәа дрыламызт, аха ааигәа иҗыцәа иманы дыкән, шәартарак кәлар хәа. Иеицыз атацаагацәа кәрала иреихабыз, еихабыс далырхуан. Атацаагацәа апхәысба лгәашә ианазааигәахалак, атаца лтаацәа агәашә адыркуан, имхыскәа ашта итарыжьломызт.

Атацаагацәа акрыҗара иандыртәалакгыи, шака аамта ирзаанкыло иашьталон лыуацәа, – «Хәпхә лцара хәхыццәкуашәа икәлоит» – хәа ипхьазаны.

Атацаагацәа аҗы рәадыршьуамызт, апсуаа ишырхәо еипш: «Аҗы – мгәала акәзам, ламыслоуп ишыржәуа» – хәа, ипхәшьара дуун аҗыжәны, рхы иамыхәо, атаца ддәыкәыргалар.

Ачарахь иааиз атаца даазгаз атаацәа ирыдныхәалауа ус рхәон: «Тәца мыш даажәгааит», «Шәапымшыла шәыҗнаҗа дыҗнаагалааит», «Дышәҗыкхәаит».

Ачарафы, аҫаца даныџнарғало џыџа арҫарҫаа наҕ-а аҕ игылары аҕамаҕаа еиџарҫоит, аҫаца убра дыбжыысны дыџналоит. Уи иаанагозгы аҫаҕа-мыҫаҕа даҫаырхьчон. Ыо-укгы абыргҫаа ирхәалоит, анкы аџнышышқаа анрызгылаз, ашәхымс еиҳаракын, убраҕа ишьтартҫон ахәымсағ, аҫаца убри дахымскәа иааштҫыхны икыдыргылары дыџналар даара згы еилгоу азә лоуп хәа ирыҕхьазон.

Аҫаца даныџнарғалоз лнапала ашызи ахәызи лкадырҫсон абараҕытра лыцзаарҫ. Иара убасгы ачашә лхаҕны (лхы иақәдырҫеызшәы ҕаҫаны) иҫены иршәны ажәлар игылаз ирыларҫон, урҫ амҫасны иркуан. Аҫаца даныџнарғалалак, аҕәардә аағаны иргылары дыртәаны аҕкәын хәыҫы лшьамхы дықәдыртәон. Уи иаанагоз ахатҫарҫы длыхшаразы хәа акәын.

Аҫаца хаха-хымш дгылазаргы аиҳабаҫаа рҫы дтәомызт. Лабхәеи лабхәында еиҳаби драҫәажәомызт. Лхатҫеи лареи еицҫәыртҫуамызт кыраамҫа. Лара аџны дшыџназ, уаҕа лара лыда аҫааҫа ыҕазтҫы, лхатҫа аџны дыџналарҫа дааиуазар, днеимхәа-ааимхәаны адырра лиҫон иара дшыџналоз, лара лҫыпхалкырҫ, аџыҫагы еицырбар ҕаломызт, нас лара дын-дәылҫуан.

Аҫаца аиҳабаҫаа ианырбоз лхәыҫы акриҕалҫомызт, ларгы аҫааҫа дрыдтәаланы акрылҫомызт. Аҫаца лабхәа дзықәтәоз аҕәардә ду, иара даныҕамызгы дықәтәмызт. Аҫаца аҫааҫа штәаз ддәылҫуазар, шытахыла-шытахыла ашәхымс дхыҫуан, лышьтахь егыртҫ иреимырхакәа.

Аҫаца ашәхымс данахысуаз днықәгылары дахысырҫхашьаран.

Ачарафы, шамахамзар, ахаҫәеи ахәсеи еиладыртәмызт, хаз-хазы идыртәон.

Атәара ҕалаанза, аҕар еилагылары ишәахәон, икәашон, алаф еилырхуан.

Ажәйтәза убас ианыҕазгы ыҕан, арҫыс аҫхәызба дигәаҫхазар, ихтарҫа ааихыхны иналҕәыдиршәлон, лара дылҕәамҫхазар ихтарҫа лыргьежыуан. Абри аџыза аныҕаз аамҫазы ахтарҫа иахырҕканы аҕәынеибархарақәа аныҕалоз ыҕан, уимоу даара иҕәҕәаны аҫызшәа аналҫуазгы ыҕан. Иҕалохыоу ажәабжк аҕы абас ахәоит:

«Дыкан даара ацшра бзиа змаз Аргэынха пцхэызбак. Чарак афы дигэапцхеит цкэынак, акэашара иахьяфэыз ихтарца ааихыхны илгэйдитцеит, лара иааштылхын амца ахьеицкэыз инакэлыжыит. Ажэйтэан ачаракэа руан уахынла, ана-ара амфымца еицкэырцон, алашарагы днарбон, апцхарагы рнатон. Ари апцхэызба амца иақэлыжыыз ахтарца зтэыз Ануан, уи даара ихымзгишьеит. Ауаа кэышкэа рыбжьякэзеит, хэарада арпыс атыпца длысуамызт, аха атызшэа ду алцыр ауан.

Ускан арпыс иеааицкэикын, аха уи амчыбжь иалагзаны апцхэызба даамтарсны дигеит. Еицах ауаа нарыбжьялан ирулак иааиндыршэеит». (Ари ажэабжь сеицхэеит Хэйт Сааткьери-ица Аргэын, 1970 ш.).

Ачарафэ ахьзыртэракэа рацэазаны, азэ иатцкыс азэ хшыфла деитамхаразы, еисаны ашэа еицырхэон. Цьюукгы иаацэырыргон: «Уан лцаца дзеипцшроу уасхэап...» хэа.

Ачарафэ аишэа ианахадыртэоз, еицхэбы-еицбыла иахадыртэон, насгы иаха исас дуу хэа атып рзалхны идыртэон. Урт ирыкэнагахашаз апшэмацэа рыддыртэалон.

Ачарафэ аишэа дахагыланы афы рызтазтэоз, афы знахауаз, иара дтэаргы каломызт атацынгы дахомызт, изыжэуаз дырхылапцуан.

Ачарафэ амацэ даарыпцхэазар, иара ицны иааиз ашца ицалон, аха амацэ ифыза гэакыа дицны агэашэнтыц дгылан кырамца, ачарафэ зегы аишэа ианахатэалак акэын иареи ифызцэеи агэашэ ианталоз. Хазы атып изалхны иахыкэз днаргон, аха ашыацафэ ацамада далырхаанза дтэар каломызт. Амацэ ихы-ицы хтырцала ицахэцэан. Ашоура аныкэз аамца акэзаргы ауапа ишэызар акэын.

Амацэ дахэаарышьтуаз ачарафэ, апшэмацэа ирыдныхэалон: «Ауафы дшэыцлеит, шэеигымхааит» хэа.

Ачареишэафэ цамадас иалырхуаз, ацэажэашья даара икэышны издыруаз, иацаххар алафхэашьягы здыруаз ракэын. Ацамада иажэа цшзахарц азы зны-зынла аныцхэаца иааникылоз абас еицш ианхиркэшоз ыкан:

Шэарт изырфуа, абзиара шэзыкалааит!
Ари кэы-цыкэы ифызхыз,

Иалыркэыр илазышьтыз,
Ихэахэа-чахэа итазтэаз,
Ипдхеи-дхеиуа итызгаз,
Изымжэуа рылпдха шэыманы,
Изымжэуа рырахэ шэыманы,
Анцэа шэкаитцааит!
Сара шэысныхэоит хадала,
Иеибадырбо нацэала,
Дшэылмиааит ачала,
Ишэуулааит ачара!

Ачаракэа рфэы атаца лфызцэа асасцэа еицны ианааиуаз, рапдхэа апсшэа иархэон қарала еихабыз.

Ачаракэа рфэы ардызбеи апдхэызбеи алаф еилырхуан, иччон, икэашон, ишэахэон, аха алаф анырхэоз, егырт ирзызырфуаз рзы еибырхэоз мазахаразы абызшэа ырхэанчаны ирхэон. Абас анырхэоз ыкан: «Бафарафа, сафарафа, базаифа бафыз бафотит...» ухэа. (Ашьтахэ ишнеи-неиуаз, ари абызшэа агычра акэылара аан рхы иадырхэо иалагеит.) Абасгы лафны ирхэалоит, еигэылацэа агычцэа рыхэсақэа, ишеицэажэаз атэы: «Агэылапдхэыс лара лхатцеи, зыкны дааиз лхатцеи гычра ицаны цэык аарган, ахэда злапырқоз ахэызба рымамызт азы, ахэызба лгаразы дахэааиз, асас дыкан, иаартны илызхэомызт азы абас ирмаананы илхэеит: Бдынеи сдынеи, дынара ицан, дынак аарган, илардыноз адына рымамызт, дынак азы сааит» хэа».

Ачарафэы исас хадаз ихэда иахишыуаз ампахышыы хганк аман, агэда тапдканы иказ ихы нкылганы, ампахышыы ганк игэышпдфэы икнахэон, егырт афганк идтэалаз ршьамхы икэитцон. Уи алагы ачарафэы иказ рызегы деицгэартон асас хада дарбаныз, рызегы рэазыркуан уи ишахэтоу пату икэтцара. Асас егы гха ихыыргы дсаснацы, иахатыр рбон, рэааныркылон иепныркыломызт. Асас данцозгы ахамта иртон.

Сазаатгылоит иара убас аеықэтэара атемагыы.

Дышцеилахэаз аеыуаф?

Аеыбгаказа ихы хтны, апсуа матэа ишэымкэа аеырхэмарра иеалеимырхэыр акэын. Ихэмаруа ахтарца еиларшэны ихазароуп, ма ахылдарч ихазароуп. Уи адагы ахтарца иаха

ибыргу ихәтоуп, ахылҗарч – зыуабыбжара инеихью. Абз змоу ахылҗеи, зшыапы җбауу аиқәеи аеыуаф ихәтам.

Аҗсыуала аеы зырхәмаруа иағәра ахыку инаптыҗ имҗ-сахроуп. Икәымжәы аган икәадыррҗта дахыақәтәоу иатҗатаны имоу иҗтамшәароуп. Ихылҗарч ихымшәароуп, ихшәаргы уи дашыҗамлароуп.

Аеыуаф сасырҗаны дыҗканы данеыжәло аеы ахы афнахыы ирханы дфыжәлоит, асасдыклара еилеигом.

Асасдыклара ақьабз, ишдыру еипш, ажәйтәза аахыс зҗашә зхаз қьабзуп. Асасдыклара ақьабз еиуеипшымкәа акәзаргы, адунеи иқәу ажәларқәа зегыы ирымоуп. Аҗсуаа рҗкны асасдыклара, ус қьабзуп хәа узалацәажәом, уи җҗара дууп, убас иҗшьоу җҗароуп, уи аилагара рыцхара дуны иҗхьазан, еилазгазгы псык еипш дрыҗхьазон. «При встрече гостей мужчины рук не подают и шапок не снимают, а поднимают вверх руку, складывая три пальца – большой, указательный и средний, и произносят обычный привет» – хәа ифәуеит К. Маҗавариани (Маҗавариани. 1884. 50).

Ааи, аҗсуа игәра асас данааҗалалак, иаарццакны иҗылоит, дфыжәзар, ахышәтхәа иағәреи иеышыкыли аанкыланы да-аеыжәырхуеит. Аҗшәмацәа иреитҗбу иоуп ус җазҗо.

Асас иеаарееишәа акәымжәы ишәызар, акалҗқәа днарыха аары-хоит, цәҗарак азы дмааизар; Уаа мшбзиакәа! – ихәоит. Уа бзиа убейт, бзиала уаабейт! – рхәоит раҗхьа аҗшәмацәа рҗкнытә еихәбу, нас егы-рҗ аҗсшәа еибырхәоит.

Аҗсуа жәлар рфольклор аеы иахҗылоит ажәабжы бзиак: «Иеиҗацәаз фыҗыа амфәан иааиҗахан еибарҗсит. Иааигәныфыз аҗсҗәа аашыҗырхын, аиҗацәа рахытә иаха иааигәаны инхоз ифныҗка иргеит ашыҗыагы. Аҗшәмаҗхәыс аҗсҗәа данаарылаҗш, лхатҗа дыфнагаланы ацәарҗағәы дшықәыз, иаҗа адәахыы дшышьҗаз лбейт. Арҗарҗәа даарыҗхьан: «Хәи, ижәуазеи ура! Ари дхәҗоуп, аха уажәы дсасуп, уажәыҗҗәкьа даафнагаланы асас иахыхәҗоу дықәшәҗа» – лхәейт. Убас иагыҗарҗейт.

Анкьаза, дарбанызаалак иашҗафәы инаскьаганы асасааирҗта иргылон, уи ааигәарагы аехарҗарҗта җарҗон.

Аехарҗарҗазы ирхәоит, жәйтәан, җауади-аамыстәи рыфнқәа рҗкны, ажәла дуқәа рыехарҗарҗта иаха афны иазааигәаны иҗарҗон, анхацәа рзы агәашә азааигәара хәа.

Асасаирта аоны анаосангы, ацсуаа ргэараанда адэахьала атэарта карцон, арахь ашта итамло амфасоы ицсы ахьейтеикша хэа. Асас ихаҭа имхэозар хаха-хымш, мчыбжьык дыказаргы иазцаазомызт «уабантэиаауеи, уаазгазеи?» хэа. Асас ашта данааталалак, иахьагы иазцаазом «Уаазгазеи?» хэа. Иаразнак «Афныка уааи» хэа ауп ишиархэо.

Икан ахацэа бзиақэа цьара сасра ианцоз, мацк инамцхэны зыфны акрыфаны ицоз, дахьнеиуа иаха аеынкылара иоуразы. Иахьатэи абыргцэа излархэо ала, ажэытэза зны асас крыфаны даналгалак, акрызлеифаз имхатэума ичанахума иаархэны иқэйтцон хэа. Уи иаанагозгы «сызхара ыкоуп уаха сҭахым» хэа акэын. Уажэы ус цьаргы иуцылазом.

Асас сасра дахьнеиз, иагоу азэы дыказар, дилацэажэомызт, дахьнеиз афнаҭа ахаҭыр афнытэ, насгы дахьысасыз афнытэ. Асас знык ачеицыка ахьифаз афнаҭа, ахаангы махагыара азиуамызт. Цьара уафы хэымгак ари аказшьа бзиа еилеигар, ишырхэо еипш, «ажэлар лахь ирҭон» иқэнага дақэдыршэон.

Даара ихараз, ма уаха афнаҭахьы имааицыз асас, данцоз ахамҭа анирҭоз, асас рацхьа мап икуан, аха ахамҭа ааныжьны ацара цхашьаран, ицхашьароуп, иатэеимшьазшэа иқалоит. Асас дызтааз афнаҭафы маҭэарк игэацхар далацэажэомызт, избанзар, идыруан асас игэацхаз хамҭас ирҭар шакэыз.

Апшэмара иазыразны ицоз асас данеыжэлоз, аеы ахы ашта аганахь ирханы дэеыжэлон, аеы ашьҭахь афны иамеирхаразы.

Абра еиқэахацхьазаз ацсуаа рхымфэацгашьа ачыдарақэа, хыхь-хыхьла акэзаргы ишрыхцэажэоу, урҭ зегы хаз-хазы инарцауланы атцаара зҭаху зцаара дууп.

АЛИТЕРАТУРА

1. Мачавариани К. Некоторые черты из жизни абхазов. Вып. IV, 1884. С. 50.

ИЦЬОУШЬАША АХЬЫЗҚӘЕИ АЖЭЛАҚӘЕИ

А

Аргэйн Солдаҕ
Аргэйн Команда
Аргэйн Зала
Аргэйн Духь
Аргэйн Кэыкэла
Аргэйн Цыс
Аргэйн Пиво
Аргэйн Султан
Аргэйн Таифун
Аргэйн Абас
Аргэйн Молото
Аргэйн Шэамахь
Аргэйн Адриан
Аргэйн Аңу
Ағызба Хоккеи
Ағзба Дефицит
Адлеиба Ерцахэ
Адлеиба Галуша
Адлеиба Хэаң
Адлеиба Дукь
Адлеиба Командир
Адлеиба Мачкэыкэ
Аршба Зала
Аршба Страх
Аршба Дырка
Аршба Мерка
Аршба Қоқо
Аршба Врангель
Аршба Электричка
Аршба Напо
Аршба Сыкэын
Арстаа Шэуақьер
Аршба Низфа
Арзынба Ручис

Аршба Хәйхәын
Акаба Дагәа
Ашардан Хәыра
Ашәба Мич
Ашәба Кәкәу
Ашәба Герои
Ашәба Адлер
Ашәба Наполеон
Ашәба Иапониа
Ашәба Кәыча
Ашәба Тыта
Ашәба Кәыча
Ашәба Албед
Ашәба Кәымпыл
Ашәба Кокон
Ашәба Мыч
Ашәба Сервет
Абыхәба Фраҗ
Агрба Шорена
Агрба Алхаз
Агрба Макиа
Ажыба Сум
Ақаҗба Зиуфер
Ақаҗба Селахаддин
Акаба Дагәа
Ахәба Сервет
Аншба Долорес
Анчабазе Ғарбаи
Амаба Гәуч
Азынба Ткәычи
Амчба Хьерсон
Анқәаб Адлер
Ажыба Азур
Аиба Гәагә
Аиба Гәысар
Ажыба Хамсада
Ажыба Цьонсон

Ажыба Дудлан
Ажыба Самардиа
Ачба Ад
Армазан Зураб Мустафа-ица (аңсуа)
Аәзба Теб
Аиба Гындыжә
Аиба Уанашә
Ахәба Бағьоз
Ахәба Ушьна
Арцьениа Чапа

Б

Багацшь Рашәтан Бганба Бабочка
Бганба Капыта
Бачаа Летчик
Бочаа Квака
Барцыц Дача
Багаҗелиа Кәыкәа
Багаҗелиа Дарсун
Бигәаа Чичурбеи
Бигәаа Дес
Берлаа Аврамит
Берлаа Шаруи
Барцыц Чыхәна
Бигәаа Парка
Бигәаа Титу
Барчан Бабуш
Бигәаа Хына
Бигәаа Барбан
Бениа Зыкә
Барганцьиа Кәыта
Бжаниа Кыта
Букба Нато
Барцыц Сакәыт
Брум Джамал (аңсуа)
Бигәаа Барбал
Бжаниа Кына

Барганџыиа Кэыта
Багателиа Зикта

В

Воуба Тыгә
Воуцҗа Сарсел

Г

Габлиа Колко
Габлиа Сирвард
Гамгиа Қәашь
Гыцба Кэытка
Гусеинов Хаза (ацсуа)
Гусеинов Тыгә
Гогиа Тита
Гогиа Фата
Ғэынџыиа Какашья
Ғэынџыиа Девочка
Гәубаз Фыҗа
Ғэынџыиа Спартак
Ғәарзалиа Гәэзон
Гырџыыр Ида (ацсуа)
Габлиа Игнатов
Гоҗиа Кәата
Гамсониа Масса
Гожиа Кәат
Габлиа Надежда
Гогиа Цара
Габелиа Кака
Гиҗьба Саха
Габниа Арифа
Габниа Дифа
Габниа Цикор
Герџынба Олиа Шаликәа ицҗа (ацсуа)
Ғэынџыиа Спартак
Ғәарзалиа Гәэзон
Габелиа Даиса
Гәубаз Хич

Д

Дасаниа Чач
Дгьебиа Ноза
Дасаниа Мага
Дарсалиа Вета
Дбар Табак
Дгьебиа Вокзал
Дарсалиа Чашья
Дочиа Кэакэа
Делба Ратин
Делба Лакшак
Дукакис Лаврент (ацсуа)

З

Зыхэба Езух
Званба Детка
Зыхэба Итка
Захариан Леон (ацсуа)

Е

Ерынба Сасран
Еник Бурдух
Ермолов Алықьса (ацсуа)

К

Кэасиа Ата
Кокба Борис
Кобахиа Алч
Кэыцниа Ипиж
Кэтарба Кэыжь
Колбаиа Чич
Кэасиа Таир
Кэарциа Чина
Кэыркэнаа Кэыча
Қаачахья Татевос
Кэыцниа Мамка
Кьырвал Цьеиран

Кәйтцниа Цыгә
Кәйтцниа Тыкә
Караз-оглы Ольга (аңсуа)
Қышьмариа Зиновии
Какоба Каман
Кархалаа Пак
Каарес Лиудмила (аңсуа)
Җаитанба Ком
Җаитанба Пила
Кәакәасқыр Топка
Камкиа Милорд
Кацба Липа
Кәарчиа Саната
Кәыпалба Гисх
Кәарчиа Чыка
Кәйтцниа Моча
Кәйтцниа Гери
Кәйтцниа Танк
Кәыркәнаа Торт
Қәтелиа Каиа
Кобахиа Каблук
Кәйтцниаңа Насыгда
Киут Жиулен (аңхәыс)
Кырвал Кинтреи
Кырвал Цьеиран
Кокоскьериа Дич
Кәасиа Таир

Л

Лакоба Рагәа
Ломиа Винаид
Ломиа Парк
Лакербаи Миллиард
Логәуа Папа
Лагәлаа Писа
Леиба День
Леиба Комунна

Леиба Уда
Логәуа Омиана
Лабжьаниа Зинаб
Латариа Ноча
Логәуа Евстаф

М

Мшьелиа Дика
Мшьелиа Цац
Маршьаниа Рапа
Миквабиа Ломан
Маршьан Кәәцъду
Маршьан Кәәцхәыц
Минцъиа Рамка
Мархолиа Мисор
Миқаа Козоз
Малиа Романиа
Миквабиа Цыгъа
Мырцхәлаа Ииул
Маланзиа Шәакәа
Матуа Лалашар
Миквабиа Кәата
Маршьаниа Узбек
Миқаа Ин
Малиа Гат

Н

Нарманиа Микаела
Нанба Кәырта

О

Осиа Снатиа
Орчугәба Чыф
Отырба Казак
Отырба Раинди

Х

Хэарцкьиа Хымс
Хашба Маиор
Хагба Тькәә
Хэарцкиа Старбер
Харчлаа Тон
Хибаиа Бела
Харчлаа Камидат
Ханагәуа Мегона
Халбад Аилым
Ханагәуа Аилым
Хагба Миназ
Хэарцкиа Нуфли
Хазиреши Оқтаи (аңсуа)
Ханагәуа Ауд
Хьециа Негәыр
Хьециа Кьигәыц
Хахәбиа Мут
Хасаиа Христофор
Харчлаа Патыхә
Хьециа Кьегәыт
Харчлаа Быць
Харчлаа Точиа
Харчлаа Мисор
Хашба Морец
Хиба Рост
Хашар-оглы Назира (аңсуа)
Халбад Тигрина
Хашба Гәгәә

С

Сангәылиа Кьиара
Сангәылиа Кафара
Сангәылиа Ардасии
Сангәылиа Цьигор
Сагәылиа Узбаш
Сангәылиа Гәыгәышь

Сабекиа Зарш
Сақаниа Шату
Сақаниа Ығало
Санғәйлиа Манух

П

Пачулиа Ночь
Пқыын Золотинск
Пачулиа Ханза (она)
Паразиа Мега
Пачлиа Ығаруа
Памба Альбер (Бағым)

Шь

Шьакаиа Иалта
Шьаданиа Бабила
Шьаданиа Пупка
Шакербаи Бымба
Шьакаиа Бебо
Шьакаиа Кәурита
Шапковскийи Ыыц (ацсуа)
Шәырдылаа Чир
Шәындылаа Кәата
Шьакаиа Зами
Шамба Нурад
Шәлымба Дона
Шамба Чырпа
Шьынқәба Соуфыць
Шьакаиа Кәаб

Ц

Цикутаниа Франция
Цикутаниа Махран
Цәышба Час
Цәыцьба Катата
Цәыцьба Бабикон
Цәыцьба Кәыти

Цузба Ида (аңсуа)
Цымцба Ардания
Цкәуа Фикалия

Т

Туманов Маска
Тыжәба Пончик
Тыжәба Киркала
Тапагәуа Таз
Тапагәуа Бемби
Тәанба Кәынчыл
Торчуа Ревком
Трацшь Бас
Торчуа Импа
Торчуа Рафком
Тарккыл Иаҗма
Тарба Урыс
Тарба Хамажыыр
Тапагәуа Багир
Торчуа Миш
Тыжәба Цъанс
Тарба Цакәыт
Таниа Чир
Тарба Анеза
Тарба Сума
Тарба Чучули
Тарба Цъысын
Тарба Туцьбе Аилым-иҗа
Трацшь Пиона
Тарба Тыгә
Тарба Еврик

Ч

Чхынцъериа Бычок
Чагәаа Мама (ахатца)
Чагәаа Лиубчка
Черкъезиа Мды

Чухәуа Фут
Чхьетиа Машьука
Чкадуа Ципа
Чачаа Лиучиза
Чачхалиа Зизигәыр
Чичба Таз
Черкъезиа Альмер
Чукбар Шач
Чақмақ Вилли

Ць

Цьынцьал Кьынтреи
Цьениа Мытхәа
Цьынцьал Чыҕс
Цьопуа Ииу
Цьопуа Мука
Цьалаҕониа Пука
Цьынцьолиа Кәурица
Цьынцьал Какои
Цьениа Коммуна
Цьениа Зеркана
Цьынцьал Кәата
Цьопуа Кәыкәын
Цьынцьал Фемос
Цьынцьал Кәыт
Цьыкырба Мача
Цьыкырба Торик

И

Иазычба Гаидар
Иванченко Ҙенгыз (аҕсуа)

З

Зизариа Динари

НОВАЯ КОЛЛЕКЦИЯ ИЗ СИРИИ В ФОНДАХ АБХАЗСКОГО МУЗЕЯ

Абхазское народное художественное ткачество можно назвать золототкачеством. Абхазки издревле славились мастерством рукоделия. Мастера вышивки и ткацкого ремесла пользовались особым уважением и почетом. Умелые мастерицы были известны по всей Абхазии. Про таких говорили: «Умеет рисовать птицу на лету». Этнограф Е.М. Шиллинг, побывавший в Гудаутской Абхазии в 1925 г., писал: «Когда вы войдете в первую комнату, вас паразит, прежде всего, белизна этого интерьера – буквально все стены снизу доверху увешены белыми льняными или хлопчатобумажными орнаментированными тканями – полотенцами, полосками, завесами...».

Среди многих видов абхазского народного творчества особое значимое место занимает вышивка. Элементы вышивки являются украшением к одежде, частью головного убора, плетения галунов, вышивки на подушках, на завесах. Вышивка выполнялась натуральными шелковыми золотыми и серебряными нитями. Для вышивания также использовали дмотканую шерстяную ткань, хлопчатобумажную ткань, бархат, позже под основу стали использовать фабричную материю. Дмотканые ткани выкрашивали натуральными естественными красками, которые изготавливали из разных растений. Основа краски могла быть красной, зеленой, синей, все плотно покрывали вышивкой.

В фондах Абхазского государственного музея представлены уникальные коллекции абхазской вышивки. Это шерстяные ковры и паласы, льняные и хлопчатобумажные настенники, завесы, уникальные в мире и больше нигде не встречающиеся виды трехконечных, четырехконечных, восьмиконечных полотенец, украшенных самобытным национальным орнаментом.

Недавно фонды Абгосмузея пополнились новой коллекцией. Это постельный комплект, куда входит подзор, две на-

волочки, накидка на подушку. Работа выполнена мастерицей по фамилии Арютаа в селе Аацы Гудаутского района. В XIX в. во время выселения махаджиров комплект был вывезен в Турцию.

В 2008 году потомками абхазских махаджиров из Сирии Маршаном Нобиль и его супругой Басек Хелие тот самый комплект был передан Абхазскому государственному музею.

1. Купон (подзор) из бархатной материи темно-синего цвета. Размер 2м.72смх58см. Аппликация в вид однорядных треугольников, между ними расположены цветы из трех лепестков, на треугольники насажены две древовидные фигуры. Вдоль средней части проходят пять зооморфных знаков, и, в верхней части, семь круглых изображений в виде монет. Весь узор выполнен серебряным шитьем.

Рис. 1. АБМ-4292/1

2. Накидка на подушку из бархатной материи, темно-фиолетового цвета. Размер 85смх53см. Средняя часть накидки украшена яркой фигурой птицы удода с двумя птенчиками. Вся остальная площадь вокруг птицы заполнена растительным орнаментом. Накидка окаймлена галуном ручной работой. Все изображения и узор выполнены шитьем золотными нитями.

3. Наволочка, из бархатной материи, темно-синего цвета. Размер 85смх53см с хлопчатобумажными нашивками по бокам. Аппликация в виде растительного орнамента вокруг ромба, заполняющего центральную часть. По углам наволочки расположены четыре цветка тюльпана. Весь узор выполнен шитьем серебряными нитями.

4. Наволочка из бархатной материи, темно-синего цвета. Размер 85смх53см, с хлопчатобумажными нашивками по бо-

Рис. 2. АБМ-4292/2.

Рис. 3. АБМ-4292/3.

Рис.4. АБМ-4292/4.

кам. Средняя часть заполнена растительным орнаментом. По углам четыре пятиконечные звездочки. Весь узор выполнен серебряным шитьем.

АЦСУАА РНЫХЭАРАҚӘА

И. В. ШАМҒҶА

АХӘСА РКӘЫРБАН

Ацсуаа рғы аныхәарақәа даара ирацәоуп. Урт зеггы цакык-цакык рымоуп. Убарт рахьтә йкоуп ахәса имѡапыр-го аныхәарақәа. Убарт иреиуоуп: ахәычы цшқа (асаби) изку аныхәара, аҗаца илызку аныхәара, Анана-Ғәында илызку аныхәара, Зиуау илызку аныхәара, Кәыкәын илзку аныхәара, Цьацья илызку аныхәара уб. егы.

Иахья сыззаатгыло аныхәара иахьзуп «Ахәса ркәырбан».

Мгәызырхәа ақыҗаҗы ари аныхәара мѡапыргоижьҗеи даара акраатцуеит. Аныхәара аамҗас иазыццәоуп ацхын-мза, мшыс иазалхуп ахәаша. Мызкы ахи аҗыхәеи рыла ари аныхәара ақыҗа зеггы ирылсуеит.

Ажәлар цуҗа-цуҗала рыҗешаны 10–15 җыла иныхәоит. Аныхәара мѡапҗазар ауеит ѡнаҗацыцхьязагы. Ахәса аныхәара заа реаздырхиоит. Еицхырааны иаархәоит иахәҗоу аҗатә зладырхиаша ачыс марҗхәқәа: ачашыла, ашә, абрынць, аха-а-мыхаақәаа хәыцқәа рзы иҗ.

Асахья 1

Аныхэаразы иалхуп ахэы ҳаракы, алада ухыпшылоит амшын иатдэа, аҗада уаҗапшуеит ашыха ҳаракыра. Араҗа уташышыы уахынеиуа расароуп. Иара убас, аныхэаразы иалыруа атып аҗы араса адаггы, иазхауазар бзиоуп хэа ипхьазоуп ахьаца, ашыц уб. егы.

Ахэса шыжьнатцы аныхэарта атып ахь инеиуеит. Аҗнынтэ инаргоит: ахартэы, ацха, ашэаза. Атып акэша-мыкэша дрыцкьоит, нас ачыс аҗатцарахь ииасуеит.

Акэырбан аены ашыа каутэар калазом, иара убас арахь иааргазом арыжэтэ цьбараггы.

Заа амажэа кэаханы акэакэари, ахэажэқэеи, ачахаржэи картцоит. Нас аишэахь инаргоит ацха, ацхазоа, ахартэы, ахартэызоа, ахаа-мыхаақэа. Абрынць ақашь алырхуеит, аилаць руеит. Афатэ кэзцо аҗацацэеи атыпҗацэеи роуп, зықэрахь инеихьоу ахэсақэа рнапхгарала. Ахэыкэцара иахьынзаҗу ахэсеи ахэыцкэеи еизоит, аамтаггы (асаат 4–5 шыкоу) шыбышытыахька инеиуеит.

Уажэшыта иаамтоуп аныхэарахь аиасра. Еизаз ахэса иреихабу (апхэыс цкьа, ахатца дызхагылам) ажэлар днарылтны,

Асахьа 2

Асахъ 3

мрагыларахъ лхы нарханы днагылоит. Егъырѣ зегъы хэыѣ-
ггы-дугъы неикэагылоит, зегъы зырѣуеит, ѣытбжыы уаѣауам.

Аѣхэыс лкасы шкэакэа аалхыхны лыжэѣахыр иныѣэлы-
ршэуеит, ажэѣан ахъ лнапкэа ѣарханы аныѣэара дналагоит:

О, АнѣэаДу!

Уллѣха ѣаѣ, угэаѣха ѣаѣ!

Абзиараз уаѣхылаѣш!

Иахъа ѣуашъапкуеит,

Хэыѣи-дуи ѣаитѣагыланы ѣуѣэоит!

Аамѣа бзиа хъыѣаѣа,

Иаѣфо ѣаманы, иаажэуа ѣаманы,

ѣаѣны-ѣадэны ѣшзаны иѣалааит!

ѣуѣэоит, ѣ-Аѣсны ѣхастамхарѣ,

АѣсуааиАѣсни еигымхааит,

Аѣсуа ида аѣ даимоуааит!

Аѣэнага ѣаѣэыршэа,

Аибашьра камлааит,
Хэыци-дуи зеггы пату еиқэтцаны,
Х-Ақсны шытырхырц хухэоит,
АнцэаДу!
Уда гэыгырта ҳамам,
Ухацхраа, уаххылақш!
(Дныхэацыпхьаза игылоу зеггы «Амин!» рхэоит).

Абас ала аныхэаф лажэа аныхлыркэшалак, ахэсақэа зеггы еихабы-еитцбыла еизыпшны иныхэоит. Ашьтахь хэыци-дуи аишэахь инеиуеит акрырфарц-акрыржэырц. Аамта бзианы ирхыргоит, афар, ахэыцқэа шэахэоит, икэашоит. Имшапыргоит еиуеипшым ахэмаррақэа.

Аныхэарақы иагуп пату еиқэтцаны, ажэа хаалаа аицэажэара. Итцасым хэа ипхьазоуп аицэхара, агэааибагара, уаанза агаанць зыбжьоу ыказарггы, азэы идырдыруам, еинишэаны рхы мшапыргоит.

Амш ахэларахь ианеихалак, ауаа еилытцуа иалагоит. Инхаз ачыс шаны иалахэыз ирыртоит.

Ахэса ркэырбан ныхэара иазку афатэ
Ахшлых мартхэқэа:

1. Аилаць

Иалоу: игэзаны ихэу ашыла,
ацьыкхыш, азы, ашэаза

2. Ачахаржэ

Иалоу: ачашыла,
ацьыкхыш, азы, ашэаза

3. Акэакэарқэа

Иалоу: игэзаны ихэуа шыла,
ацьыкхыш, азы, ашэаза

4. Ахартэы

5. Ахартэзша

Иалоу: ахартэы, азы, ашэаза,
зегь еикараны.

6. Ацха, асаранць

7. Ацхазоа

Иалоу: ацхеи ази еилазваны

8. Абрынць-қашь

Иалоу: абрынць, ахш,

ацьыкхыш

Иахьатәи аамтазы аишәа икәырцоит иара убас ахаа-мы-хаакәа: аконфетқәа, апечениа, ашәырқәа, аторт, абаклава, ацьынцьыхәа, акада, ашәырзқәа ухәа уб. егь.

Ритуальная пища в женском молении (акәырбан)

Кисломолочные продукты

1. Айладж (аилаць)

Состав: кукурузная мука мелкого помола,

белая соль (ацьыкхыш),

вода (азы),

первособранный сыр (ашәаза).

2. Вареники (ачахаржә)

Состав: пшеничная мука (ачашыла),

белая соль (ацьыкхыш),

вода (азы),

первособранный сыр (ашәаза).

3. Акәакәарқәа (колобки)

Состав: кукурузная мука мелкого помола,

белая соль (ацьыкхыш),

вода (азы),

первособранный сыр (ашәаза).

4. Кислое молоко (ахартәы)

5. Кислое молоко, разбавленное с водой

Состав: кислое молоко (ахартәы),

вода (азы),

первособранный сыр (ашәаза).

Все пропорции поровну.

6. Мед, мед с сотой (ацха, асаранць)

7. Мед с водой

Состав: мед и вода.

8. Рисовая каша (абрынцькашь)

Состав: рис, молоко, белая соль

В настоящее время на стол подают всевозможные сладости: конфеты, печенье, фрукты, торты, баклаву, аджинджуху, каду, соки и т. д.

*Ари аңдамтҕа калҕеит Шамҕха Инга Владимир-иҕха,
Аҕсуа хэынтқарратә музеи аетнологиа аҕәша атҕа-
арадырра аусзуф еихабы, 2004 шықасазы, нанхәа мзазы,
Гәдоутҕа араион, Мгәызырхәа ақытан. Аныхәара мағапылгон
Тарба-Гәынба Валиа, 70 шықаса лхыҕеит. Иара убас иҕайан
авидеонҕамтҕеи афототылымтҕақәеи*

И. А. КӘЫЦНИАПҔХА

АҔСУА БЫЗШӘАЗЫ ГӘАНАГАРАК

Абызшәа – ари ауафытәыфса ихдыррафәы хадара злоу элементуп. Ауафытәыфса милатқ дахатарнакны ихы анипхәаза инаркны ихымҕадатәиу моментны ицәырцуеит абызшәадырра. Мамзар даеакала уи ихы изыршахатуам, хаҕала иаагоу милатк дшахатаранаку изырцабыргуам. Егәа ихәаргыы доухала дгаруп, дхаҕәазам збызшәа иазрыцхау ауафы. Уажәтәикәам хара, омаза цуеит адунеи хәқәнагалеижьтеи. Хбызшәагы ижәйтәзатәиу абызшәақәа иреиуоуп. Шаҕа каамети, хлымзаахи қалахьоузеи адунеи афәы! Ацивилизация дукәа адунеи азыблара иахәлабгахьеит, амилатқәа бжъазхьеит, акыр абызшәақәа аиазаарагы иахьзахьеит. Ари аҕсабарафәы атыҕ змоу,

иахъеи-уахеи адунеи афы имѡафысуа апроцесскѡа иреиуоуп. Аха афсуа жѡлар иахъа уажѡраанзагы ѡаикѡханы ѡааиуеит.

Абызшѡа амызра зтакпхыкѡу иара иалацѡажѡ роуп. Ацсшѡа гѡхъаазгоз ацсшѡа рымхѡар акы рыгушѡа збоз, псыуала ихѡыцуаз рыбзоуралоуп аамта иалыхѡхѡа иахъанзагы иша-аиз ѡацсшѡа. Анцѡа ицъшьаны, еснагъ икѡзаарын урт рѡызцѡа аѡахрака змаз. Ус акѡзар, хзыхъкѡа реипш ацѡахѡа ицѡажѡ, хѡауеипш ицкъоу, ѡашъхѡкѡа реипш игѡѡоу хбызшѡа, ахаангы израны икѡзам.

Ааи, ииашоуп, ижѡытѡзатѡиу аѡоурых змоу жѡларуп ѡара, Ацсны аханатѡ аахыси иахъа уажѡраанзеи, зымцкѡа пышѡо еиндаѡлоз аѡынтѡарра дуќѡа ринтерескѡа ахъеипылоз тыпын. Ианымпшыргы залшомызт еиѡа апыжѡара зуаз амчра иннажъуаз ашьтра, хымѡада, абызшѡагы иахъысуан уи. Аха ѡазлацѡажѡоз иарбан бызшѡаз аѡтынра аѡатарнакѡеи, иара Ацсѡа ихѡѡеи? Агѡѡара сымоуп абызшѡа апроблема ускангы икан хѡа. Цоуп, уи зласыршаѡаѡа сымам, аха сгѡаанагароуп.

Анс ухѡа, арс ухѡа, излеикѡхеи хбызшѡа хѡа ухѡыцуа уалагар, уахъцалакгы угъежны уахъаауа ажѡлар рахъ ауп. Хыќакыла ажѡлар раќын абызшѡа ахархѡаѡцѡа хаданы иќаз ахаангы. Ус иќоуп иахъагы. Аиѡабыра аханатѡ аахысгы даѡа интерескѡак рыхъчон. Хымѡада, урт зѡу русгы цакы-дазам, аха мыцхѡы ипсыѡеуп абызшѡазы иќоу алишѡа. Иќа-лап, ацсышѡала ицѡажѡо еиќѡдырхап абызшѡа хѡа ирыќѡ-гѡыгуазар? Ацсуаа ирхѡоит «амќѡыба еснагъ азы аанагом» хѡа. Аѡынтѡарраѡе ииѡабыра ирыхъчѡо иарбан интересзаалакгы иззырыхъчѡо иара абызшѡа аѡаѡа ныќѡызго ажѡлар рзоуп. Абызшѡоуп аѡынтѡарра ѡынтѡарраны иќазѡо. Дац ѡадасгы иамоу абызшѡоуп.

Иарбан ѡынтѡарроу хѡтѡы бызшѡада иќоу?

Арт имариоу аилкаараќѡа анѡарѡашъа, аѡынтѡарра ыкам ауп иаанаго. Нас иарбан иалахъуа ѡара?

Абызшѡа агѡыгѡѡажъра цасым, Анцѡагы иаѡпъишьѡм. Ау-аѡытѡыѡса гра имамкѡа Хазшаз даниша, избан ххала агра зи-аѡѡо? Зыхъз ацсыуоу, зыжѡла ацсыуоу, аха збызшѡа иазрыцѡау ауаѡы бжамѡам санихѡаѡшуа арыцѡашъарада даѡа цѡаныр-рак сызцѡыртцаум. Аха, дара абызшѡамдырцѡа реиѡараѡык ак

рыгны хэа рхы рыцхьазом. Ахэахэартақэа зегьы ейкарастэу-
еит хэа акэым, аха агьарахэа атэым бызшэада акы мхэо, ацс-
шэа атарбара иафэу ацсуаа сгэы рзыцжэоит.

Икаларушь даеа тэылак, Ацсны ада, атэым бызшэа абас
мыцхэы пату ахьақэу?

Апатуқэцара ухэеит хэа, ас убахьоу?.. Зынгы сгэы иаа-
нагоит, мыцхэы исыреикэатэозар абызшэа акэша-мыкэша
иахьа икоу атагылазаашьа, аха мап. Ифеабыгза иаасфеагыло-
ит зтак смоуа сызцаарақэа. «Азэа ззаз ица дагеит» рхэеит
хажэлар.

Иреигьу хэа ипхьазоу хацсуа школқэа инадыркны, хгэа-
ратақэа рфынза иназеит ари «амаҳазымхэаратэ» чымазара.
Ххэаакатцара атахымкэа, ихымпадатэины иказарц зыхэтоу
азцаара, иахьа збашьас иататэузеи хэа хэхэапшуеит. Ари
азцаара ахьырцхашьагоу, хэоһныцқа иаарцауланы аус ахьаду-
латэу азы ауп хнацэкьарақэа хрыбжыцпшы хзахэапшуа. Ари
азцаара азбара ахала акэым, иара ус иахьцэыртыз азын ма-
цара ххы авба ду ахтароуп. Атцарайуртафэы абызшэа узцазом,
аоны зынза иумахауазар. Уақа, уахи-ени иуахауа убызшэа
итцегь ишхазыноу, ишбеиоу, зақа исахьарку, шақа ихыркны
алаф узалахэо ахьеилукаауа тыцзароуп. Уара ууал даеазэы
инаикэцан, иулимыршеит акэым ажэоан аетцэа кыдуцауау-
азшэа ахжьара акгы иацсам. Илуршозеи арцафэы «амаха-
зымхэао» ифеацхьа! Аонтэи хаграқэа риаша хэа идхажьлоит.
Уатцэтэи хцеицш алахьынцда знапы иану ххьыбфэар ацсышэала
урацэажэар рыба траа иуфеапшуеит, издыруагы ипхашьа-
роу цышьаны иалацэажэазом. Зхатэы бызшэала ажэеинраала
ахэара зцэыцэгьахартэ икахцаз ххэыцкэа зыххаркьаз аилка-
ара цэгьоуп. Дзыхдыркьазеи збызшэа зыдырцыз ацсуа хэыц?
Уацсыуоуп хэа иахэаны, арахь даеа бызшэак ихьнырхаланы
идыршашьаз ацсуа хэыц дызхатэаахазом, дыбжамеамхоит.

Хбызшэа хацсабара иалхуп азоуп ас ачхара замоу, хры-
цхашьаны измызуа. Згэы цымцэазо нцэакгы дхамоуп...
Афарацэа ацсышэала ишцэажэо цьара иаахахар, о, анасып,
ицбахьшо акынза хнеизар – асаркьал агэеанцгага бжыыр-
гатэуп. Афэар моу, ирацэаоуп зуафьыбжара итысхьоу аихабацэа-
гы ацсышэак змахазо, иагьымцэажэо. Амала, апатриотизм

аганахъала ианцѣажѣо, ражѣагъ узахыѣом. Пѣсышѣала ицѣажѣо дѣшьо аѣынза хазнеирыз! Зхатѣи бызшѣала изымцѣажѣо илмахауеи аѣсуаа рырацѣара иазку апроблема логикала иузе-иѣымшьуа цѣыртѣроуп. Хбызшѣа атѣареи атѣаареи рзы иахье-иѣш аамтѣ маншѣала анбахамаз. Иаххаштѣзар хнарызтѣаап аѣсуа школѣаа раркра иахаану пѣсышѣала ацѣажѣара аныѣамлоз згѣалашѣо, маѣъана зыѣсы тѣоу хайхабацѣа. Ускан ѣыртшѣала мацара ицѣажѣон артѣаѣцѣа. Милаѣтѣас ажѣлар рыѣзаара зы-рласуа рмилаѣ хдырра аилагара ауп. Уи бзиазаны ирдыруан еснагъ збызшѣа идеалогия хадас измаз аѣырѣтуа еиѣабырагъы. Рхыѣкѣы дырын, аха ирмазеит. Даѣазныѣгъы рнапы адыркиѣ ари аус. 25 шыѣаса роуп иѣуа зынза шыѣатанѣыла хѣаѣгара згѣи иѣаз хѣрцѣынхеиѣъѣеи. Ахѣ хѣрак шѣатѣхеит уи ус иѣам-ларазы. Шаѣаѣы хѣеицѣа лашаѣа аѣзѣит уи аамтѣ аѣгара. Иааубаратѣи иаѣахеит ускан аѣсуа жѣлар рыжѣпара, аха аус пшьа нагзан. Зѣыр иѣамаиѣуама шыѣа хбызшѣа. Ишѣымхѣан мамзар шѣаѣѣызуеит зѣаада уажѣи. Анѣеиѣш зѣыр дѣаѣгъы-хома уи аганахъала.

Иахъа аѣа инапы имырѣъашъзакѣа ххала амѣа хѣахѣа ылхны абна тоура хѣзѣоит. Хтѣыла анѣыѣ цъара аусураз ан-глыз бызшѣа ада пѣыхѣа ыѣам анырхѣа ами хѣпхеиѣатѣа атѣара ханашътала. Ус акѣзар, аус ауеит ари аѣыза аѣырѣштѣи! Зегъ Аѣсны анѣыѣ аусурѣаѣа ауруухуоу, аха еиѣлабны атѣым бызшѣаѣа рѣоит. Имаѣымкѣангъы аѣара ахыршѣаауеит. Аха уи аамѣазы аѣсшѣа атѣынха ѣар еиѣш наѣтѣа игылоуп. Ауаѣы шаѣа тѣым бызшѣа идыруа аѣара доухѣала дбеиахоит, аха зегъ реиѣа дбеиазтѣауа, иаѣара иѣызѣо, егъырт идырраѣа зегъ зырѣшзо ихатѣи бызшѣа адырра ауп. Дарбанызаалак аѣсшѣа ахыѣѣарагъы ибарым иарада аусурѣа шимоуа агѣра ани-галак. Хбызшѣа иахъатѣи аѣазареи, уи акѣша зынзаск атѣыѣ змамзарѣ зыхѣѣоу аѣѣырѣѣраѣеи абраѣа убасѣак еилаѣѣѣеит, хѣхъашаны хѣканаѣыр алшо аѣынза.

Иѣатѣатѣузеи?

2015 шыѣаса инаркны зехъынѣъара ахѣынѣѣарратѣ быз-шѣахъы ииасроуп хѣа игѣыргъаѣѣѣашаны иѣалоу ажѣабжѣ ауп сызѣу. Абаапс, аѣыстаа илымхѣа ѣыгѣоуп... Иудыруазеи, ѣъара аѣахъы хѣзнеир! Хыхъ зызѣахѣ сѣѣаз Аѣѣара аус анауѣѣъа,

ихымпадатәиу закәанны ианыкала, абызшәа амдырра апро-
блема ахала азытра иалагоит. Ари ашыза аусаф әлеишәа зегы
ирыцкуп. Ифыцу акгы збатәым, «җахәшә җаатраф икоуп».

Хкы-хкыла амазақәа змоу, аңсабара абжы зхоу, ахатараф
игәышьтыхгоу, агәәкраф игәытшыаагоу, абзиабараф итаулоу,
алафаф ихырку, сынасың иашыагыту – сбызшәа.

Җцәажәалап җбызшәала! Җамала җхы рыцҗаҗамтәып. Аң-
сышәала ицәажәо ламыс имоур җалазом, аламыс змоу даңсы-
уамхар залшом, иаңсыуахаз ибызшәа ирззом, збызшәа зхәаз
иламысгы ыззом... Убас җәйтәнәтә аахыс, иахыагы, уацәгы,
убас цыхәаңцәарада...

P. S. Сыңсы җанатцы, еиҗа адунеи ақәлара саңсахозар,
сихәон Җазшаз, даҗазнык абраҗа саңсыуаны сирц. Иреиҗу
атцеицәа сырхыңхызаламзаргы, цәгышәа истахуп саңсы-
уахар даҗазнык. Ма ус баша... аңсшәа абаагәара злеибарку
ахаҗәкәа руак сара сакәыз...

НА ПОИСКИ ДИОСКУРИИ²⁵

Еще весной этого года в библиотеке я просматривал книгу океанолога С. П. Фенковича «Берега Черного и Азовского морей». Мое внимание привлекла одна выдержка, приводимая им из старой работы сухумского краеведа Чернявского, в которой описываются развалины каких-то башен и стен, выступающих под водой со дна Сухумской бухты. Развалины, несомненно, указывают на древний затопленный морем город.

Для меня это была новость, и она произвела на меня большее впечатление, чем если бы на Кавказе обнаружили носорога.

Вот что там было написано.

«При содействии двух любознательных юношей, превосходно умеющих плавать и нырять, я исследовал целые ряды остатков этого древнего города на дне побережья Сухумской бухты до глубины 4–6 метров. Оказались не только ряды остатков древних стен, выдающихся местами почти до поверхности моря на расстоянии сажень до 30–50 от берега, но также иззубренные волнами стены древнего замка, поднимающегося еще с глубины около 6 метров настолько, что я мог, поддерживаемый плавательными снарядами, обходить вокруг по пояс и местами по всю в воде. Замок имеет два сомкнутых отделения, одно совершенно круглой формы, другое – четырехугольной: последнее было разрушено. Лежат они перед Сухумской крепостью против конца юго-западной трети длины ее фасада. Стены их покрыты водорослями, губками и множеством устриц и мидий, которыми также покрыты все подводные остатки стен от глубины 2–6 метров, исследованной мною.

²⁵ Рукопись найдена Сочинским Географическим обществом и передана в Фонд письменных источников Абхазского государственного музея. К печати подготовили А.И. Джопуа, А.Б. Барышников.

Перед таможенной, кроме погружения в море стен, выдающихся местами почти до поверхности воды, Г. Н. Метакса указал мне выдающийся при размахах большой зыби круглый столбообразный камень – останец, который он посчитал за древний колодец, набитый доверху камнем и песком. Ему же я обязан указанием массивной стены, идущей параллельно берегу бульвара по дну бухты, на глубине до 10 метров. Не погруженный ли это остаток той стены, которая, по историческим свидетельствам, защитила уже при турецком владычестве город Сухуми (ныне г. Сухум – ред.) от ярости наступательного моря, и как видно по всему, совершенно неудачно боролась с неумолимыми законами природы. Наконец, на другом конце города Сухуми, перед госпиталем, на огромном расстоянии от берега рыбаки давно производят собирание устриц и мидий руками со стен огромной башни, выдающейся с глубины 10 метров и кажется, на расстоянии до 200 сажень от берега: башня эта не доходит метра на три до поверхности».

Желание взглянуть под водой на затопленный морем город, или хотя бы на остатки его сооружений, взвинтилось еще в десять раз после того, как я прочел в «Подводной охоте» Олдриджа следующее:

«Я слышал о существовании поблизости от Сухума древнего греческого города, затопленного морем, и отправился туда в июле, чтобы взглянуть на руины...

...Мы вместе опустились под воду. Он с кислородным аппаратом, я с аквалангом. Древний город действительно существовал, но он, к сожалению, на 5–6 метров погребен в жидкой грязи...

...Ныряя в этом районе, можно увидеть изваяние пловца, стоящее на крыше древнего греческого дома. Это дает основание заключить, что если этот дом, выступающий над грязью, не подвергся разрушению до наших дней, то и весь город, скрытый толстым слоем грязи, также хорошо сохранился.

Упоминание о подводных развалинах в Сухуми я нашел еще в работах археолога Блаватского.

Большинство авторов называет этот город Диоскурией. Больше материалов, касающихся этого вопроса, мне никаких

не попадалось, разве только в энциклопедиях указывалось, что Диоскуры – это близнецы, сыновья Зевса, которых звали Полидевк (Поллукс) и Кастор. Первый из них был непобедимым кулачным бойцом, а второй – укротителем коней. Оба они, по древнегреческому мифу, были участниками легендарного плавания аргонавтов за золотым руном из Греции в Колхиду.

* * *

Наконец в августе мне удалось взять отпуск, и в одно прекрасное утро я оказался в Сухуми.

Здесь я думал провести дней десять и за это время осмотреть подводные развалины, если кто-нибудь из местных старожилов знает их расположение.

Едва ступив на платформу сухумского вокзала, я сразу же задал вопрос первому встречному пожилому абхазцу.

– Вы знаете, что такое Диоскурия и где она расположена?

– Диоскурия? О, да, здесь есть Диоскурия! Это на набережной недалеко от порта, Диоскурия – очень хорошее место!

Я оживился и помчался на набережную вместе с женой и сыном, таща за собой здоровенный рюкзак и чемодан. На набережной я задал этот же вопрос еще одному местному жителю.

– Диоскурия? Диоскурию знаю. Вон там. Видишь камни и на них крышу? Там Диоскурия. Шашлык есть, вино есть!

По всей видимости, древний город местные жители знали хорошо, только было непонятно, причем здесь шашлык и причем здесь «хорошее место».

Наконец я подошел к крыше, поставленной на какие-то несуразные стены, и обратился к сидевшему на ступеньках человеку в белом поварском чепчике.

– Диоскурия здесь, заходи! Сейчас шашлык сделаем, ба-стурму сделаем, очень хорошую солянку сделаем!

Я повторил свой вопрос с плохо скрываемым раздражением.

– Конечно, знаем. Мы работаем в Диоскурии.

– Что? – начал я выходить из себя.

– Что ты кричишь!? Не видишь, что написано? Диоскурия – это я! Это мой ресторан!

Только отойдя в сторону, я заметил бледную стеклянную надпись на бледном фоне стены: «Ресторан Диоскурия». Ночью она ярко светилась, у входа в ресторан висела небольшая мраморная плита с надписью, гласящей, что эти стены являются остатками турецкой крепости, построенной в XVII веке на развалинах древнегреческого города Диоскурия, существовавшего 2500 лет тому назад.

Мне стало ясно, что в XX веке, т. е. сейчас, на развалинах турецкой крепости, в свою очередь, предприимчивый горторг воздвиг ресторан, и, по-видимому, во всю зарабатывал на человеческих слабостях.

Съев на нервной почве два шашлыка, солянку, две бастурмы, целый лаваш и еще что-то, я, наконец, пришел в себя. Поиски Диоскурии нужно начинать, как я и раньше планировал, с местного музея.

В Сухумском музее, куда я пришел на следующий день, хранится мраморная стела с высеченным барельефом античного времени, поднятая со дна моря, и ряд древнегреческих амфор с белыми известковыми трубочками на поверхности - остатками морских червей. Все это было найдено на дне Сухумской бухты и относятся ко времени древнегреческих завоеваний на Кавказе.

Директор музея любезно предоставил мне весьма интересный труд археолога Л. Н. Соловьева «Диоскурия – Севастополis – Цхум», напечатанный в «Трудах» и дал дельный совет:

– Обратитесь к председателю общества по охране памятников старины Пачулия Вианору Панджевичу. Он же возглавляет Абхазский институт туризма – институт на общественных началах. Вианор Панджевич ведет археологические работы, а его труды о Диоскурии печатались даже в Римском и Лондонском журналах.

Все складывалось как будто в нужном направлении.

В институт туризма решил пойти завтра, а сейчас мы с Геннадием направились на так называемый здесь медицинский пляж, где обычно было наименьшее волнение, как нам сказали, и наибольшая прозрачность воды.

Из порта за восемнадцать минут катер доставил нас куда нужно. Мы надели маски и бултыхнулись в воду.

Песок с редкой галькой у берега через семь метров перешёл в небольшой галечник, высотой в полметра. Далее простиралось белое песчаное дно, покрытое мелкой волноприбойной рябью. Вдоль уступчика плавали бычки и морские собачки, а несколько поодаль, несмотря на многочисленных купающихся, метнулись две небольшие кефали.

На песке в тридцати метрах от берега, я увидел многих живых венусов, а метров через пятьдесят различил целую гроздь мидий, красиво торчащих из общего центра.

Недалеко от меня в море выдавался причал, сваи которого полностью были облеплены мидиями, а те, в свою очередь, были покрыты тонкими светло-серым слоем мшанок. А под сваями дно было выстлано целым ковром мидий. Все они выставили вверх концы своих чуть приоткрытых створок и что силы фильтровали воду, соревнуясь с себе подобными.

Глубина составляла около шести метров. Я набрал воздуха и нырнул до дна. Мидии лежали сплошным слоем, который однако прерывался параллельными полосами песка, вроде крупной волноприбойной ряби с размером каждой «волны» около метра. Среди мидий накопились какие-то рыбки, а сверху плавали стайки мелких атеринок. Консервные банки и бумажки кое-где оживляли пейзаж.

Щелкнув несколько раз боксом мидий, я увидел рапану, а рядом рака-отшельника диогена в маленькой рапанке, перебиравшего всеми лапками песок. Сверху снова показалась стайка мелких атеринок и поплыла дальше.

– Что это такое? – спросил подплывавший купающийся с сильным акцентом, когда я, вынырнув, рассматривал крупную гроздь мидий, поднятую со дна.

– Это мидии.

– Что?

– Это мидии, – повторил я.

Он вначале удивленно посмотрел на меня, а затем с понимающим видом закивал головой:

– А, это ракушки! Это называется ракушка!

– Иностранец, – подумал я и подарил ему гроздь, а затем нырнул снова.

Покопавшись в мидиях, я поплыл в сторону моря, периодически следя за катерами и лодками. В трехстах метрах от берега я пошел ко дну. Когда вода потемнела до темно-голубого цвета, и уши заложило, я увидел приближающееся дно. Пришлось еще дважды продуть маску, пока в голове установилось нормальное ощущение.

Дно было ровным, серо-голубым. В метре и меньше друг от друга виднелись норки каких-то моллюсков, возможно, солена, или как его еще называют черенка, а может быть и других. Каждая норка была расположена в центре широкой и пологой воронки, а диаметр отверстия составлял около сантиметра. Я запустил обе ладони в грунт по обе стороны норки, надеясь нащупать ее хозяина. Поднялось облачко мути. Значит, здесь был илистый песок. Я сразу стал как слепой и начал растирать ладонями грунт. Но ничего не нащупал. Вынырнув и отдышавшись, ибо глубина здесь составляла около девяти метров, как я потом измерил ниткой, я повторил эксперимент и опять ничего не нашел. Моллюски закапывались глубоко, а я мог углубить свои руки лишь на пятнадцать сантиметров. Повторно углубиться в ямку я не мог, так как муть закрывала от моего взора даже руки.

Поднимаясь на поверхность, я, по своему обыкновению, глянул вверх и неожиданно увидел темное сигарообразное дно лодки, медленно двигавшееся надо мной. Отплыть в сторону уже не было возможности и я вынырнул у самого борта. Каково было удивление сидевшей в лодке парочки, когда у самого борта вдруг показалась отчаянно фыркающая и отплевывающаяся физиономия в маске. Обдав сидящую в лодке парочку фонтаном воды, я нырнул снова. Но выкопать моллюска мне так и не удалось.

Ближе к берегу количество норок уменьшилось, а также стали появляться конусы насыпанного песка с норкой на вершине, вроде миниатюрного вулкана. Попытка раскопать «вулкан» и найти его хозяина потерпелатакже неудачу.

Мне захотелось увидеть, как мидии всасывают и выбрасывают воду, фильтруя мелкие организмы, водоросли и различные органические остатки, и я направился к своим, нырнув по дороге еще пару раз.

На дне около свай были видны мидии как с плотно сомкнутыми створками, так и с приоткрытыми на 2 миллиметра. Никакого движения воды я, конечно, не видел, но какое-то движение взвешенных частиц, слабо различимое сквозь узкую щель створок, указывало, что процесс дыхания и фильтрование пищи происходят.

Между мидиями на небольшой гальке сидел маленький рак-отшельник диоген, расставив во все стороны тонкие светло-серые лапки и одну толстую с большой клешней. Из-под его раковины чуть выдавались два столбика глаз и торчало пара лихих усов. Он уже заметил меня и не шевелился в выжидательной позе. Я поднес руку и рак молниеносно исчез в своей квартире.

На мидиях белели мелкие рачки-болянусы, а среди их общей массы иногда можно было рассмотреть одиночных рапан и раскрытые створки съеденных или издохших донексов.

Среди мидий я увидел маленькую спирально закрученную раковину брюхоногого моллюска циклонассы, из которой торчали усы еще меньшего рака отшельника. Ракушка оказалась на привязи: один из биссусов мидии был прикреплен к ней.

Я вспомнил свое обещание накормить жареными мидиями своего сынишку и, нырнув еще несколько раз, подобрал несколько гроздей крупных ракушек.

Дома вечером больше получаса я потратил, чтобы отделить их от раковин, хотя было бы проще обдать кипятком и они сами бы раскрылись. Но мне были нужны очищенные створки, чтобы потом склеить их в виде грозди, которых и встречал на дне, а горячая вода, мне казалось, могла испортить внутренний слой перламутра.

Никаких отходов, кроме створок и нитей, я не выбрасывал, так как все здесь состояло из белого, чуть желтоватого мяса с темно-коричневым выдающимся язычком, которым мидия прикрепляет нити к подводным предметам, и, следовательно, все здесь было вполне съедобным. Каждый комочек, размером 2х3 сантиметра, представлял собой тушку мидии. Эти тушки на сковороде в сливочном масле я обжарил в течение трех минут и мидии были готовы.

Получилось нежное, довольно вкусное блюдо, несколько напоминающее жареные грибы, с чуть заметным йодным привкусом.

На следующий день и отправился на поиски Абхазского института туризма. После того, как я представился, показал все свои подводные приспособления – бокс и осветительное устройство и, конечно, свой энтузиазм, директор института Вианор Панджович пригласил меня принять участие в экспедиции аквалангистов, которая должна состояться во второй половине августа месяца. Я с радостью согласился, если, конечно, экспедиция начнется до окончания моего отпуска. Сейчас же, до экспедиции, мы решили, что я продолжу осваивать подводную цветную фотографию и сделаю ряд наблюдений по подводному рельефу, остаткам стен и за подводной жизнью.

Теперь я превратился в сотрудника института, что дало мне возможность осматривать дно в порту, у набережной и в других местах, где купаться не разрешается.

Посмотрев на статьи В. П. Пачулиа в иностранных журналах, а заодно осмотрев и древнегреческие амфоры, покрытые известковыми трубочками морских червей, лежавшие в кабинете, я направился на набережную к западу от порта. Подводные развалины были где-то на дне в районе остатков стен турецкой крепости.

Мы с Генкой надели маски и пошли в воду. Галечный пляж сменился на глубине 6–7 метров илом. Небольшой прибор совершенно замутил воду и мы нырнули как слепые, выставив вперед одну из рук, пока гребли другой, чтобы не «влипнуть» головой в грязь. Вскоре нам надоело бултыхаться в мутной воде и мы направились опять на медицинский пляж, где провели время хотя и в другом месте, но с совершенно аналогичным дном как у вчерашнего причала.

Последующие несколько дней муть не оседала и я решил за это время просмотреть материалы по истории поселений на месте современного Сухуми или, как их тогда называли, Цхум, Севастополис, Диоскурия и так далее. Оказывается, древнегреческие мифы, как, например, миф о плавании Аргонавтов,

имеют прямое отношение к истории древних поселений на месте современных городов Сухуми, Поти и некоторых других.

Историю возникновения Сухуми можно начать с мифа «Золотое руно».

* * *

Очень давно, пять или шесть тысяч лет тому назад, в Древней Греции прошел слух о великом чуде. На берегах Черного моря, в далекой Колхиде, появилось золотое руно – шкура золотого барана. Владелец этой шкуры – волшебник царь Эет хранил ее в роще на ветвях дерева под охраной свирепого дракона. Царство Эета находилось в устье реки Фазис – сейчас она называется рекой Риони, в устьевой части которой располагается город Поти.

Орхоменский царь Афомант, живший тогда в Беотии – крупной области в Греции, завещал своим потомкам, во что бы то ни стало достать это золотое руно и привезти его в Грецию, так как оно принесет счастья. Но пока в Греции его нет, неудачи будут сопутствовать всему его царскому роду.

Что же это за шкура золотого барана?

Оказывается, что слухи о кавказском золоте еще тогда достигли берегов Малой Азии, разжигая страсти царей и военачальников.

Уже в те времена, в долинах некоторых кавказских рек промывали рассыпное золото. Один из старинных способов, который применяется иногда и сейчас, заключается в том, что желоб, по которому пускают воду для промывки песка, выстилают баранными шкурами, причем так, чтобы вода текла «против шерсти». В желоб лопатами бросают золотоносный песок, который уносится быстрой струей, а тяжелое золото застревает в шерсти. После этого весь золотой песок до мельчайшей крупинки высыпается из шерсти.

В те далекие времена золото из россыпей добывали таким способом. Еще историк Страбон перед самым началом нашей эры писал: «Рассказывают еще, что у них (в Сванетии) потоки сносят золото и что варвары собирают его при помощи просверленных корыт и косматых шкур. Отсюда и сложилась, говорят, басня о золотом руне».

Через «просверленные корыта» (грохот) отсеивают песок от гальки.

Слухи о кавказском золоте ускорили колонизацию Кавказа греками.

И вот сын и царский наследник – Язон, которого обманом отстранил от престола хитрый и коварный Пелий, пришел к царю Фессалии, чтобы вернуть себе принадлежавшее ему по праву царство. Его требование поддерживали несколько других царей.

Этого юношу звали Язон. Когда-то отец спрятал младенца Язона в горы, чтобы коварный Пелий не убил его, освободив тем самым себя и своих детей от будущего соперника по престолу. Язона воспитывал мудрый кентавр Хирон, а когда этот юноша возмужал, Хирон поведал ему историю его отца и его самого.

Дух Язона был возмущен и он решил вернуть свое царство своему дому.

Разыскав царя Пелия, Язон потребовал у него престол, но Пелий хотел хитростью погубить его и удержать престол за собой. Он поклялся выполнить его требование, если Язон исполнит волю богов, явившуюся ему во сне: привезет в Грецию золотое руно, чтобы умиловать владыку подземного царства Аида, царем суждено быть лишь тому, кто завладеет золотым руном.

Язон, как и все молодые люди, воспыал жадной приключений и подвигов и дал обещание привести золотое руно.

Прошло немного времени и на западе Греции, на берегу полуострова Магнесии, знаменитый корабельный мастер Арг построил Язону замечательный корабль, названный в честь своего создателя «Арго». Со всех концов Греции к Язону съезжались легендарные герои, состоявшие в кровном родстве с самими богами. Здесь были и Геракл, и братья Диоскуры (близнецы) – Полидевк и Кастор, и знаменитый певец Орфей и многие другие.

Наконец дружина Язона отплыла в далекую Колхиду, навстречу подвигам, испытаниям и опасностям.

Миновав благополучно Геллеспонт (Дарданельский пролив), а после многих приключений и Пропонтиду (Мраморное море), аргонавты стали приближаться к страшным скалам Симплегадам, или, как теперь называют это место – к Босфору. Чудом избежав гибели, потеряв лишь одну доску от корабельного руля, аргонавты прошли опасный в то время пролив и очутились в водах Понта Эвксинского, или как теперь по-нашему – моря Черного.

Сейчас Босфорский пролив совершенно не опасен для судов.

Долго плыли аргонавты по Черному морю, потеряв даже счет дням, пока наконец не добрались до цели своего путешествия – устья реки Фазис, которая в наши дни называется рекой Риони. Там было царство волшебника Эета.

Царь Эет не хотел отдавать чужеземцам золотое руно. В то же время неудобно было отказывать гостю. И он предложил Язону за золотое руно такие условия, которые наверняка погубили бы любого другого. Но здесь дело пошло не без вмешательства богов и поэтому Язон, с помощью влюбившейся в него дочери царя – прекрасной Медеи, также волшебницы, выполнил эти условия. Он перебил великанов, убил дракона и похитил шкуру золотого барана, после чего поспешно бежал вместе с Медеей на своем корабле из этого царства.

Назад в Грецию аргонавты возвращались необычным путем. Боясь быть застигнутыми флотилией царя Эета, они взяли курс не на Босфор, а к древнему Истру – ныне Дунаю, по которому затем поднялись до самих верховьев. Там переволокли корабль по суше в реку Эридан (Рейн), поднялись по Рейну в верховья и опять переволокли по сухопутью корабль в реку Родэн (Крона), по которой и спустились в Средиземное море.

Как видно, географию древние греки знали неплохо.

Далее, вдоль западных берегов Италии, аргонавты подошли к острову Тринакрии (Сицилии), прошли страшную Харрибду (Мессинский пролив между Сицилией и Италией) и попали наконец в Эгейское море. Там буря доставила им столько хлопот, что аргонавты совершили еще одно путешествие, побывав даже там, где сам Атлас своими могучими плечами поддерживает небесный свод.

Некоторые сейчас думают, что они побывали где-то в удаленных уголках Средиземного моря, другие же считают, что аргонавты попали аж за Гибралтарский пролив, на острова в то время еще не совсем затонувшей легендарной Атлантиды.

В конце концов, аргонавты вернулись в город Иолк, откуда они когда-то отплыли.

Таково краткое содержание мифа о золотом руне. Это было первое плавание древних греков к берегам далекого Кавказа с целью основать там свои торговые пункты, приведшее в дальнейшем к колонизации всего побережья.

Талантливый поэт Древней Греции Аполлоний Родосский воспел эту историческую быль в виде прекрасного мифа, идеализировав многое и опустив то, что, по его мнению, не имело прямого отношения к золотому руну.

В Грецию вернулся, по-видимому, только один корабль «Арго», поэтому поэт и воспел плавание его одного. За золотом, вероятно, ушла в плавание флотилия из нескольких кораблей, о чем писал еще Евстафий:

«Хорак рассказывает, что аргонавты вошли в Эвксинию не на одном корабле, как говорит общераспространенное предание об Арго, а на многих судах, и что некоторые из них сбились с пути: на одном из этих кораблей были возницы Тиндаридов, т. е. Диоскуров, от которых и получили названия племена Иниохи и Тиндариды, да и сама страна Диоскуриады...».

Таким образом, исходя из содержания мифов и сведений античных историков, возникли первые поселения древних греков на кавказском побережье.

Сухумский археолог Л. Н. Соловьев считает, что вначале это были небольшие деревянные укрепления, являвшиеся пунктами приемки золота, а в дальнейшем торговли, так как золота на Кавказе оказалось не так-то уж много.

Когда был основан этот древний город?

Плавания аргонавтов, по мнению атлантолога Жирова, состоялись где-то между четвертым и третьим тысячелетиями до нашей эры, т. е. в то время, когда Босфорский пролив (скалы Симплегады) был еще не судоходным, о чем и указывается в легенде. По геологическим данным это было пять или шесть

тысяч лет назад. К этому времени относятся находки орудий труда человека в окрестностях Сухуми, датируемые медным и бронзовым веками (от IV до I тысячелетия до нашей эры), но принадлежащие местными племенам.

Миф я перечитал несколько раз. На протяжении всего повествования из металлов упоминается только медь и лишь в одном случае железо – из него был сделан наконечник сохи, которой Язон вспахал поле на огнедышащих быках в царстве Эета. Метеоритное железо было давно известно древним египтянам и грекам, еще в период неолита.

Поскольку в мифе, за малым исключением, не упоминаются орудия труда или оружие из бронзы или железа (кроме наконечника сохи, вероятно), то описанные события, скорее всего, происходили еще в конце энеолита – так называемого медного века, когда наряду с каменными орудиями применялись и медные. Это было до третьего тысячелетия до нашей эры – цифра, как видим, подтверждающаяся также геологическими и историческими данными.

Правда, в гомеровском описании Троянской войны, имевшей место 1200 лет до нашей эры, т. е. в самом конце бронзового века, также упоминается лишь медное оружие, но это может быть объяснимо влиянием на это произведение более древнего мифа об аргонавтах. Кстати говоря, в «Троянской войне» упоминается олово и серебро (изготовление щита Ахилла).

Вполне возможно, что Диоскуриаду основали более поздние греческие мореплаватели, пришедшие по пути аргонавтов. Нам лишь известно, что двадцать шесть веков тому назад она уже существовала.

Где же эти подводные развалины?

С такими мыслями я шел по барьерчику набережной, построенному прямо в зоне прибоя для укрепления берега, т. е. по так называемому парапету.

Неожиданно я подошел к пожилому человеку, который сидел на парапете над водой и смотрел в море. Он удивленно поднял на меня глаза, как будто спрашивая, не думаю ли я перешагнуть через него.

Его взгляд и задумчивое выражение отвлекли мои мрачные мысли, так как я привык видеть здесь лишь беспечные лица отдыхающих и торговых работников.

– Добрый день, – сказал я и присел рядом на горячий баггер, еще не нагревшись от очередных ныряний.

– Добрый день, – ответил он и мы оба замолчали.

– Мутная вода, – произнес я вслух, занимавшие меня мысли.

– Вода чистая, – ответил мой сосед. – Где вы видите мутную воду? Вот в штормы поднимается такая муть, что вода делается коричневой. Раньше, когда еще не было набережной, там (при этом он указал в сторону турецкой крепости, порта, Беслетки и так далее) часто выбрасывало на берег старинные вещи, а мы после шторма старались как можно быстрее прибежать на берег, чтобы успеть их подобрать.

– Сколько же ему лет? – подумал я, – ведь набережная была построена еще в 1895 году.

– Находили медные, серебряные и золотые монеты еще античного времени, как нам их определяли, – многозначительно заметил старик.

– Вы их сдавали в музей? – наивно спросил я.

– Нет, продавали туристам. Это было очень давно. Когда я был еще мальчиком, то слышал, что однажды волны выбросили золотую корону. Она сейчас где-то в Москве или Ленинграде в музее.

– А что, разве так часто выбрасывало разные древности?

– Да, это был даже один из видов заработка зимой, когда наступает сезон штормов.

– А в каком месте больше всего было находок? – спросил я, поглядывая уже на берег моря и чувствуя, что эта беседа подогрела меня больше, чем августовское солнце.

– Да везде, начиная от этого места и до устья реки Беслетки, но там было больше.

– Вы не знаете, где расположены под водой стены? – задал я наконец последний вопрос, спрыгивая с парашюта.

– Стены? Не знаю. Говорят, где-то там.

Я помчался на пляж, ибо по моим расчетам все древности должны прибиваться волнами к основанию стены набережной. Раздевшись, я поплыл к стене. Разбивающая о стену волна держала всю муть во взвешенном состоянии. Галечные наносы здесь были значительно перемещены к востоку, в сторону турецкой крепости, а с запада они не пополнялись, так как этому мешал Сухумский мыс. Поэтому основание парапета набережной уходило под воду.

Я нырнул вниз и тут же чуть не врезался маской в дно. Видимость составляла полметра. Рыться в гальке было неудобно, так как волна все время норовила содрать с меня мою единственную драгоценную шкуру об ужасно шероховатый бетон, из которого кое-где торчали металлические прутья. Но, тем не менее, я каждую минуту выныривал подальше от стены подышать и нырял снова, чтобы порыться руками среди гальки.

Когда мне попался в руки кусок покореженного железа, мне казалось, что это орудие труда античного времени, но на поверхности заблуждение сразу проходило.

Наконец безрезультатные поиски при таком прибое и в такой мутной воде выгнали меня на берег, где я, поглаживая ободранные бока, решил понырять там в более благоприятное время.

* * *

На следующий день мы отправились купаться подальше от города. Проехав на автобусе реку Келасури, затем остановку Каштак, где у моря стояла одна из башен Великой абхазской стены, построенной пятнадцать веков тому назад, мы слезли у реки Мачарки и вскоре были у моря.

Утро выдалось чудесным. Голубое небо и глубокая синева моря открылись вдаль, как только мы прошли под мостом за насыпь. Белый песчаный пляж простирался до самого Кодорского мыса, окаймленный пенистым прибоем. Но самое замечательное здесь было то, что не было того столпотворения народа, которое обычно для медицинского пляжа у набережной в городе. Кроме нас лишь кое-где виднелись любители уединения, да две «Волги» вместе со своими экипажами стояли

около воды под натянутым тентом за надписями «запретная зона» и «въезд машинам на пляж воспрещен».

Мы с Геной надели маски и поплыли. Светлое песчаное дно через двести метров погрузилось на глубину шести метров, а дальше более круто уходило в глубину. Стайка белых рыбешек замелькала перед глазами. Видимость была около восьми метров и я вспомнил постоянную муть в районе затонувшего города. Геннадия здесь было неинтересно и он вернулся туда, где помельче, а я, набрав воздуха, погрузился на дно.

На песке лежали лишь раковины мерезки с раками-отшельниками, да еще попадались венерки. Кое-где встречались раскрытые створки донаксов. Стайки мелких рыбешек то и дело появлялись вокруг, ориентированные параллельно друг другу, да медленно пульсировали колоколом медузы аурелии. Вот на дне показалась небольшая рапана.

Небольшой каменный крабик боком уползал с моего пути.

Купаться здесь было хорошо, но смотреть под водой было не на что.

Я повернул назад и наткнулся на полосу крупного галечника, погруженного на 5–6 метров. Из камня росли мелкие водоросли, в несколько сантиметров. Я нырнул и поплыл над дном. Впереди к гальке присосалась небольшая рапана, а сбоку еще одна. Что они здесь едят? Я порылся в песке и нашел венерок, а на камнях митилястеров. Каменные собачки юрко шевелили хвостиками, уплывая от меня и прячась среди камней. Маленькая стайка зеленушек показалась и исчезла, а вдали проплыло несколько кефалей.

Я сделал несколько пробных снимков на цветную пленку, определив предварительно выдержку фотоэкспозиметром «Ленинград», заключенным в резину. При чувствительности пленки 45 единиц, выдержку следовало давать 1/25 при диафрагме 5,6 или 8.

Через час я вышел на берег и весь остаток дня купался, загорал и перечитывал работу Соловьева «Диоскурия–Себастопольс–Цхум».

– Простите, это ваши ласты? – спросил какой-то парень в плавках, хотя, кроме меня, около ласт никого больше не было.

– Мои, можете взять поплавать, – понял я его мысли, так как сам иногда задавал подобные вопросы.

– Здесь нет ничего интересного под водой, – заметил он, – вот в Гудаутах – другое дело. Там есть места со скалами, гротами, водорослями и рыбами. Вы там еще не были? Поезжайте. На пляже вам их укажут.

* * *

Утром я обнаружил, что в экспонометр проникла сырость и он перестал реагировать на освещенность. Пришлось подержать его на солнце и ветре минут двадцать, пока экспонометр снова начал работать, как и прежде.

Мы сели в автобус и поехали в Гудауту. Этот город расположен южнее небольшого мыса. Не доезжая до города, где берег образует излучину, с дороги видна небольшая плоская скала, выступающая из воды в двухстах метрах от берега. С ее юго-восточной стороны поднимался целый столб брызг, несмотря на небольшой прибор.

– Здесь есть четыре места, где можно понырять среди подводных скал, водорослей и рыб, – сказал нам начальник спасательной станции, когда мы прибыли туда.

– Одно из них находится прямо на этом пляже, в двухстах метрах отсюда, напротив балки, которую вы проходили.

– Другое – не доезжая Гудаут, если ехать из Сухуми. Вы видели плоскую скалу в море? Там есть место, где при волнении образуется течение, которое может затянуть ныряльщика в грот.

Я сразу вспомнил столб брызг возле одного края скалы, которую мы видели проездом. Позже, в полный штиль, там я видел даже купающихся мальчишек.

– Третье место расположено против Гудаутского мыса, а четвертое, самое лучшее для подводной фотографии, находится на Серой Бабе. Это не доезжая до Белой речки нескольких километров. Там вы найдете то, что вам надо.

Мы отправились дальше. Не доезжая до Белой речки, водитель нас высадил против Серой Бабы, и через километр пути, перелезши через несколько заборов в каком-то саду среди

виноградников и груш, мы, наконец, увидели море. Справа на горизонте виднелись светлые обрывы южной части Пицундского мыса, а слева рядом – невысокие скалки Серой Бабы.

Добежав до скалок, мы чуть было не затоптали в расщелине какое-то семейство, нежившееся в тени, вокруг которого были разбросаны ласты, маски, трубки и скорпены.

Сильно разрушенный конгломерат во многих местах имел ниши, под которыми можно было спрятаться от солнца, а со стороны моря вглубь скалы уходили длинные пещеры, так что мы, расположившись на скале, фактически находились над пещерой и гулкий звук под ногами напоминал нам об этом. В прозрачной воде лежали обломки скал, а белый песок белел между ними. Метрах в стах над водой возвышалась макушка скалы.

Подвязав толстым шпагатом сумку с батареями к животу и надев снаряжение, я спустился со скалы в воду. Дно понижалось постепенно. Каменный хаос густо зарос цистозирой и лишь изредка попадались лужайки песка. Морские собачки юрко шевелили хвостиками, улепетывая во все стороны, а рулены, «надув губы», задумчиво смотрели на приближавшееся чудовище, а затем медленно уходили в водоросли.

Я подплыл к выдающейся до поверхности скале. Это была глыба с отвесными стенками, основание которой уходило вниз метров на пять. На ее стенке, в такт волне, плавно двигались кустики водорослей, а против них порхали мелкие рыбешки. Они то стояли неподвижно, то совершали небольшие пируэты, одновременно в одну или другую сторону.

Я нырнул на три метра и нацелился на них аппаратом. Яркая вспышка осветила все вокруг, но рыбки ее как будто не заметили. Вероятно, это были мальки зеленушек. Однако, когда расстояние между мной и ими сократилось до двух метров, они все, как по команде, нырнули в этот куст.

После мутной воды и пустого песчаного дна Сухуми, на подводных скалах Серой Бабы я, наконец, любовался прекрасным подводным ландшафтом со всевозможными рыбками, как любителю человек, попавший в хороший день в лес после продолжительного пребывания в тумане.

Я обогнул под водой глыбу и попал под нависший ее край. Стало темновато. Вдруг впереди какие-то руки потянулись ко мне с глубины. Еще не соображая, что это такое, я интенсивно сделал «пируэт», если можно его так назвать, и рванулся назад, так как нырнуть здесь было плохо. Только очутившись на поверхности я опомнился и залез на скалу отдохнуть.

– Эй, на скале! – послышался крик с берега.

Я насторожился, дав понять, что расслышал.

– Там под скалой в гроте что-то с щупальцами, туда не ныряй!

Это уже я сам видел и теперь думал, с какой стороны заплывать, чтобы можно было как следует рассмотреть что это такое, и, в случае чего, удрать.

Я опять залез в воду, нырнул на прежнее место и, немного обогнув глыбу, снова попал в темноту. Лишь впереди маячил свет. Ничего и никого не было видно, я немного углубился и продвинулся еще на метр.

Вдруг снизу из темноты прямо ко мне взвились два колеблющихся змееподобных тела, каждое толщиной с кулак, но не достав меня тут же втянулись опять в темноту. Я, нажав на спуск затвора и осветив на мгновение все слепящим светом, пулей выскочил на поверхность. Мне показалось, что это нечто могло быть неживым предметом, так как одновременно с ним ко мне в тот момент потянулись и водоросли. Ведь осьминогов в Черном море нет.

Немного отдышавшись, я снова погрузился на то же место, решив теперь уж не удирать. Оказавшись на месте, я больше ничего не увидел, хотя проторчал там с минуту. Затем я нырнул вторично, затем – третий раз и еще несколько, но то, что меня вначале испугало, не показывалось.

– Ушло, – подумал я и поплыл в другое место. Я выплыл и оглянулся. Ко мне на помощь плыл с трубкой какой-то подводный спортсмен. В руках он держал гарпунное ружье.

– Ну, видел? – спросил он меня, направив мне в живот свой гарпун. У меня по спине «забежали мурашки» и я, стараясь отойти в сторону, ответил утвердительно. Но спортсмен сделал полуоборот и снова направил мне в живот свой гарпун.

– Он плыл ко мне на помощь вероятно с открытым предохранителем, – подумал я, – и его рука наверное со всей силы сжимает ружье, а вместе с ним и курок, – работал мой мозг одновременно с телом, которое сейчас делало не менее сложный «пируэт», чем пять минут тому назад, пытаюсь оказаться сбоку от подводного ружья.

– Видел? – продолжал допытываться мой защитник, не расслышав моего ответа и подплывая ко мне вместе со своим гарпуном вплотную.

– Убери гарпун, – крикнул я, начиная выходить из себя.

Наконец до него дошло и он смущенно повернул ружье вниз стволом.

Объяснившись, мы поплыли в разные стороны. Нырнув до дна, я поплыл вперед, фотографируя рулен, зеленушек, зубариков и других рыб, многие из которых, впрочем, только крупные экземпляры, после каждой вспышки исчезали со скоростью ракеты. Другие же не обращали на нее никакого внимания, особенно мелкие рыбки. Объектив «Орион» с фокусным расстоянием в 28 мм, задиафрагмированный до 11, обеспечивал резкое изображение от семидесяти сантиметров и дальше, 8 энергия света в сто джоулей давала достаточную освещенность при этой диафрагме до 1–1,5 метра.

Позже я ругал себя за то, что так сильно диафрагмировал, так как рыбы, находившиеся на два-три [метра] от аппарата, на негативе оказались «недодержанными». Нужно было оставить диафрагму 6. При этом плотнее получился бы и дальний план, так как выдержка 1/25 секунды, при которой снимают с импульсной лампой, обеспечивала бы изображение дальнего плана, куда недостает свет лампы.

Я никак не мог сфотографировать ласкиря – морского карася. Это пугливая рыба, лишь только заметив, что я ею заинтересовался, моментально поворачивалась ко мне хвостом и продолжала следить за мной в таком положении одним глазом. Вполне понятно, что в таком положении снимать ее было бесполезно, так как она имела вид тонюсенькой вертикальной палочки. Это было равносильно тому, что сфотографировать со стороны торца лист бумаги.

Вдохнув воздуха, я сделал вид, что плыву в сторону и стал гибать ее. Но противная рыба продолжала поворачиваться ко мне хвостом, как будто у нее в хвосте был пулемет. Тогда я погнался за ней. Ласкирь не спеша поплыл прочь, хотя я развивал предельную скорость. Он не старался исчезнуть, а держался от меня все время на расстоянии трех метров. Когда я вынырнул, чтобы подышать, он останавливался, поджидая меня.

Так прошло минут десять и мое терпение кончилось. Я сделал очередной вдох и прямо сверху, как гром среди ясного неба, бросился на ласкиря. По крайней мере, мне так казалось. Вероятно, выражение моего лица не предвещало ничего хорошего, так как ласкирь сделал молниеносных два прыжка и исчез вдали по прямой линии, промелькнув над скалками и водорослями. Я его так и не щелкнул.

Нужно было изменить тактику подхода к рыбам. Хотя и неудобно подкарауливать из-за угла, но и стал поступать именно таким образом. Отдышавшись как следует, я нырнул вниз и поплыл над дном к выступавшей со дна глыбе. Затем, обогнув ее, я внезапно появился в расщелине среди изумленной «публики». Рыбы еще не успели сообразить в чем дело, как я их уже сфотографировал. Затем, конечно, зеленухи ушли в водоросли, курносая рыжая рыба с продольными светлыми полосами нырнула в дыру в глыбе, а ласкари повернулись ко мне хвостом. Лишь морские собачки продолжали лежать на дне неподвижно. Так всегда вели себя эти породы рыб, никогда не изменяя своей тактике бегства.

Таким образом, выворачиваясь внезапно из-за скалы, я продолжал фотографирование. Проплывая как-то над небольшим ущельем, я заметил большого мраморного краба, сидящего в задумчивой позе на крупной гальке. Зачем-то он постукивал по камню своей левой клешней с методической равномерностью. Казалось, он отбивал секунды. Когда я проплыл над ним в двух метрах, постукивание прекратилось, но стоило мне немного удалиться, как краб снова занялся прежним делом.

Однажды я осторожно выглянул из-за камня и увидел несколько ласкирей. Они стояли в воде, чуть подаваясь вперед

и время от времени останавливаясь. Ласкирь красивая рыба. Светло-серебристое, полупрозрачное тело ласкиря сплюснуто с боков, как блин, и слегка вытянуто к голове и хвосту. У основания хвоста на боку ярко выделяется черный прямоугольник. Но насколько ласкирь широк, настолько он и тонок. Если его сфотографировать в анфас, то на фотографии получится тонкая палочка и никто вам не поверит, что это рыба. Сколько я не гонялся за ласкирями, всегда они уплывали от меня по прямой линии через водоросли, щели и гроты, не делая попытки спрятаться, что никогда не забывают делать другие.

Возвращаясь, я проплывал мимо той глыбы, под которой в темноте меня пугали какие-то щупальцы. Но после того, как я набрался страху перед гарпуном, готовым в любую минуту вылететь со страшной скоростью, эти загадочные щупальцы не казались уже опасными. К тому же, поразмыслив, я решил, что это было что-то неживое.

Я нырнул под подводную нишу и очутился опять в темноте. Вокруг были водоросли. Раздвигая руками цистозиру, я, наконец, наткнулся на какое-то светлое засуетившееся приведение, подхваченное потоком воды от моих движений. Схватив его за одну конечность, я ощутил такое, как будто схватил туман. Нечто толстое в руке стало тонким, а вторая такая же конечность вслед за водой потянулась к моей руке. Я повернул назад и потащил за собой на свет что-то цепляющееся за кусты, как вдруг жгучая боль полоснула меня по ноге, а затем еще и еще. Поспешно бросив эту вещь, и стал быстро подыматься, так как уже давно было пора отдышаться, но ногу жгло во многих местах и ее облекло нечто мягкое, противное.

Сделав несколько вдохов, я схватился за ногу. Шевелящаяся масса вроде белой тряпки с обрывками цистозеры обвила ногу и ужасно кусалось. Я рванул ее что было силы. Какие-то темные внутренности вываливались наружу, и в следующий миг я различил множество падающих на дно крабов. В руках у меня были обрывки белой рубашки.

В другое время я бы рассмеялся, но сейчас мне было не до смеха. Я тер ногу, а потом бросился собирать крабов.

Видимо, кто-то несколько дней собирал крабов в старую рубашку и прятал ее под скалу. Ее рукава колебались там в такт прибоя, пугая подводных охотников. Вероятно, когда я от нее удирал, завихрением воды от ласт запутало рукава о цистозиру и рубашки не стало видно.

– Эй, на берегу! – крикнул я подводному спортсмену, корчась от смеха, сев на надводную часть скалы. – Держи осьминога! – и показал ему «страшного зверя», подняв остатки рубашки над головой.

– Вот так люди с перепугу и тонут! – подумал я, подплывая к берегу.

Возвращаясь, я увидел на песке у берега трех песчанок зеленовато-синего цвета с темно-синей полосой вдоль боков.

Они лежали параллельно друг другу на расстоянии нескольких сантиметров.

Я сфотографировал их с семидесяти сантиметров. Песчанки засуетились, но сейчас же опять легли на песок в прежней позе.

Я вспугнул их снова. Они, немного поплавав вокруг, легли на песок точно в таком же положении, в каком были до этого. Я разогнался и, замахав руками, разогнал их во все стороны, проплыв над тем местом, где они лежали. Но пока я поворачивался назад, они снова успели лечь на песок в прежней позе. Я снова неоднократно набирал воздух и разгонял песчанок, однако, все повторялось в прежнем духе. Казалось, мы играли в игру «кто кого переупрямствует». Я уже достаточно замерз и еле набирался терпения разгонять этих рыбок, но результат был прежним. Вероятно, в этот момент инстинкт заставлял их совершать какие-то условности. Какие? Этого понять было нельзя. На прощанье я ворвался к ним и взбаламутил всю воду. Поплыв к берегу, я оглянулся. Песок быстро осел, а на песке, все в той же позе, лежали три маленькие песчанки.

* * *

Еще через несколько дней мы съездили в Новый Афон. Там, на вершине зеленой пирамидообразной Иверской горы, белели развалины стены, где когда-то располагался древне-

греческий форт Анакопия. А правее, на фоне голубого неба, сквозь кипарисы красовался и сам монастырь. Слева светлый галечный пляж окаймлял аквамариную поверхность удивительно спокойного моря, на поверхности которого в трехстах метрах от берега плавал огромный белоснежный пеликан.

Осмотрев монастырь и разместившийся внутри него музей, где все посетители смотрели на экспонаты, а отдельные, сидя на корточках за спинками стульев, молились богу, держа тонкую восковую свечку, мы пошли на реку Агараки, куда шла масса народа.

В небольшом озерце, образованном плотиной за отводом водопровода, по которому вода поступала в город, несколько верующих греков тщательно умывали свое лицо. Тут же несколько старух с молотками, казалось, занимались геологией, выколачивая на берегу из известняка жилы кальцита и сидерита, окрашенных в бурый цвет окислами железа.

Я поинтересовался, с какого они геологического управления, думая, что встретил коллег по искусству. Но в ответ услышал целый град упреков. Наконец одна из них, поняв мою необразованность, объяснила, что это застывшие брызги крови святого Пантелеймона, которому на этом самом месте иноверцы отрубили когда-то голову. С тех пор сюда в этот день сходятся верующие его помянуть, а заодно и сбросить часть грехов, от которых можно частично освободиться простым умыванием в озере (святое место), или поставленной здесь же на камни свечкой или приобретением себе кусочка «крови Пантелеймона».

Оказывается, мы попали сюда как раз в день святого Пантелеймона. Раньше этот день здесь обязательно сопровождался кровопролитием – убивали какого-нибудь иноверца. Но теперь времена иные и святой день празднуют мирно.

Тут же мне предложили купить образец известняка с «кровью» Пантелеймона, которые были разложены на сукне для продажи. Я сказал, что сам готов продать любую каменюку и пошел со своими попутчиками на пляж.

Дно моря у пляжа было галечное, кончавшееся через 10–20 метров крутым уступом с выступом высотой около одного

метра. Дальше шел сильно илистый песок и дно очень полого понижалось.

Я нырнул на глубину 2–3 метра. На гальке не было ничего живого и лишь вдоль уступа, придерживаясь границы с илистым песком, плавали морские собачки, бычки и еще какие-то рыбки. Тут же я увидел песчанок и прозрачную, как стекло, маленькую камбалу. Я накрыл ее ладонью, но она вдруг вывернулась и залегла рядом. Я попробовал накрыть ее ладонью снова. Но камбала каждый раз успевала выпрыгнуть из-под нее, изгибаясь в горизонтальной плоскости, и тут же рядом снова падала на дно, вероятно думая, что ее не видно.

Это было похоже на ловлю блох в темноте, так как я беспорядочно колотил ладонями илистое дно, поднимая целые тучи мути, а камбале этого только и не доставало.

Я поплыл вдоль уступа гальки, рассматривая мерешек с раками-отшельниками. Лишь в одном месте я заметил длинную необычную и острую раковину белого цвета, из которой тоже выглядывал рак-отшельник. Это была раковина игольника или церитиума – брюхоногого моллюска, питающегося растительной пищей. Живет он обычно среди илистого песка, ила лагун и зоны мидиевого ила. К берегу его раковины прибывают со стороны.

Больше, кроме рапан, здесь ничего не было, наступил уже вечер, и мы отправились в Сухуми.

Стены подводного города

Прошло еще несколько дней. Нужно было что-то предпринимать и я отправился в институт туризма.

– Я сейчас занят подготовкой к изданию одной работы и не могу сам этим заняться, – сказал Вианор Панджович, – но сейчас приехал Леонид Алексеевич Шервашидзе, который проводит раскопки и подводные исследования развалин. Он вам, конечно, поможет. Я ему сейчас позвоню.

Через полчаса я был у Шервашидзе. Он сидел в окружении осколков и обломков каких-то плит и камней со следами надписей и рисунков.

– Нырять я с вами, к сожалению, не могу, так как еще не зажила нога. Но вам может показать это место начальник спасательной станции, с которым мы вместе осматривали эти стены под водой. Если вы читали Олдриджа, то, вероятно, помните, что он осматривал эти руины также вместе с ним. Я вас познакомлю.

По пути к спасательной станции Шервашидзе внезапно остановился возле лестницы, спускавшейся с набережной к морю в 220 метрах не доходя до ресторана Диоскурия.

– Здесь в 1957 году была раскопана мощная стена с остатками башен, выложенная из булыжника с кирпичными поясами, – пояснил он, показывая на зеленые насаждения бульвара, протягивающееся вдоль по улице. – Ее кладка и материал, из которого стена сделана, оказались такими же. Как и у остатков стен, обнаруженных на дне бухты. По всей видимости, это был единый оборонительный комплекс, сейчас наполовину затопленный морем.

– По характеру кладки камня различные участки стены, которая была раскопана здесь, подразделены на сооружения I, II, IV и XVIII веков нашей эры, т. е. в эти века разрушенные участки крепости ремонтировались и достраивались.

– Возле этой каменной лестницы стена поворачивала под прямым углом по направлению к морю, где далее она угадывалась по валявшимся на дне камням.

– В море, в 120 метрах от берега, на десятиметровой глубине я прослеживал остатки южной стены крепости, вернее, кучи камня и отдельные фрагменты стены, которые, в общем, протягиваются параллельно берегу, – продолжал Леонид Алексеевич свой рассказ. – Там же мы находим обломки амфор античного времени и другие вещи.

– Это была крепость Севастополис, или как ее еще называют Севастополь, построенная на развалинах Диоскурия римлянами в I веке нашей эры и просуществовавшая, вероятно, до VII века под защитой Византии.

– Раньше, при Екатерине II, после присоединения кавказского побережья к России, думали, что древний Севастополь находится в Крыму, где также имеются затопленные

морем развалины, и поэтому современный Севастополь получил это название. Но впоследствии выяснилось, что то были остатки древнего Херсонеса. Кстати говоря, современный Херсон получил свое название при той же Екатерине и таким же образом: в то время думали, что Херсонес был там. Екатерина хотела оставить поселениям их прежние названия, существовавшие еще в древние и античные времена, но ее историки все перепутали. То же произошло с Ольвией и Одессой.

– А где же остатки сооружений древней Диоскурии? – спросил я.

– Соловьев думает, что ее постройки были разрушены морем. Возможно, они были деревянными и поэтому не сохранились. Да если они [были] и каменными, то, как указывается у древних историков, Диоскуриада неоднократно опустошалась набегами разных племен и завоевателей. А для вновь восстанавливаемых укреплений материал брался в первую очередь из развалин. Если это было так, то найти его теперь весьма трудно.

– Какие вы выделяете самые поздние постройки среди развалин этих стен и башен, – задал я необычный вопрос, подходя к ресторану и спасательной станции.

Шервашидзе удивленно глянул на меня, как бы с сожалением, что я до сих пор этого не понял.

– Конечно, турецкую крепость XVIII века, – ответил он с разочарованием в голосе.

– А я в этом комплексе вчера выделил еще более молодую кладку камня, – бойко заявил я, наблюдая за все возраставшим удивлением на его лице. – Это кладка XX века. Вот она! И я показал на стены ресторана, выложенные среди развалин углового бастиона турецкой крепости так, как выкладывают горцы сейчас каменные заборы из крупной гальки на цементе, а местами и фундаменты турлучных домов.

Мой собеседник громко расхохотался.

Наконец мы пришли. Начальник спасательной станции Вениамин Иванович Скасырский, с которым меня познакомили, ответил на мой вопрос с предельной конкретностью:

– В сорока метрах в сторону моря от последнего остатка видимой под водой стены турецкой крепости, которая идет перпендикулярно берегу против ресторана. Вон там.

Больше мне ничего было [не] нужно. Я надел маску и ласты и очутился в мутном подводном мире. Вода была до того мутной, что видимость на глубине двух метров составляла всего два метра по горизонтали. Покрутившись над ближайшим подводным выступом турецкой стены в двадцати метрах от берега и не доходящей до поверхности на полметра, я проплыл нужное расстояние, набрал побольше воздуха, и ушел вертикально вниз обычным способом.

На глубине двух метров в воде появились мелкие белые нити и хлопья, а на четырех метрах муть стала настолько густой, что «хоть топор вешай», – как говорит поговорка, – «не потонет». Здесь вода была темно-зеленовато-бурой, со множеством рыжих хлопьев. Я плыл вниз с вытянутой вперед рукой, чтобы не сокрушать лбом и без того малые остатки стен древнего Севастополиса. Немного проплыв на небольшой глубине, я поднялся на поверхность. Сделав несколько вдохов и снова уходя в эту непроглядную мглу, у меня перед глазами вдруг появились шевелящиеся водоросли. Нажав на все «тормоза» я уперся маской в цистозиру. Это была верхняя часть сильно разрушенной стены, стоявшей параллельно берегу и выступавшей над дном метра на две-три. До поверхности моря она не доходила метра на четыре, а глубина составляла метров семь.

Стена обросла мидиями, среди которых торчали пучки цистозир. Больше ничего нельзя было в потемках разобрать, и я решил терпеливо «ждать у моря погоды», то есть чистой воды.

Через несколько дней [вода] стала как будто чистой. У берега гальку было видно до глубины одного метра. Я стоял на берегу и держал сумку с батареями и конденсатором, облаченную в два полиэтиленовых мешочка, и медную раму, и никак не мог решиться ее надеть, то есть привязать шпагатом к своему животу. Уж слишком неудобно было с ней изгибаться подобно дельфину, чтобы можно было быстро пойти верти-

кально вниз. К тому же из-за этих резких изгибов я порядком уже натер шпагатом плечи.

И вдруг у меня возникла мысль привязать ее к спине без медной рамы. Я обвязал сумку шпагатом, как посылку, а затем им же притянул ее к пояснице, завязав узел на животе.

– Не к добру это, – говорили понимающие люди, – прорвется сумка, проникнет соленая вода и ваш конденсатор громадной емкости разрядится через ваше тело. Вам после этого будет уже все равно.

Я сам думал, что после этого мне будет уже все равно, но усовершенствовать подвязку, чтобы можно было быстро сбросить все, в случае необходимости, каждый раз откладывал «на потом». Так и на этот раз.

От сумки за спиной отходил хорошо изолированный шнур, который, огибая плечо, подходил к аппарату. Аппарат всегда я держал в вытянутых руках, ближе к цели. Когда он мне был не нужен, я его вешал на шнурке через плечо, как автомат.

Первое же погружение показало преимущество нового способа подвязки батарей. Я изгибался, выпрямлялся и с удовольствием чувствовал, что шпагат не режет плеч. Все стало просто и удобно.

Отплыв на шестьдесят-семьдесят метров от берега, я нырнул. Верхние два-три метра вода имела удовлетворительную прозрачность, но ниже по-прежнему стояла муть, хотя и не такая густая, как прежде. Однако видимость составляла один метр.

Разыскав остатки стены, которые уже раз видел, я сделал несколько снимков, облепивших ее мидий. Это единственное, что можно было сейчас сфотографировать с расстояния меньше метра, а также морских собачек, почти ползавших по мидиям. Кое-где встречались рапаны, присосавшиеся к мидиям. У подножия стены два каменных краба судорожно попятнулись, когда я внезапно появился из «тумана» прямо перед ними.

Это были две выступающие развалины, стоящие в створе вдруг с другом. Здесь рядом, видимо, был угол крепости, так как западный конец этого сооружения, если всплыть и глянуть на берег, находился под прямым углом к створу турецкой стены, идущей с берега в море.

Восточнее подводных стен, если плыть параллельно берегу, на дне лежали лишь кучи камней и отдельные камни, покрытые ракушками и водорослями, среди которых прятались крабы. Через 200–300 метров «кучи» исчезли, зато по отдельным камням угадывалось новое направление, куда завернула стена. Оно вело к берегу, как раз к тому месту, где Шервашидзе показывал мне на берегу участок поворота крепостной стены в море. Таким образом, Севастопольская крепость имела 220 метров длины и около 100 метров ширины. В античное время различные поселения, а особенно военные укрепления, на Черном море вообще большими не строились.

Едва я вылез на берег и пришел на наблюдательный пост спасательной станции, как вдали взвилась ракета. Не прошло и десяти секунд, а на место происшествия уже летел глиссер с аквалангистом Аликом, как его все здесь зовут, и медсестрой на борту. Пока Алик искал на дне пострадавшего, выяснилось, что тревога ошибочная. Мнимый утонувший пил пиво в закуской на берегу, когда его товарищи вдруг спохватились, что одного недостает.

– Много у вас таких случаев? – спросил я Алика, когда он возвратился после получасового погружения.

– Сорок пять из пятидесяти! – последовал ответ.

Спасательная служба здесь поставлена отлично.

В последующие несколько дней я купался на медицинском пляже и думал о том, что Сухумская бухта в районе крепости неудобное место для подводной фотографии. По крайней мере, в августе, когда я там был. Постоянная медленно оседающая муть ограничивает видимость под водой до 1–2 метров. Такое состояние воды вызвано, с одной стороны, рекой Беслеткой, выносящей массу глинистых частиц после дождей. Кстати сказать, близость Колхидского побережья чувствуется нередко и здесь. С другой стороны, муть вызывается прибоем, взмучивающим песчано-илистый грунт дна.

Таким образом, археологические документы в летнее время года часто скрыты от глаз подводных исследователей. В мутной воде, разумеется, возможности археолога весьма ограничены. Например, эти стены, которые найти можно всегда, если знаешь их расположение. Стоит только нырнуть. Но сделать какие-либо наблюдения уже трудно. И снимавшим здесь (на поверхности) документальные фильмы о потонувшем городе подводные съемки пришлось делать в Ялте.

Через несколько дней волнение несколько уменьшилось, и вода стала прозрачнее. Дно у берега было видно до полутора метров – небывалый случай за все время моего пребывания. Однако на уровне подводных стен по-прежнему держалась муть, только она теперь стала реже и вместо бурого приобрела белесый оттенок.

Фотографировать было все равно нельзя, но кое-что рассмотреть наверное было можно и я решил определить, в какую сторону наклонены эти стены. Еще на берегу Шервашидзе мне говорил, что все древние сооружения имеют крен к северу, т. е. в сторону берега.

Для меня это имело некоторое значение, потому что, изучая современные прибрежные россыпи, следовало знать их перемещение в процессе формирования берегов и наступления моря. А наклон стен как раз указывает на изменение наклона поверхности дна и на направление этого наклона. И хотя мой объект работ был значительно севернее, в районах устья Мзымты и Таманского полуострова, пренебрегать этим единственным достоверным случаем было нельзя.

Повиснув на поверхности моря над стенами, я учащенно задышал, чтобы с избытком насытить кровь кислородом и когда почувствовал как бы легкое опьянение (попробуйте очень часто дышать), решил, что хватит. Сделав последний глубокий вдох, я изогнулся пополам, «выбросил» ноги вверх и устремился вниз.

Вначале внизу передо мной открылось голубовато-серое матовое пространство, но метра через три вокруг несколько потемнело – это я вошел в нижний мутный слой воды. Вдруг, как сквозь туман, в метре от моих глаз зашевелилось что-то

мохнатое и в следующее мгновение уже были различимы колеблющиеся кустики цистозиры. Это были верхушки стен. Вокруг же был зеленоватый подводный туман, скрывающий все, что удалено дальше полутора метров.

Я схватился за кусты и подтянулся к стене, а затем поплыл вдоль к ее подножию. Но определить, в какую сторону наклонена стена, оказалось не так просто.

В мутной воде трудно представить себе вертикальное или горизонтальное направление. Ведь я находился почти в состоянии невесомости и, хотя чувствовал, где низ и где верх, но точно эти направления не представлял. Сколько я ни хватался за стену, сколько я не лазил по ней, я мог с одинаковым основанием утверждать, что стена имеет наклон к морю, или же что она наклонена к берегу.

У основания стены лежали камни и ил, образовавшие неровную поверхность, на которую ориентироваться, как на горизонтальную плоскость было нельзя, по крайней мере, с расстояния в полутора метров.

Я пробовал повиснуть против торца стены и попытаться занять горизонтальное положение, а затем посмотреть на положение стены. Результат от этого иным не стал. Это был мартышкин труд и я уже решил от него отказаться.

При последнем погружении у меня еще оставался какой-то запас воздуха в легких и я, сам по себе, начал всплывать. Часть торца стены при этом перед моими глазами стала уходить вниз и немного отклонилась вправо.

– Вероятно, стена имеет наклон вправо, – подумал я. Вынырнув, я сориентировался по берегу и погрузился снова, чтобы повторить эксперимент. Волновое колебание воды могло меня смещать в ту и другую стороны на разные интервалы, которые в сумме должны были компенсировать друг друга.

Все повторилось в прежнем духе, и я был теперь уверен, что определил наклон стены. Всплывая, я перевернулся животом вверх и надо мною понеслись несколько пузырьков. Тут у меня родилась идея выпустить пузыри в нижней части стены и проследить их подъем. С той стороны, с которой стена нависает, пузыри должны были цепляться за ее неровности, а с противоположной – при подъеме отходить от нее.

Набрав воздуха, я погрузился снова я, отогнув в сторону водоросли, подул через трубку на стену. Куча пузырей безобразно понеслась вверх, цепляясь за что попало. В следующий раз я выпустил всего несколько штук и они полезли по стене, более аккуратно, цепляясь за мидий, облепивших стену. Когда и это же проделал на противоположной стороне стены, пузыри, зацепившись на несколько створок, устремились вверх, не касаясь стенки. Таким образом, наклон стены угадывался и совпадал с прежними определениями.

Было ясно, что стена имела крен в ту же сторону, что и древние сооружения на берегу.

Когда Соловьев и Шервашидзе проводили раскопки на берегу, как я уже говорил, они были немало удивлены, заметив наклон всех сооружений в одну и ту же сторону, не только древних, но и более поздних. Кроме того, наклон всех стен был примерно одинаков.

Следовательно, углубление бухты, сопровождавшееся изменением наклона дна и берега, произошло в более позднее время, чем эти постройки и в сравнительно короткий промежуток времени.

Изучение новейших морских отложений и рельеф морского побережья показали, что такое внезапное ускорение наступания моря действительно происходило около 1–2 тысяч лет тому назад. Это был последний (второй) ускоренный темп морской трансгрессии, которая поглотила целый ряд древних поселений.

Повышение уровня Черного моря происходит и в наши дни со скоростью в среднем 3 миллиметра в год, тогда как уровень мирового океана повышается сейчас на 1 миллиметр в год.

Вследствие тектонических причин, различные части побережья погружаются с разными скоростями. В Сочи, например, сейчас дно понижается со скоростью 18–20 миллиметров в год, а после известного Крымского землетрясения в 1927 году в районах Судака и Алушты наблюдалось заметное опускание ряда участков морского дна.

Такие движения отдельных областей Кавказа не являются необычными, так как Кавказ – молодое горное сооружение,

находящееся в стадии горнообразования, которое продолжается и в наши дни (так называемый альпийский орогенез). Поэтому неудивительно, что в определенные периоды исторического времени побережье Кавказа испытывало опускание еще в более ускоренном темпе, чем обычно. Эти периоды так и были названы «ускоренными темпами трансгрессии».

Их было в историческое время минимум два. Последний из них, т. е. второй, был, как уже упоминалось выше, 1–2 тысячи лет тому назад. Поселения того времени и береговая линия сейчас находятся на глубинах от 2–4 метров – у Таманского полуострова, до 7, а возможно и до 10 метров – на юге Кавказского побережья. Первый темп ускоренного наступления моря был 5 или 6 тысяч лет тому назад. Отложения того времени сейчас погребены под толщей воды в 7–9 метров – у Таманских берегов, а на юге Кавказа – до 16 метров.

Кстати говоря, в Сухумской бухте при постройке причальной пристани на дне проходились буровые скважины. В одной из них найдены черепки глиняной посуды самого начала бронзового века или еще до него, датируемые временем 3500 лет до нашей эры. Они были обнаружены под слоем морских отложений, мощностью в 9 метров, находившихся в свою очередь, на глубине 7 метров. То есть, черепки находились на 16 метров ниже уровня моря.

Гораздо позже на берегу раскопали слой вязкой глины с черепками посуды, кремневыми и другими орудиями, костями животных, датируемый переходным периодом от каменного к бронзовому веку, то есть энеолитом (или медный век, который существовал от 5 до 3 тысячелетия до нашей эры). Этот слой с остатками культуры залегал на глубине четырех метров и имел падение в сторону моря, так что (как говорит Соловьев) если его продолжить мысленно по падению в сторону моря, то в области моря он будет находиться под морскими отложениями, примерно на том уровне, где были обнаружены черепки.

Это доказывает, что черепки бронзового века не случайно попали на дно, а находятся в слое наносов, опущенном уже на 16 метров, сравнительно с их первоначальным положением, то есть с тем временем, когда море было еще опресненным

(древне черноморский бассейн), Босфорский пролив только образовался, после чего море стало постепенно осолоняться. В древнем Египте тогда только образовалось рабовладельческое государство и начала царствовать первая династия фараонов. Вероятно, в это же время совершали свое плавание и легендарные аргонавты.

Р. Х. АГУАЖБА

РАССКАЗЫ КЯМЩЫЩА ГУАРАМИА

Охотник Хазгери

Был некогда знаменитый охотник Хазгери, прозвище он имел «Поражающий печень». Однажды на охоте он шел, шел, как вдруг увидел оленя и, выстрелив, ранил его. Идя за дичью по следу, по струйке крови, сочившейся из раны, он увидел, как вдруг у скалы раскрылись врата, подранок вошел туда, и он вослед за ним. Вокруг все пространство было заполнено дичью. Раненый олень смешался со стадом. Хазгери увидел здесь сверкающие хрустальные замки, и ему стало не по себе, но он вошел во внутрь. На постели лежал привязанный шелковой нитью к кровати сам Ажвейпшаа.

– Добро пожаловать Хазгери – Поражающий печень. Как тебя к нам занесло? – спросил он.

– Видеть тебе добро! Вот так и прибыл! – ответил охотник.

– Иди сюда, добро пожаловать!

Вся дичь, вплоть до змей, начала собираться по отдельности. Дочь Ажвейпшаа прохаживается вдоль и поперек.

– Ты никогда до этого не обделяла долей Хазгери, так забейте в честь него лучшую дичь – сказал Ажвейпшаа.

– Пойдите и выберите, – последовало указание отчаянному Хазгери.

Ухватив за голову, вывели дичь, она вся в крови – это в нее выстрелил охотник. Зарезали ее, освежевали, голову отдельно положили в глубокий золотой поднос. После сытного обеда дочь Ажвейпшаа обратилась к гостю:

– Какой ты решительный, что прибыл к нам, – и протянула ему ножик. – Не теряй его, пока он у тебя, ты наш.

Гуарамия Кямщыц,
знаменитый охотник
из с. Гуп.

Он принял подарок и незаметно спрятал его под лопаткой дичи (видать, он был далеко не прост). Затем все кости положили в золотой поднос, она ударила их плетью, и оттуда выскочил оживший олень и быстро отбежал в сторону.

Дичь, которую добывают, прежде должна пройти через руки Ажвейпцаа. Он должен отведать ее, только после этого она достается человеку. Но если он ее не пробовал, то охотнику она не достается. Привяжи дичь и стреляй в нее хоть сто раз – все равно не убьешь. То, что Ажвейпцаа не поел, он не имеет права отдавать. Это истина, я ее так и воспринимаю.

Хазгери стал собираться

– Хазгери, ты уходишь?

– Ухожу.

– Иди, счастливого пути.

– Если отпускаете, я ухожу, – сказал он.

– Как мы тебя не отпустим, иди, – ответили ему.

Выйдя со двора, он быстро пошел вперед. Вскоре Хазгери увидел, как на том месте, где он выстрелил, пасется олень, и метким выстрелом поразил его. Он ведь помнил, что совершил недавно, и когда разделявал дичь, то, осматривая лопатку, увидел там ножик – подарок дочери Ажвейпцаа.

Вытащив его, Хазгери спрятал ножик, зашив под рубашкой. Случай этот стал известен. В любом месте, на охоте ему являлась дичь, даже там, где ее никогда не было. «Пока наш дар у тебя – ты наш. Куда бы ты не отправился, есть там дичь или нет ее – мы всегда придем твою долю», – так благословили его у Ажвейпщаа. Как не выйдет Хазгери на охоту, удача всегда сопутствует ему. Были завистливые князья и дворяне. Они решили вызвать его на спор. Хазгери отправился на охоту и вскоре вернулся с добытой серной. «Проверьте его, когда он будет спать. У него что-то есть», – сказал один из завистников. Поручили это женщинам, на что только не способна женщина. Ночью они его осторожно ощупали – Хазгери ничего не почувствовал, видно рок был близок. Пол мышкой у него обнаружили ножик и осторожно вытащили его. Проснувшись утром, он обнаружил пропажу, но ничего уже не сделаешь.

– Обездолен стал я на старости! – воскликнул Хазгери.

– Уходи отсюда! – потребовали хозяева.

Хазгери ушел восвояси.

Но впоследствии последовало наказание. Род этих людей, совершивших недостойный поступок, полностью пресекся. Это был реальный случай.

*Со слов Гуарамии Кямщыца Тоуныс-ипа,
110 л. С. Гуп, записал Когониа В. А. 03.03.1991 г.
Перевел с абхазского Р. Х. Гожба*

Дичь, которую суждено взять

Да не иметь мне совести, если я когда-либо брал более пяти голов дичи.

Утром, когда встаешь, и выходишь из дома, надо обращаться к Богу:

– Йа, Великий Создатель благослови меня, сегодня я в твоих руках!

Дичь, которую, не суждено взять, даже если она будет рядом с тобой, ты ее не увидишь и, идя по следу ее, ни за что не настигнешь.

«Три дня прошло, а я ничего не взял. Как все это объяснить моим друзьям, ожидающим меня на стоянке. Анассини, как я ничего не увидел?!» – подумал я и присел.

– Хай, анаджалбейт! – воскликнул я. – Дал бы ты мне Ажвейпшаа хотя бы годовалую дичь, было бы с чем явиться на стоянку.

– Ха-ха-ха! – эхом раздался на скале смех.

– Великий Бог, озари меня теплотой очей твоих! Слова мои не принимай за обиду, голос ответивший мне благослови и дай мне удачу! – произнес я.

Сразу появился семилетний тур. Не успев поразиться, я четко прицелился и метким выстрелом поразил дичь.

*Со слов Гуарамия Кямцыца Тоуныс-ипа, 110 л. С. Гуп, записал Когониа В. А. 03.03.1991 г.
Перевел с абхазского Р. Х. Гожба*

Как погибли ацаны

Первым насельниками в мире были Акурыжв и Аеркьян. Акурыжв женился на дочери Аеркьян, которой было четыре тысячи лет. «Она еще ребенок, не знает, что делать и как вести себя», – сказали о ней. Тот, от кого мы просим благословения, послал ледяной дождь. В мире стало чисто, ничего не осталось.

Трижды было светопреставление – акаамет. Когда не стало Курыжвовых и Еркьяновых, пророк сказал:

– Мы не имеем права убирать людей, пусть вода, вытекающая из-под ледника, будет полезна народу!

После этого на земле появились ацаны. В то время ни дождя, ни снега не было, весь мир сиял. Но вдруг в один день у козла зашевелилась борода – заваял ветер.

– Да, дад, видимо наступил наш конец, и ничего мы не сможем сделать, – сказал старец.

– Почему, что случилось? – начали вопрошать другие ацаны.

– Ударил ветер, – был его ответ.

Вдруг засверкали молнии, загредел страшный гром и пошел ватный снег. Шел он, шел он, шел и засыпал всех, а затем

вспыхнул бушующим пламенем. И ацаны погибли все до единого.

До этого ацаны начали воздвигать один камень на другой, чтобы по ним взобраться на небо. И поэтому Всевышний убрал их.

*Со слов Гуарамия Кямщыца Тоуныс-ипа, 110 л. С. Гуп, записал Когониа В. А. 03.03.1991 г.
Перевел с абхазского Р. Х. Гожба*

Откуда у абхазов идет черкеска (акэымжэы) и башлык

В старину произошел следующий случай. Враги убили одного абхаза. Надо было отомстить, но отец его был очень стар, а жена его – женщина. Что делать? Отец очень переживал и не знал, что предпринять. В один вечер свекор увидел, как его невестка, жена погибшего сына, доит буйволицу. Старика она не видела, поскольку животное упрямялось и бодалось. Молодая женщина, разгневавшись, схватила буйволицу за заднюю ногу, развернув ее в воздухе, отбросила от себя.

Свекор увидев все это, задумался: «Если она обладает такой силой, то сумеет отомстить за моего сына, но никто не должен знать, что она женщина. Надо что-то придумать».

Через некоторое время он вызвал невестку, усадил ее рядом с собой и заговорил:

– Баба, когда я увидел, как ты обошлась с буйволицей, понял, что сумеешь отомстить за своего мужа и моего сына, но враги не должны узнать, что ты женщина. Поэтому мы переоденем тебя в иную одежду.

Ей пошили акумжвы, грудь прикрыли карманами – акаштат, на голове повязали башлык – ахтырпа. Когда ее одели-обули, то перед свекром предстал молодой, подтянутый юноша и никто, увидев его, не догадается, что это переодетая женщина.

Одевшись в акумжвы – черкеску, красиво повязав на голове башлык и вооружившись, она отомстила, кровью смыв кровь. Никто не догадался, что совершила это женщина.

И с той поры абхазы стали носить это одеяние, которое так украшает фигуру человека – акумжвы и ахтырпа – черкеску и башлык.

Одежда эта пошла у абхазов от этой женщины.

– Так рассказывал мой отец, Камшьышь Гуарамия, – завершил рассказ его сын Виталий.

*Записал Р. Х. Гожба.
12.11. 2002 г. Сухум*

Откуда идет название реки Геджир

Река Геджир называлась раньше «Аеаркэара» – «Оленья речка». В старину туда спускались на водопой олени.

У мегрелов, живших за рекой Егры (Ингур) был полковник, звали его Гедж. Он постоянно с мегрельскими войсками тревожил абхазские села, разорял их. Но абхазы, жители сел Ткуарчал и Гуп, сумели заманить войско Геджа в засаду и, окружив, истребили, захватчиков. Остались в живых лишь предводитель и с ним еще пятеро. Их начали преследовать и Геджа взяли живьем, а остальных убили. Начали судить-рядить, как наказать врага, принесшего немало бед абхазам. Одни хотели сжечь его, подобно тому, как он сжигал абхазские села, другие предлагали живьем содрать кожу, третьи – повесить.

Но старший из абхазов, седовласый старец, поднялся и сказал

– Для мужчины нет большего позора, чем потерять честь. Сбреем ему половину усов и в таком виде отпустим в Мегрелию. Это хуже смерти.

Тяк и поступили. Обрили Геджу половину усов и в таком виде отправили за Ингур.

Но Гедж не угомонился, собрав войско, он снова напал на Абхазию и опять потерпел разгром. Окруженный с трех сторон, Гедж был загнан на высокую скалу. Зная, что его ждет, если он будет взят в плен, Гедж покончил с собой, прыгнув со страшной высоты вниз. Скала эта и поныне зовется «Гьець абахэ дахьагаз» – «Скала, где погиб Гедж».

А «Оленья речка» – «Аеаркэара» с той поры стала именоваться «Ѓѳеѳь ир хьѳантэаз» – «Там, где погибло войско Геджа», сокращенно – Геджир.

Со слов Гуарамии Кямщыща Тоуныс-ипа, 108 л. С. Гун-апста, 21.10.1989 г. Записал Р. Х. Гожба

Граница Абхазии

Граница Абхазии всегда проходила по Ингуру, до самых его истоков, а затем шла по горам. В горах есть озеро – Иагдзашьыра. С ним связано предание, наподобие легенды о Рице. Сейчас оно не принадлежит Абхазии, т. к. граница идет не сплошь по Ингуру. Лет двести тому назад сваны захватили часть абхазских гор. Абхазы собрали войско и двинулись в поход, чтобы освободить горы. Войско абхазов и сванов встали напротив друг друга. Но исход сражения решили определить единоборством. За победителем остается право владеть горами и пастбищами. От сванов на бой вышел их предводитель князь Дадешкелиани. Абхазы выставили Кап Хакуца. Они вышли из рядов и встали неподалеку друг от друга. Дадешкелиани был могуч, ростом в сажень и очень самонадеян. Он посмотрел на абхаза, который был ниже его с легким презрением. В те времена перед схваткой соперники поворачивались спиной друг к другу, отходили на три шага назад и только потом, выхватив шашки из ножен, вступали в бой.

Кап Хакуц и Дадешкелиани повернулись спиной друг к другу. После сигнала мгновенно отошли на три шага и, выхватив из ножен холодное оружие, устремились друг на друга. И в то же мгновение Хакуц ловко молниеносным ударом снес противнику голову, покотившуюся по земле.

Абхазы, одержав победу, вернули горы и восстановили границу. Сваны, взяв погибшего князя, удалились на свою территорию. Мир был восстановлен.

Так рассказывал мой отец, Камщыщ Гуарамиа, – закончил рассказ его сын Славик.

*Записал Р. Х. Гожба.
18.12.2002 г. Сухум*

Набеги абхазов

Прадед мой Гьд Гуарамиа, был в очень тесных и дружеских отношениях с Аджир-ипа Кьамышем из Псху. Кьамыш и Гьд вместе с такими же отчаянными абхазами держали в страхе морские просторы и все побережье от Туапсе до Поти. Они нападали на своих судах на корабли на море и на приморские области. Когда они возвращались из морского похода, их спрашивали:

– Где ваша добыча?

Они отвечали:

– Кого надо убить – убили, кого надо потопить – потопили, а оставшееся превратили в пепел.

Гьд и Кьамыш совместно с другими абхазами переходили Кавказский хребет на подмогу черкесам, в их борьбе против царя. Отряды их возглавлял Маршан Дарыкуа. Он был невысокого роста, коренаст, но обладал невероятной физической мощью. Однажды в одном из походов на Северный Кавказ путь им прекратила бушующая река. Перейти ее было невозможное. Тогда Дарыкуа взял самого сильного воина и удачно перебросил его на другой берег. Затем весь свой отряд, несколько сот человек, благополучно перекинул на другую сторону и затем сам спокойно перешел бешеный поток.

Гьд вместе с воинами из рода Брыскил в составе абхазского войска воевали против русских (их называли тогда «маскитаа» [московиты]) в Анапе. И дважды в честь победы, водружали над этой крепостью знамя абхазов.

– Мой дед, как рассказывал Камшьышь, отчаянно сражался против русских. Абхазы, соединялись в отряды и переходили Кавказский хребет и воевали там с царскими войсками. Он очень дружил с Аджыр-ипа Кьамышем. Кьамыш и Гьд совместно с другими абхазами не позволяли ни одному судну безнаказанно проходить между Туапсе и Поти.

Есть такая трава «Аюстаа ихаҭыц», в переводе с абхазского она зовется «Чертов зуб». Растение это вьется по траве и цветет десять дней. Но если по незнанию, в это время ее сорвать и растереть, то «Чертов зуб» может оторвать пальцы рук.

Гыд и Кьямыш во главе отряда снова вступили в сражение с русской армией, гарнизон которой оборонял форт в Учачмырах. Перед этим абхазы отбили у противника пушку. Порох иссяк и оставалось всего три ядра. Вот-вот войска из форта перейдут в контрнаступление, чем их сдержать... Гыд и Кьямыш пронзительным голосом дали команду:

– Немедленно собирать «Чертов зуб»!

Приказание было незамедлительно исполнено. Из травы изготовили порох. Гыд никогда не стрелял из пушки, но когда встал вопрос – быть или не быть, он встал у орудия и навел его на форт. Ядер было всего три. Первое пролетело мимо форта и с шумом упало в море. Зато оставшиеся два попали в самую гущу противника. Абхазы воодушевились и приступом взяли укрепление.

Так неоднократно передавал нам рассказы своего деда Гыда мой отец Гуарамия Камшьышь. Он родился в 1881 году и ушел из жизни на 117-м году жизни. Мир его праху.

Так закончил свое повествование сын Кямщыца – Славик Гуарамия.

*Записал Р. Х. Гожба
29.05.2012 г.*

«Таких настоящих людей больше не будет!..»

Ты наверное это знаешь. У Лакоба Нестора была черная судьбина... Я у него часто бывал. Если я скажу, что мы часто бывали вместе, он мой близкий, не к лицу мне говорить неправду. В правительстве был близкий мне человек – Бгажба Темур, отец Миши. Однажды я прибыл в Сухум, чтобы проведать его. Мне сказали, что он на собрании, подождите. Стою, жду его под крышей ЦИКа.

– Держит он [Лакоба] изогнутую палку, в зубах трубка, позади него стоят, излучая свет «великаны». (Тридцать работников ЦИКа стоят, всех знаю. Впоследствии я стал там часто бывать, к чему это).

– Кто ты, абхаз? – спросил меня Лакоба.

– Да, – ответил я.

- Слушай Бгажба, откуда он? – вновь спросил он.
- Брат мой, – отметил Темур.
- Кех, иабахуа! Ты видно не человек! Если бы ты был им, как мог скрывать такого парня и не представить его нам!
- Этот человек в тяжелом состоянии, – ответил Темур.
- Что?
- Он больной на оружие.

Зашли мы вместе в столовую пообедать. Эшба горемычный, которого сгубили здесь, Чанба Самсон, Зарандиа Иасон, Гарцкиа, джгерденские Багапшевы – Меджит и Нури, анассыни сахтан! Когда я таких людей увидел, было бы лучше, если бы я умер тогда!

Когда Лакоба сказали о моей страсти к оружию, он распорядился:

- Возьмите его и поезжайте с ним.

Сейчас отправь меня в Сухум, не найду это место, где был этот склад. Охраняет его один русский. Внутри стоят новенькие винтовки. Со мной милиционер.

- Выбери, что пожелаешь, – сказал он.

Я выбрал французскую трехзарядку. В придачу мне дали ящик патронов. Сейчас машин много, а тогда откуда они были. Да и дороги никуда не годились, как доедешь?!

- Поедешь на машине, – сказал Лакоба.

– Ты слышишь, что я говорю? Мне придется приехать к тебе, и когда понадобится, пришли в Гуп грузовую машину, – ответил я.

- Ты сможешь что-нибудь сделать?

- Если что смогу, то видно будет.

К вечеру машина доставила меня в Гуп с винтовкой и ящиком патронов. Я прибыл домой, наверх, где мы жили. Мой несчастный брат (он пропал на войне) поразился:

- Что за чудо ты принес!

- Собирайся побыстрее, сегодня же отправимся на охоту.

Поднялись в горы, не изменяю слову, заметил десять голов дичи. Пять из них взял. Разделяли добычу, уложили в ящики и на арбах спустили вниз в Гуп. Позвонили по телефону, через два часа прибыла грузовая машина, шофер был абхаз.

– Унаджалбейт, Лакоба дал мне жару.

Мы отправились в Сухум. Собрался весь ЦИК. Не хочу быть многословным, но в неделю раз я доставлял дичь. «Возьми, что желаешь», – сказал Лакоба и подарил мне пистолет.

Съели, уничтожили его. Оружие свое я сдал Темуру Сангулиа (он работал в органах). Если бы не он, то и меня убрали бы, как Нестора.

Ах, какие люди были тогда в ЦИКе... Лучше бы я тогда же и умер! Ефрем Эшба, Самсон Чанба, Иасон Зарандиа. Вот тогда нас уничтожили. О том, что было потом, не будем говорить. Таких настоящих мужчин у нас не будет, при нашей системе это почти невозможно.

*Рассказал Гуарамиа Кямщыц Тоуныс-ипа,
03.03.1991. С. Гуп. Записал В. А. Когониа.
Перевел с абхазского Р. Х. Гожба*

«Кошка спускалась с гор до моря по крышам домов»

– Мне было лет десять, когда мы находились в горах на альпийских лугах, и там однажды я увидел торчащее из земли горлышко кувшина. Меня это очень заинтересовало. Осторожно расчистив все вокруг, выкопал довольно большой кувшин. Изумившись находке, я стал расспрашивать всех, откуда здесь, высоко в горах появился кувшин. Но никто не мог дать утвердительного ответа. Позже, когда мы спустились с пастбища в Гуп, я с этим вопросом обратился к князю Ачба. Он похвалил меня за любознательность и ответил:

– Дад, в старину Абхазия была великой и необъятной, а наши предки, абхазы, населяли ее так густо, что от самых высоких гор до морского берега кошка спускалась по крышам домов, не касаясь земли. Ты ведь слышал, как говорят «Адсны къакъа дыузза» – «Великая и необъятная Абхазия». Выражение это идет с древних времен, когда наша Апсны была великой и могучей!

Так рассказывал нам 108-летний Гуарамиа Кямщыц в 1989 г.

*Со слов 108-летнего Гуарамиа Кямщыца Тоуныс-ипа,
Гуп-апста, 21.10.1989 г. Записал Р. Х. Гожба*

Молитва Всевышнему

Когда началась война с грузинами в августе 1992 года, Камшьышь Гуарамиа был твердо уверен в победе и дал обет: «В честь победы я принесу в жертву Всевышнему белого быка без единой черной отметины!». 30 сентября 1993 года наступил долгожданный день Победы над грузинскими захватчиками. Камшьышь целый год искал по всей Абхазии белого быка. В конце концов жертва была найдена и приведена к нему во двор. Собрав всю многочисленную семью, родственников, близких, он велел ввести быка во двор. Жертву с двух сторон еле-еле удерживали двое сильных молодых людей. Камшьышь аккуратно и чисто одетый в абхазскую одежду, подошел к ней, вонзил в землю алабашью, повесил на нее башлык и знаком приказал отпустить бесившегося быка, что и было исполнено. После этого, воздев руки к небесам, он сотворил молитву: «Иа, Всевышний! Ты видишь, я исполнил свой обет, держу Слово перед тобой. Да благословит Господь нашу Апсны и народ абхазский с великой победой, которую Ты ниспослал нам!..». Как только он начал говорить, бык, которого до этого едва удерживали двое крепких юношей, застыл, словно оцепеневший, а затем спокойно лег наземь, головою на восток, как и положено по обычаю... Камшьышь Гуарамиа уверенно продолжал молитву Создателю и жертва спокойно ждала заклятия. По завершении молитвы, он принес белого быка в жертву, выполнив Слово, данное Богу.

*Со слов Славика,
сына Кямщыща Тоуныс-ипа Гуарамиа.
Записал Р. Х. Гожба. Сухум, 12.10.1996 г.*

**Гуарамиа Кямщыщ, известный охотник, сказитель,
рассказывал осенью 1993 года, ему было тогда 112 лет,
город Ткуарчал**

– Я умру, но слово мое останется, 13 лет, потом Абхазия будет свободной.

Что я знаю, но если вы, мыжда, будете едины в Слове, то столько испытаний, вы не прошли бы. Всего надо лишь пятнадцать дней, если бы вы были едины в Слове.

Адские испытания прошли наши отцы. Мы, абхазы, во всем виноваты.

Вы не доверяете друг другу, убиваете тех, кто пришел нам на помощь... Те, кто покинул Апсны, они мертвы, находятся в земле, и для Абхазии они мертвы. Кто скрылся от нашего Апсуара, у них другое место.

Никто не завоюет Апсны, она будет принадлежать тем, кто несет в себе Апсуара...

Мы должны быть едины в Слове. Мы совершили большой грех. Наше негодяйство (ачачанра) – наш враг, кто продавал прописки, разве не мы, ведь Апсынра принадлежит нам.

С грузинами мы разойдемся, и у нас с ними не будет ничего общего. Среди нас не должны жить другие.

Ардзынба не образованием, а сердцем и умом ведет дело, и дело идет с ним (управляется им).

Русский не прав наполовину. Как я смотрю, так и вижу, русский немного не прав (и в большом не прав). Апсны будет у него, но он не прав, а чтобы его поправить (направить на правильный путь), ничего не надо, однако.

Ничего не бойтесь, будьте едины в помыслах, не падайте духом (букв. «не калечьте сердце»). Так не будет длиться вечно. «Курица свой яд вытаскивает из-под земли своими когтями». Наше Апсуара твердо встанет на ноги.

Оно возьмет свое. Во главе станет (лидер), на которого надеется Ардзынба, который умом и сердцем, подобно ему, продолжит его дело.

Ианаджалбейт, ианаджалбейт, молодой Ардзынба очень силен умом, но со временем его будут очернять.

Грузины не возьмут Апсны. Она будет принадлежать абхазам (букв. «будет принадлежать Апсуара»).

*11 апреля 2008. «Новый День».
Записала Марина Барцыц.
Перевод с абхазского Р. Х. Гожба*

МУЗЕЙ СЕЛА АЧАНДАРА

Материалы краеведения дают возможность изучить историю родного края, села, города или другой местности. Одним из наиболее распространенных видов музеев являются краеведческие музеи, а экспонатами любого краеведческого музея являются археологические находки, этнографические материалы, а также все материалы, фиксирующие исторические события данной местности. В Гудаутском районе Абхазии расположено прекрасное село Ачандара. Здесь находится одно из главных святилищ Абхазии «Дыдрыпш». Село также чрезвычайно богато археологическими памятниками.

Многие ученые и путешественники бывали в селе Ачандара, записывали свои впечатления. В 1907 году ряд предметов позднебронзовой эпохи здесь зафиксировал Всеволод Миллер, в 1924 году появились первые сведения о дольменах в селе Ачандара, а в 1955 году здесь были обнаружены археологические находки в разрушенном погребении IX–VIII веков до н. э. (два бронзовых орнаментированных топора). Несколько лет назад в усадьбе Виктора Ахба был обнаружен дольменный топор, датирующийся III тыс. до н. э.

С большим энтузиазмом в 1967 году начал заниматься изучением истории села его житель Ачандара Алексей Лазба. Он собирал уникальные материалы, среди которых археологические, этнографические и документальные свидетельства, отражающие историю села. Собранные артефакты привели его к идее создания музея, что и было осуществлено в 1970-х годах.

Музей расположился в двух небольших комнатах сельского Дома культуры. Директор Дома культуры Алексей Хагба отнесся к идее с большим пониманием и поддержкой. В музейную коллекцию были включены более 60 ценных экспонатов, рассказывающих об истории села, среди них наиболее интересны этнографические экспонаты – ручная мельница, сальдо

для корчевки леса, сундук для вещей, женское седло, чугунный кувшин и др.

Из археологических материалов наиболее ценными являются бронзовый топор колхидского типа, боевой топор VII–VI веков до н. э. и некоторые другие экспонаты. Алексеем Лазба было собрано и записано много интересных историй из жизни села. Эти записи также хранились в фондах музея.

Алексей Лазба ушел из жизни в 1979 году, оставив после себя богатое наследие, его работу продолжал Алексей Хагба, а когда и его не стало, все музейные коллекции были переданы из села во вновь созданный Гудаутский краеведческий музей. Сегодня эти экспонаты украшают залы музея, и представлены как материалы из Ачандарского сельского музея. Безусловно, хотелось бы, чтобы собранные Алексеем Лазба материалы и записи о традициях и обрядах абхазов в дальнейшем были опубликованы, поскольку они являются ценнейшим материалом для изучения истории абхазского народа.

М. К. АНКВАБ

О ПОДВИГЕ А. К. НАЗАДЗЕ

Александра Константиновна Назадзе родилась в 1911 г. в селе Отхара Гудаутского района в семье крестьянина. Начала трудиться Саша с восьмилетнего возраста. Приходилось учиться и работать: ходила в сельскую школу, трудилась в родном селе. Одной из первых девушек Абхазии она вступила в комсомол. Работала в родном селе пионервожатой, библиотекарем. Потом поехала в Сухум, поступила в совпартшколу. Здесь стала коммунисткой. Чтобы ни делала девушка, все помыслы ее по-прежнему устремлены были к одному – поскорее вступить в родную Красную Армию.

После окончания Института Востоковедения она поступила в Военно-политическую академию имени В. И. Ленина в Москве. Это было осенью 1939 г.

Вскоре после нападения фашистов на нашу страну А. Назадзе досрочно заканчивает Академию и пишет рапорт об

отправке ее добровольцем на фронт. Просьба ее была удовлетворена.

Сначала она была направлена на Смоленский фронт, но до ее приезда немцы заняли Смоленск.

Она возвращается в г. Москву и просит, чтоб ее направили на защиту родного Кавказа. Ее направляют на защиту г. Ростова-на-Дону.

Обстановка на фронте с каждым днем осложнялась. В первых числах октября 1941 г. гитлеровские войска подошли к Ростовской области. А. Назадзе подала рапорт с просьбой направить ее на передовую. Просьба была удовлетворена. Ее назначили политруком роты 1151-го стрелкового полка 343 стрелковой дивизии 56-й отдельной армии.

Кто скажет, сколько раненых вынесла с поля боя Саша, сколько человеческих жизней спасла политрук Назадзе?! Но самое большое своё она совершила, когда фронтовая судьба привела девушку в Ростов... Несколько дней шли ожесточенные бои. Группа наших бойцов двигалась по Пролетарской улице в Железнодорожном районе города. Группу вела Александра.... То ноябрьское утро 1941 г. было в Ростове на редкость солнечным и морозным. Командир роты лейтенант Миловидов и политрук Назадзе расположились на небольшом холмике и наблюдали за правым берегом Донца. Роте предстояло теперь преодолеть Донец.

Задача осложнялась перед ними ледяное поле. Застрочило сразу несколько пулеметов гитлеровцев, за ними последовал непрерывный треск автоматов. Громко стучало девичье сердце Саши Назадзе. Вдруг со всего пригорка двинулись в контратаку фашистские автоматчики. Политрук посмотрела на лица красноармейцев. Они были суровыми. Взгляд каждого спрашивал, что дальше, назад? «Нет!» - ответила политрук. Саша Назадзе встала во весь рост. «Рота, за мной, за Родину!».

– Ура-а-а-а! – подхватили бойцы. На берегу в зарослях камыша завязалась рукопашная схватка.

Казалось, близка победа. Но тут фашисты бросили с высоты большое подкрепление. Используя численное преимущество, они обошли роту со всех сторон. Тогда красноармейцы

образовали плотное кольцо. Враг усиливал атаки. У политрука ранена правая рука. Саша вынула, пистолет и стала отстреливаться левой. Слишком неравным был этот бой. С каждой минутой красноармейцев становилось все меньше и меньше. Вот уже на поле боя политрук один на один с десятком разъяренных фашистов. Лежа на груди совершенно обессилевшая, она делает последний выстрел прямо подбежавшего к ней гитлеровца. Перестало биться мужественное сердце политрука. Саша лежала на снегу, запрокинув голову в голубую синь полуденного ростовского неба. Юное лицо девушки политрука выражало гордую непокорность. Темные косы её серебрились от упавших на них искорок снега.

21 ноября 1941 г. фашистам удалось захватить Ростов. В результате мощного удара советских войск 28 ноября 1941 г. Ростов был освобожден. Фашистские войска были отброшены на десятки километров за реку Миус.

Вся рота политрука Назадзе полегла на поле боя, до конца выполнив высокий воинский долг перед Родиной. Она посмертно награждена Орденом «Красной Звезды».

Гибель политрука Саши Назадзе и ее боевых товарищей была отищена. До самого последнего времени не было известно, что командование соединения отметило мужество политрука Назадзе. Порой думалось, что подвиг Саши затерялся в вихре тех дней. Не так давно выяснилось, что приказом по войскам Южного фронта от 4 января 1942 г. за отвагу и храбрость, проявленные в боях за Ростов, политрук роты 1151-го стрелкового полка 343-й стрелковой дивизии 56-й армии Александра Константиновна Назадзе посмертно награждена орденом Красной Звезды.

В Абхазском государственном музее в зале ВОВ выставлен бюст политрука А. Назадзе с краткой информацией об ее подвиге.

* * *

Писатель Михаил Андриасов написал статью о Саше Назадзе в журнале «Огонек» под названием «Орлиное сердце». Вот что он пишет: «Беззаветная отвага девушки поражала бойцов. Орлиное сердце! Так и остались эти добрые слова за

нее. В каждой схватке с фашистами она проявляла мужество, редкое самообладание, удивительную находчивость. Слово политрука Назадзе безошибочно пробивало путь к солдатскому сердцу, тревожно стучалось в него, поднимало на смертный бой за родную землю, за жизнь матери, за сестер, за детей...».

Сама-то я за что сражаюсь? – спрашивала Александра у бойцов и отвечала:

– За русскую землю и за мою красивую Абхазию, за белорусские леса, за небо Украины, за Волгу, за мою маленькую беспокойную Мчишту...

В своей книге «Шесть дней» Михаил Андриасов пишет: Мчишта – горная абхазская речка – не впадает в Дон. Свою студеную ледниковую воду она несет в Черное море, как родную сестру...

В газете «Вечерний Ростов» за 23 сентября 1970 г. ветеран войны, полковник запаса Тираспольский написал, что подвиг политрука Назадзе на него произвел огромное впечатление и он сочинил стихотворение «Саша Назадзе». В этом искреннем душевном отклике есть такие слова:

Как я завидую Саше Назадзе!
Нам бы вместе в Ростове сражаться.
Дрался бы я, как бойцы коммунисты,
Был бы как Саша, в порыве неистов!
Имя твое на века легендарно,
И люди навечно тебе благодарны.
Милая Саша, юная Саша!
Слава ты наша, гордость ты наша!

Особый интерес представляет рассказ участника гражданской и Великой Отечественной войны, комсомольца двадцатых годов, члена партии с 1926 г., капитана в отставке Александра Владимировича Пегасова.

Прочитав в газете очерк, бывший политработник пришел в редакцию газеты, встретился с автором «Легенды и правды» М. Андриасовым.

Капитан Пегасов вместе с Сашей Назадзе служил в 3-й

Сталинградской стрелковой дивизии, входившей в состав 56-й армии.

Дивизией командовал генерал-майор Озимин. Пегасов знал политрука А. Назадзе, был свидетелем ее патриотического, мужественного поведения.

– Это была на редкость бесстрашная девушка, рассказывает он. Когда начальник политотдела 56-й армии комбриг Пинчук предложил ей занять должность начальника клуба одного из наших полков А. Назадзе решительно отказалась. «Я прошу Вас, товарищ комбриг, направить меня политруком в роту, идущую на штурм Ростова. Я хочу показать, как сражаются против фашистов дочери Абхазии!» – сказала Саша, и она была назначена политруком. В боях за Ростов Александра Назадзе показала пример высокого патриотизма, образец солдатской доблести, верности присяге.

Капитану Пегасову довелось проводить политрука Назадзе в последний путь.

Газета «Заря Востока» от 23 февраля 1973 г. писала: «... Народ не забывает своих героев. Помнят и свято чтут ростовчане и память о славной дочери Абхазии политруке Александре Константиновне Назадзе, погибшей в боях за Ростов. Одна из улиц Железнодорожного района г. Ростова с 1968 года носит ее имя. Портреты А. Назадзе украшают областной краеведческий музей и Музей боевой славы Северо-Кавказского военного округа. Парни района перед уходом на службу в Советскую армию дают клятву быть похожими на Сашу Назадзе. А похоронена она в братской могиле в скверике у средней школы № 77».

В Ростове-на-Дону вышла книга писателя М. Андриасова под названием «Штурм ледяного вала», в этой книге опубликован рассказ «Дочь Абхазии», посвященный Саше Назадзе.

Могила политрука Назадзе находится в Ростове-на-Дону. Обелиск на донском берегу всегда напоминает ростовчанам о сестре из братской Абхазии, павшей смертью храбрых на ростовской земле ради того, чтобы над большим русским городом было чистое и ясное небо.

Земляки Саши не забывают ее. Одна из улиц г. Сухума названа ее именем, её имя носили многие пионерские отряды

Абхазии. В газете «Советская Абхазия» от 8 октября 1975 г. написано:

«... И далекое становится близким. И кажется, что не было страшной войны, унесшей столько дорогих жизней. Но он есть, горький траурный след, в биографии страны, каждой республики, каждой советской семьи. Есть глубокая борозда на сердце каждого человека, так или иначе опаленного войной. А герои ее живы, живы всем смертям назло.

Живы в памяти сердец, в памяти поколений. Их имена – в названиях городов и улиц, строении заводов, в миллионах тонн сверхплановой продукции, в трудовом ритме пятилеток. И одно из таких покрытых немеркнущей славой имен – светлое имя прекрасной советской девушки САШИ НАЗАДЗЕ».

В газете «Красная звезда» от 20 января 1971 г. писал капитан Сейранян. В одном из номеров политической академии им. Ленина газеты «Ленинец» за 1940 г. написано:

«Вместе с Сашей учился ныне генерал-майор Евгений Владимирович Тарасов. Вспоминая годы учебы, он рассказал:

– Саша из тех, кого забыть нельзя. Прекрасный товарищ, необыкновенной убежденности боец, обязательный человек, любимица отделения, курса».

В газете «Правда» от 1 сентября 1982 г. напечатано: «Улица им. А. К. Назадзе - эту табличку сейчас можно увидеть на стенках домов в Советском районе г. Ростова-на-Дону. Так увековечена память о политруке Александре Назадзе, погибшей в боях за освобождение Ростова-на-Дону от гитлеровцев в ноябре 1941г.»

Об открытии мемориала погибшим войнам в борьбе с фашистскими захватчиками в 1941–1945 гг. в железнодорожном районе г. Ростов-на-Дону

По решению руководства г. Ростова-на-Дону 6 мая состоялось перезахоронение погибших воинов в боях за Ростов-на-Дону в 1941–1943 гг.х, похороненных в братской могиле в Нижнегниловском. Это было связано с тем, что данная братская могила находилась в неудобном месте. В то время,

Александра Назадзе. Верхний ряд, 5-я слева.

когда их хоронили, других возможностей не было и поэтому теперь решено было перенести их в более красивое и видное место.

На стыке двух рек, Дона и Мертвого Донца, откуда шли воины на Ростов-на-Дону, построили мемориал на кургане Кумжинской рощи, сверху него две большие стрелы, направленные на город, внизу композиция, где изображена Саша Назадзе с пистолетом в руке, как будто она идет в наступление со своими бойцами. Напротив мемориала стоит мемориальная доска, где написано, что в 1941 г. с этого места вела бойцов на Ростов-на-Дону и пала смертью храбрых в борьбе с фашистскими захватчиками дочь абхазского народа, политрук А. К. Назадзе.

Примерно в 400 метрах от мемориала построен музей. В этом музее в центре висит портрет Назадзе А. К., снизу надпись: «Александра Константиновна Назадзе в 1941 г. в декабре была политруком и участвовала в боях за освобождение Ростова – на – Дону, после гибели командира роты Миловидова мужественная героиня приняла командование ротой и продолжала сражаться с превосходящими силами фашистов.

Этот был последний бой для Саши. Дочь Абхазии А.К. Назадзе посмертно награждена Орденом Красной Звезды и ее имя носит одна из улиц Ростова-на-Дону». А дальше висят фото других бойцов, которые погибли вместе с ней.

6 мая 1983 г. в Ростове-на-Дону родственники А. К. Назадзе собрались у Музея боевой славы, собралось и все руководство района, воинские части, играл военный оркестр. Траурная процессия двигалась к Кумженскому монументу, где уже была подготовлена могила для перезахоронения останков погибших бойцов. Среди этих фигур, расположенных на постаменте, виднеется женский силуэт – это фигура А. К. Назадзе, поднимающей своих бойцов на последний бой.

А. С. АГУМАА

СТАРАЯ ФОТОГРАФИЯ

Изобретение фотографии в XIX в. явилось важным этапом человеческого прогресса и сыграло важнейшую роль в формировании сохранения «памяти» о людях, событиях, зданиях и проч. Общемировой технический прогресс, под знаком которого прошло все человечество в XIX в., коснулся и Абхазии. Уже в середине XIX в. здесь стали появляться первые фотографии. До появления фотографии на гравюрах и акварелях изображались лишь абхазские князья и дворяне, а с появлением фотографии, уже к концу XIX века, фотографироваться могли и простые крестьяне. Конечно же, фотографирование, семейное или индивидуальное, стоило не дешево, но желание иметь память (в виде фотографии) о близких, родственниках и друзьях имело решающее значение. Первые фотостудии, куда приходили люди «сняться на память» были открыты в Сухуме, чуть позже они появились в Гагре, Гудауте, Очамчире. Помимо «оседлых» фотографов, работавших в городских фотостудиях, появились и «мобильные» фотографы, которые разъезжали по деревням, предлагая свои услуги. Чаще всего разъездные

фотографы объезжали села на фазтоне, т. к. фотоаппараты и штативы к ним в то время представляли громоздкую аппаратуру. Кроме того, мастера фотографии возили с собой т. н. «фон» – обычно, это написанная темперой на холсте картина, изображавшая какой-либо пейзаж. Люди фотографировались на фоне такого пейзажа, что придавало снимку камерность.

Первые фотографии с видами Сухума были сделаны лишь во второй половине XIX в. (1850–1860-е гг.). К сожалению, нам не известны имена фотографов, работавших в те годы в Сухуме. На этих фотографиях запечатлены панорама города, рейд и другие виды.

Одними из пионеров фотографического дела на Кавказе были братья Ермаковы, колоссальная коллекция которых сегодня является огромным историческим и культурным наследием Кавказа. Первые фотографии «типы абхазов», снятые Дмитрием Ермаковым в 1860–70-х гг. представляют собой сегодня бесценное достояние. На них запечатлены бытовые и жанровые сцены – абхазские князья, дворяне и простые крестьяне в национальных одеждах и в боевом вооружении. Кроме того, Ермаков сделал немало снимков с видами Сухума. На фотографиях представлена архитектура города, большей частью не дошедшая до наших дней.

В 1890-х гг. в Сухуме открывается фотоателье фотографа С. Фандеева. По его негативам в Батуме, фирмой «Фандеев и К°», были изданы открытки с видами Абхазии (около 50 видов). (См. Рис. 1).

В начале 1890-х гг. в городе открывается фотосалон «Сухумская фотография», впоследствии фотомастерская «Образцовая». Хозяином самой лучшей для того времени в Сухуме фотомастерской был фотограф Леонид Иванович Пименидис.

С 1896 г фотомастерская Пименидиса располагалась на Михайловской набережной (ныне набережная Махаджиров, 56). В фотомастерской Пименидиса, помимо фотопортретов, можно было заказать портреты, которые выполнялись масляными красками, тушью, пастелью или же акварелью. Снимки Пименидиса послужили основой для издания Акционерным обществом Гранберг в Стокгольме более 200 видов Сухума.

Л. И. Пименидис за свое мастерство был удостоен высшей награды Его Императорского Высочества Великого Князя Николая Константиновича. (См. Рис. 2, 3, 4). В конце 1899 г. в Сухуме открылась фотомастерская «Правда» не менее известного фотографа И.П. Евкарпиди.

«Сухумский листок объявлений», № 1от 17 февраля 1908 г., сообщает:

«Фотография братьев Евкарпиди, Коллюбакинская ул., дом Гвалия, против книжного магазина. Принимаются всевозможные заказы фотографических работ по самым дешевым ценам, исполнения скорые и аккуратные, цены вне конкуренции».

Позже фотомастерская И. П. Евкарпиди «Правда» переехала на первый этаж гостиницы «Ориенталь» (ныне здание по ул. Леона). Иван Полихронович Евкарпиди за свое искусство не раз удостоивался высших наград на различных выставках по фотографии. В 1899 г. он получил похвальный отзыв от «Русского фотографического общества». В 1901 г. получил золотую медаль за труды и знания на Кавказской юбилейной выставке сельского хозяйства и промышленности в Тифлисе. В 1903 г. получил серебряную медаль от Витебского фотографического кружка. В том же 1903 г. получил бронзовую медаль на фотографической выставке, проходившей в Москве. В 1906 г. был удостоен золотой медали и почетного креста на выставке в Антверпене (Бельгия). (См. Рис. 5, 6).

В конце XIX в. в городе работало еще несколько фотостудий: фотографов Н. Е. Щепанского и В. В. Русадзе, фотостудия «Товарищество» фотографа М. Суйковского. На месте современной гостиницы «Абхазия» находился фотопавильон В. Л. Назарова. (См. Рис. 7).

В начале XX в. в Российской империи появляются первые цветные фотографии, метод воспроизводства которых изобрел талантливый ученый-химик, фотограф Г. М. Прокудин-Горский. После его посещения Абхазии появляются первые цветные фотографии с видами населенных пунктов страны и ее жителей.

С начала XX в. по негативам известных сухумских фотографов братьев Бабаджан разными издательствами, в особенности издательской фирмой «братьев Бабаджан» в Сухуме,

выпускались открытки с видами города (более 200 видов, 6 изданий).

В 1909 г. фотограф А. К. Козлов открывает фотоателье «Прогресс» в здании гостиницы «Ривьера». (См. Рис. 8).

А в 1911 г. в Сухуме открылось отделение Батумского фотографа Е. Георги.

«Фотография Е. Георги, Сухум, Колюбакинская улица, дом Преображенской. Принимаются всевозможные фотографические работы, как то: по фарфору, дереву, шелку, увеличение портретов до желаемой величины, раскрашивание масляными и разными фотографическими красками, принимаются заказы на дом, переснимаю и исправляю самые испорченные карточки, снимаю группы, виды, здания, квартиры и прочее, а так же ночные снимки посредством магния и снимки покойников. Цены на все работы самые умеренные. Учащимся и нижним чинам делается уступка». Сухумский листок объявлений, №1, 17.02.1908 г.

В 1912 г. в Сухуме, рядом с театром «Наука и Жизнь» открылось фотоателье «Петербургское». Фотографы А. Боровиченко и Б. Цыркин в 1913 г. открывают фотоателье «НИКА», а в 1916 г. в городе заработало фотоателье «Свет».

В 1914 г. издательство книжного и писчебумажного магазина Н. Д. Гогиджановой, занимавшее часть первого этажа здания табачной фирмы «Мир», приступило к изданию негативов сухумского архитектора и фотографа-любителя А. А. Ленского. Было издано более 30 наименований открыток с видами Сухума.

В том же 1914 г. известный сухумский архитектор, фотограф А. В. Сеницын открыл в своем доме мастерскую по фотографическим работам. Здесь можно было заказать съемки научных и художественных фотографий, проявить пленки, исправить некачественные негативы, увеличить маленькие фотографии, получить для начинающих фотографов ценные советы и указания, купить фотобумагу. Кроме того, здесь можно было приобрести увеличенные фотографии с видами Сухума. С 1915 г. А. В. Сеницын по своим негативам стал издавать открытки с видами Сухума (более 100 видов).

В начале XX в. и в других населенных пунктах Абхазии появились фотостудии: в Гагре – фотографов С. Капкина и И. Г. Юнак; в Гудауте – фотографа А. Вейнерта; в Очамчире – фотографа С. Ч. Боджгуа; в селе Гал – фотографа Н. П. Езугбая.

Открытки с видами Сухума по негативам местных фотографов помимо местных изданий выпускались следующими издательствами:

1. Акционерным обществом Гранберг в Стокгольме (более 100 видов).

2. Издательством фотографа К. Г. Папамоскича в Батуме (более 10 видов).

3. Издательством «С.О.Г.О.» в Тифлисе (более 5 видов).

4. Издательством «Кавказ» (более 80 видов).

5. Издательством «Асседоретфегс» (более 80 видов).

6. Издательством С. М. Прокудина-Горского в Петербурге (более 50 видов), осуществлено 2 выпуска.

7. Издательством фотографа М. Пиковского в Одессе (более 50 видов). Осуществлено 2 выпуска.

8. Издательством фотографа С. Гефтера в Одессе, издано более 20 видов.

9. Фирмой братьев Борисовых в Новороссийске по негативам фотографа Селина, издано более 30 видов.

10. Издательством фотографа Полити в Новороссийске (более 20 видов).

11. Издательством А.Белокопытова в СПб (более 20 видов дачи «Синоп»).

12. Издательством фототипий Шерер, Набгольц и К° в Москве (более 30 видов).

13. Издательством правления Общества постройки Черноморской железной дороги в СПб (более 10 видов).

14. Издательством А. Д. Быкова в Москве (несколько видов Сухума).

15. Издательством фирмы В.В.В. (несколько видов Сухума).

16. Издательством общины Святой Евгении (несколько видов Абхазии).

Издавались так же буклеты «Привет из Сухума» с видами Сухума.

В основном все открытки проходили через Всемирный почтовый союз «Россия», это были либо открытые письма, либо просто почтовые карточки.

Помимо открыток фирмой С. С. Анискина и писчебумажным магазином «Труд» в Сочи был издан ряд марок (не почтовых) с видами Сухума. Известны всего 4 вида этих марок, вероятно, их было более 20. Сегодня они представляют собой крайнюю редкость.

Всего за период с конца XIX в. до 1917 г. различными издательствами было издано более 500 наименований открыток с различными видами Сухума.

Отдельные негативы использовались одновременно несколькими издательствами для выпуска открыток. Например: фотография «Сухум, общий вид» издавалась фирмами:

1. Изд. Полити, Новоросийск.
2. Изд. BBW.
3. Изд. Асседоретфегс, № 352.
4. Изд. С. Гефтера, Одесса.
5. Изд. Бр. Борисовых, Новоросийск, № 61.
6. Изд. Фототипий М. Пиковского, Одесса, №36.
7. Акционерным обществом Гранберг, Стокгольм, № 53.
8. Не известным издательством, № 36772.
9. Не установленным издательством, № 101365.

Открытки печатались в черно-белом и цветном вариантах. Цветными открытки становились путем подкрашивания типографских клише. По фотографиям панорам Сухума, сделанным в разные периоды времени, можно проследить, как город менялся, менялась его планировка, как город рос и развивался. Многие постройки середины XIX века не сохранились уже к началу XX века (войны и др.), тем более бесценными становятся эти документы. Благодаря этим снимкам, мы имеем представление о Большом Снеге, выпавшем в Сухуме в 1911 г. На снимках запечатлены снежные заносы, завалы и сугробы на центральных улицах города. Мы видим, как выглядела юго-восточная башня Сухумской крепости, взорванная

в 1956 г. при строительстве набережной, или как выглядело надгробие могилы Владетельного князя Абхазии Келешбея Чачба, разрушенное в 1938 г., как выглядел Сухумский кафедральный собор, снесенный в 1937 г. и другие объекты, представлявшие наибольшую историческую и архитектурную ценность для Абхазии.

В целом, фотографии, сделанные во 2-й половине XIX – начале XX вв. стали объектом коллекционирования и представляют собой весьма ценные научные документы по истории, архитектуре и быту Абхазии того времени.

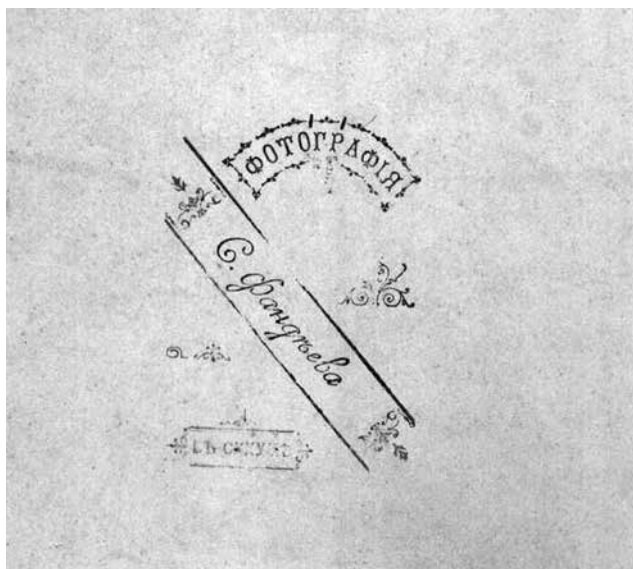

Рис. 1

Удостоенъ награды
ЕГО ИМПЕРАТ. ВЪСОЧ.
≡ Великаго князя ≡
Николая Константиновича

ФОТОГРАФЪ

ДУДИМЕНИДИСЪ,
Сухумъ.

АТЕЛЬЕ
Для приёма портретовъ
Маслянными Красками
Тушью, Пастелью, Акварелью,
и т. п.

Негативы
Сохраняются

См. 'Литература' впереди.

Рис. 2

Рис. 3

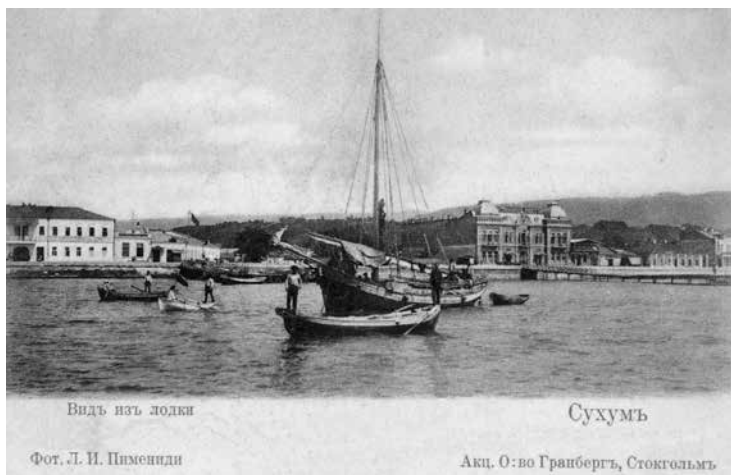

Рис. 4

Рис. 5. Справа И. П. Евкариди

Рис. 6

Рис. 7

Рис. 8

ХРОНИКА

А. И. ДЖОПУА, В. А. НЮШКОВ

ПАМЯТИ АРХЕОЛОГА-КАВКАЗОВЕДА В. В. БЖАНИЯ

Свою научную деятельность В. В. Бжания начал в Абхазском государственном музее, где он работал, со статьи об истории создания комсомола Абхазии, однако эта тема ушла на второй план, когда молодой ученый увлекся в 1950-х гг. прошлого столетия изучением древней истории Абхазии. Большое влияние на выбор им профессии оказал археолог, исследователь абхазских древностей, Л. Н. Соловьев. В это время Л. Н. Соловьев только вернулся из Сочи, где работал, в Абхазию и начал работать в Абхазском государственном музее. По словам В. В. Бжания, Л. Н. Соловьев «заманил» его в археологические экспедиции, проходившие ежегодно в Абхазии, в частности, на Яштухскую стоянку, благодаря ему, отмечает исследователь, я полюбил археологию. По воспоминаниям В. В. Бжания, Л. Н. Соловьев был очень хорошим и интересным собеседником.

В 1962 г. В. В. Бжания, имея пятилетний стаж работы в музее, поступает в аспирантуру. В 1968 г. он благополучно защищает кандидатскую диссертацию в Москве под научным руководством крупнейшего исследователя археологии Северного Кавказа Е. И. Крупнова. Оппонентом В. В. Бжания выступил известный востоковед, директор Эрмитажа Б. Б. Пиотровский. Тема диссертации «Древнейшая культура Абхазии (эпоха неолита и ранней бронзы)» посвящена была практически не исследованной на то время проблеме – выявлению характерных признаков археологической культуры, распространенной на территории Кавказского Причерноморья в эпоху освоения человеком раннего металла (IV–II тыс. до н. э.), определению границ распространения этой культуры и её взаимоотношениям с соседними культурами, периодизации отдельных памятников, характеристике главных направлений хозяйства древних жителей Абхазии, их материальной и духовной культуре.

Особо ценно, что в своей диссертации В. В. Бжания материальную культуру населения Абхазии, ее развитие выводит уже с эпохи неолита (VI тыс. до н. э.), а затем эта культура без заметных перерывов продолжается до середины I тыс. до н. э., когда уже греческие и римские авторы помещают древнеабхазские племена на восточном побережье Черного моря. Это, в свою очередь, позволило условно определить границы распространения и отметить общие корни единой неолитической культуры Черноморского побережья. В результате исследования был сделан вывод о возможном единстве культур энеолита и ранней бронзы на Черноморском побережье Кавказа. Таким образом, выводя материальную культуру абхазо-адыгских племен с эпохи неолита и ранней бронзы, В. В. Бжания «удревнил» их появление на Северо-Западном Кавказе, как минимум, на три тысячи лет (Бжания, 1966. С. 23).

После окончания аспирантуры (1967), в течение следующих 30 лет, В. В. Бжания работает в Институте археологии. Здесь ему была поручена разработка новой темы по неолиту Кавказского Причерноморья. После многолетнего исследования им крупнейшего на Кавказе неолитического поселения Кистрик, расположенного на западной окраине г. Гудаута, тема завершилась большой работой, которая была опубликована в многотомном издании «Археология СССР» в томе «Неолит Кавказа» (Бжания, 1996. С. 73–86).

Отметим, что в 1960-е гг. крупные работы в районе Большого Сочи проводил Причерноморский отряд ИА АН СССР под руководством В. В. Бжания. Здесь же следует указать и памятники, которые были изучены им на территории Абхазии и России. Это Тамышское многослойное поселение эпохи поздней бронзы, пещеры и гроты Багада, Ахра-капш, Гумистинское поселение, многослойное поселение в гроте Юпсы в Бзыбском ущелье, Бамборское поселение, знаменитое поселение Кистрик эпохи неолита, медно-рудниковые шахты Башкапсара, Мачарское многослойное поселение. Мачарское поселение было открыто абхазским археологом при следующих обстоятельствах. В 1936 г. палеоантропологи из Москвы приехали в Абхазию для изучения поселения в Яштухе, с ними находи-

лись и геологи для определения возраста террас данного поселения. Не ограничиваясь только им, они прошли до р. Мачара и обратили внимание на скопление древних предметов в районе ее устья. В дальнейшем Л. Н. Соловьев, будучи в курсе этой находки, посоветовал В. В. Бжания произвести в этом месте раскопки, что и было сделано исследователем.

Большое внимание было уделено В. В. Бжания изучению неолитических памятников района р. Псоу. Здесь, в Адлерском районе г. Сочи, в результате вскрытия холма, им был обнаружен раннесредневековый храм, в долине р. Соча изучено поселение Агуа. Тут же были вскрыты курганы, в том числе и относящиеся к периоду раннего средневековья, и найдены предметы вооружения, стеклянный раздавленный сосуд типа вазы и т. д.

Очевидно, что В. В. Бжания состоялся как исследователь благодаря трудам известных ученых, таких, как Б. В. Шинкуба, Ш. Д. Инал-Ипа, Г. А. Дзидзария, З. В. Анчабадзе. Их труды, контакты, совместная работа обусловили жизненный путь и научные интересы будущего кавказоведа – Вадима Викторовича Бжания. Нельзя не сказать, что его учениками стали более 10 молодых абхазских археологов, многие из которых и сегодня успешно трудятся на археологической ниве (А. Н. Габелия, Д. С. Бжания, М. Х. Хварцкия, Л. М. Когония, Б. С. Кобахия, А. И. Джопуа, Г. А. Сангулия, З. Г. Хондзия, Р. М. Барциц, З. А. Хибба, Г. И. Вардания, А. С. Агумаа).

АЛЕКСАНДР МИКТАТОВИЧ ТАРИЯ

На 91-м году ушел из жизни порядочный и добрый человек, искренний патриот своего Отечества, Александр Миктатович Тария.

Александр Миктатович Тария родился и жил в селе Лыхны Гудаутского района, в летнюю пору помогал родителям и в домашнем хозяйстве, и на колхозном поле. Ему было 17, когда в один из знойных дней пришло известие о начале Великой Отечественной войны. Саша поспешил к школьному военруку,

бывшему военному летчику, поинтересовался, как поскорее попасть на фронт. Тот посоветовал обратиться в военкомат. Там его направили в Гагру, куда было переведено Тбилисское военно-пехотное училище.

Обучение шло по ускоренной программе. И вскоре пришла пора защищать Родину, уже и саму Абхазию, потому что фашисты взяли село Псху. Туда через Рицу и были отправлены два батальона курсантов из Гагры, в числе которых был Тария. Псху от подразделений немецкого «Эдельвейса» было освобождено 9 сентября 1942 г. Александр Тария отважно воевал в составе 808-го полка 394-й дивизии.

С января 1943 г. боевые действия шли уже на Северном Кавказе. При освобождении станицы Усть-Лабинской он получил тяжелое ранение в обе ноги от разрывных пуль и пролежал двое суток в снегу, на морозе. Александра Тария отправили на излечение в госпиталь. Жизнь ему сохранили, но как инвалид он был демобилизован.

Вернувшись в Абхазию, А. Тария начал работать в Новофонской средней школе, затем его выдвинули в комсомольские и партийные органы – сначала там же, в Новом Афоне, а затем в Гудауте и Ткуарчале. В 1958 г. его назначили заведующим отделом, а затем заместителем редактора газеты «Апсны Капш». В то же время он заочно учился в московской Высшей партийной школе, и в 1972-м его утвердили заместителем заведующего Домом политпросвещения Абхазского обкома и Сухумского горкома партии.

Каким бы делом ни занимался Александр Миктатович, своим важным долгом фронтовика он считал поисковую работу, связанную с биографиями сынов Абхазии, героически проявивших себя на полях сражений, и с пропагандой их подвигов. Еще более активизировалась эта работа с назначением его в 1978 г. директором Абхазского государственного музея. В течение 30 лет он безукоризненно трудился на этом ответственном посту. В результате его настойчивой работы, связанной с созданием документальных произведений о мужестве и стойкости уроженцев Абхазии, была выпущена целая серия книг патриотического цикла, которые автор раздавал ветера-

нам войны в городах и районах республики. Настольными для многих из них стали подготовленные Александром Тария издания: «Книга памяти», «Символ воинской славы», «Схватка с «Эдельвейсом», «Абхазские соколы в небе», «Мстители в тылу врага», «Братья защищали Родину» и др.

Особое место среди книг А. Тария занимает автобиографическая повесть «413 суток оккупации» – столько дней пришлось пережить ему в Сухуме в дни его оккупации грузинскими войсками в 1992–1993 гг. Это была уже другая война – современная. И повествование о ней – не менее захватывающее. Каждый из этих дней протекал для ветерана А.Тария в тревогах за судьбу Родины и своего народа, а также за судьбу Государственного музея. И директору удалось стать единственным хранителем, охранником ценных музейных коллекций.

После окончания войны А. Тария проработал руководителем музея еще 14 лет, а затем остался здесь в качестве научного сотрудника.

Государство высоко оценило боевые заслуги Александра Миктатовича, наградив его орденами Отечественной войны первой и второй степеней, медалями «За отвагу», «За Победу над Германией», «За оборону Кавказа». И, конечно, особое место среди всех его наград занимает орден «Ахьдз-Апша» третьей степени. А. Тария удостоен звания заслуженного работника культуры Республики Абхазия, а также звания почетного гражданина села Псху – так местные жители выразили ему благодарность за участие в освобождении их высокогорного населенного пункта от немецких захватчиков.

Являясь с 1987 г. бессменным руководителем республиканского Совета ветеранов войны, труда и Вооруженных сил, Александр Тария долгие годы поддерживал деловые связи с родственными организациями ряда российских областей и городов. В 2011 г. за укрепление дружбы и сотрудничества между народами Содружества независимых государств он был награжден «Дипломом общественного признания».

ЮРИЙ ГУДИСОВИЧ АРГУН

Абхазская историческая наука понесла невосполнимую утрату. После тяжелой и продолжительной болезни ушел из жизни видный ученый-этнолог, общественный деятель, один из лидеров национально-освободительного движения, ведущий научный сотрудник АБИГИ им. Д. И. Гулиа АНА, профессор АГУ, лауреат Государственной премии им. Г. А. Дзидзария, кандидат исторических наук Юрий Гудисович Аргун.

Юрий Гудисович Аргун родился 30 октября 1938 г. в селе Куланырхуа Гудаутского района. Он - выходец из широко известного крестьянского рода Аргун. Отец Юрия – Гудиса Хаджгуатович не избежал привычных в тот период репрессий и по совершенно надуманному предлогу был приговорен к высшей мере наказания. Но благодаря хлопотам отца оно было заменено ссылкой в Сибирь на 5 лет. Вернувшись в Абхазию, после долгих мытарств, он создает семью и крепкое хозяйство. Юрий родился в многодетной семье, его отец Гудиса и мать Елена Гагулия воспитали семерых сыновей и троих дочерей. После окончания Гудаутской средней школы им. Н. А. Лакоба в 1958 г. Юрий поступил на филологический факультет Сухумского педагогического института, учебу в котором завершил в 1963 г. До 1965 г. он работал в газете «Советская Абхазия» переводчиком.

В 1965 г. Юрий Аргун поступает в аспирантуру Института этнографии им. Н. Миклухо-Маклая АН СССР, где в 1971 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Современный быт и культура бзыбских абхазов».

После возвращения в Абхазию, с 1969 по 1972 гг., заведовал отделом дореволюционного периода Абхазского госмузея, а с 1972 по 1973 гг. был заместителем директора, а в последующем, до 1978 г., возглавлял данный центр культуры Абхазии.

В годы работы в музее Ю. Г. Аргун выступил инициатором выставки произведений народных мастеров. В 1977 г. ему удалось организовать совместно с ленинградским Музеем этнографии народов СССР выставку «Абхазы», которая поль-

зовалась большим успехом. В это время была существенно оживлена поисково-экспедиционная и научная работа в музее: начали проводиться регулярные научные сессии, был издан путеводитель по музею, возобновлен выпуск трудов его сотрудников.

Юрий Аргун был в числе тех, кто в 1977 г. инициировал и подписал письмо представителей общественности и интеллигенции высшему политическому руководству СССР, получившее широкую известность как «Письмо ста тридцати». За свои политические убеждения, принципиальную гражданскую позицию он подвергался преследованиям со стороны партийного руководства Грузии и Абхазии. В 1978 г. был освобожден от занимаемой должности и исключен из рядов КПСС, что в то время являлось приговором, но волна народного возмущения не позволила совершить окончательную расправу над ним. После известных событий в Абхазии этого периода Юрий Аргун был принят на работу в Абхазский институт языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа (ныне – АБИГИ), где проработал до конца своей жизни, пройдя путь от старшего и ведущего научного сотрудника до заведующего отделом этнологии.

Ю. Аргун вел активную преподавательскую деятельность в Абхазском госуниверситете, открытие которого в 1979 г. было и его заслугой, где он работал с 1981 г.

Ю. Аргун является автором более 200 научных и научно-популярных публикаций, в том числе свыше 10 книг и монографий. Они в основном посвящены изучению быта и культуры абхазов. В последние годы он активно занимался изучением истории и этнографии абхазской диаспоры. Его перу принадлежат такие актуальные работы, как «Быт и культура современных абхазов» (Сухуми, 1976), «Обычаи, обряды и взаимосвязь поколений» (Сухуми, 1978), «Абхазские этнографические этюды» (Сухуми, 1980), «Традиционное народное искусство и время» (Сухуми, 1985), «Геноцид абхазов» (Сухум, 1998), учебное пособие для высших учебных заведений на абхазском языке «Этнология абхазов» (Сухум, 2002), «Дал-Цабал: прошлое и настоящее» (Сухум, 2011) и др. А его

новая книга «Из истории и этнографии абхазской диаспоры» (Сухум, 2014) вышла в свет за несколько дней до его смерти. Ему не суждено было ее увидеть.

Ю. Аргун – редактор и рецензент целого ряда фундаментальных исследований. В частности, он один из авторов и научный редактор коллективной монографии «Абхазы» (М., 2007, 2012), которая была удостоена Государственной премии им. Г. А. Дзидзария в области науки.

Юрий Аргун был постоянным участником всех комплексных экспедиций, проводимых Абхазским музеем и Абхазским институтом, и руководителем некоторых из них. Благодаря этому он многократно бывал в каждом селе, знал хорошо их историю и быт, общался со знаменитыми информаторами и простыми людьми. Поэтому он вполне заслуженно пользовался в народе авторитетом и уважением.

В последние годы, несмотря на болезнь, он продолжал активную научную деятельность, был полон творческих замыслов, многие из которых, к большому сожалению, не были реализованы. В частности, его докторская диссертация на тему «Абхазская диаспора: историко-этнографическое исследование», которая практически была завершена, осталась не защищенной.

Юрий Гудисович Аргун совмещал научную и преподавательскую деятельность с общественной и государственной работой: являлся одним из основателей и бессменным руководителем общественной организации по связям с зарубежными соотечественниками «Апсадгьыл», членом исполкома Международной Ассоциации абхазо-абазинского народа и Международной Черкесской Ассоциации. Он был автором идеи и инициатором проведения народных праздников «Лыхнашта» и «Мыкуашта», которые стали неотъемлемой частью современной абхазской культуры.

В период очередного витка противостояния Абхазии и Грузии (1989–1992) и во время Отечественной войны народа Абхазии 1992–1993 гг. Ю. Аргун вел активную деятельность на идеологическом фронте.

С 1996 по 2002 гг. являлся депутатом Народного Собра-

ния – Парламента Республики Абхазия, где возглавлял Комитет по науке, культуре и образованию.

В 1991 г. Ю. Аргун присвоено звание заслуженного работника культуры Абхазии. В 2008 г. был удостоен Государственной премии им Г. А. Дзидзария в области науки.

Юрия Гудисовича глубоко волновали не только сугубо академические проблемы, но и проблемы современной Абхазии. На различных научных форумах, в собраниях общественности, в своих выступлениях в печати и на телевидении, он обращал внимание на состояние абхазского языка, демографическую ситуацию, положение традиционной культуры родного народа – апсуара. В течение нескольких лет он являлся руководителем тематических сборников по «Апсуара». Первый из них недавно вышел в свет, но, увы, к сожалению, ему не удалось увидеть, подержать в руках и эту книгу.

Светлая память и яркий образ Юрия Гудисовича останутся в памяти его родных и близких, коллег, всего абхазского народа.

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ

<i>А. Ю. Скаков, А. И. Джопуа.</i> Зооморфная пластика могильника Джантух	3
<i>В. А. Ньюшков.</i> Поясные наборы как элемент отражения привилегированности в апсильском обществе	40
<i>Д. А. Счастный.</i> Апсильские луки поздней античности и раннего средневековья.....	50
<i>Е. Ю. Ендольцева.</i> Таскание за бороду: об одном рельефе из Абхазского государственного музея	59
<i>А. И. Джопуа, В. А. Ньюшков.</i> Эшерское городище – новый туристический комплекс (Абхазия).....	66

ИСТОРИЯ

<i>Т. Ш. Гицба.</i> Происхождение древнеабхазских племен	74
<i>Д. А. Канделаки.</i> О первоначальном заселении Абхазии человеком современного вида	81
<i>Г. Д. Гумба.</i> Саспиры (Сасперы) Геродота.....	95
<i>Р. Х. Агуажба.</i> К истории создания одного романа.....	105

ЭТНОЛОГИЯ

<i>Р. Х. Агуажба.</i> Абхазский пантеон	124
Краткие материалы к Абхазскому мифологическому словарю [ацсуа, ашьхаруа, ашәуа, аубых].....	124
<i>Р. Х. Агуажба.</i> Тамги.....	184
<i>Н. Хә. Аргәын.</i> Ацсуаа рхымшапгашья ачыдарақәак.....	189
<i>Н. Хә. Аргәын.</i> Ицьюоушьаша ахьызқәеи ажәләқәеи.....	209
<i>И. В. Шамба.</i> Новая коллекция из Сирии в фондах абхазского музея.....	220
<i>И. В. Шампҭа.</i> Ахәса ркәырбан	224
<i>И. А. Кәыцниапҭа.</i> Ацсуа бызшәазы гәаанагарак	229

ПОЛЕВЫЕ МАТЕРИАЛЫ И МАТЕРИАЛЫ ИЗ АРХИВОВ

<i>Р. П. Тузиков.</i> На поиски Диоскурии.....	234
<i>Р. Х. Агуажба.</i> Рассказы Кямщыща Гуарамиа.....	268
<i>Д. В. Ахба.</i> Музей села Ачандара.....	281
<i>М. К. Анкваб.</i> О подвиге А. К. Назадзе.....	282
<i>А. С. Агумаа.</i> Старая фотография.....	289

ХРОНИКА

<i>А. И. Джоуа, В. А. Ньюшков.</i> Памяти археолога-кавказоведа <i>В. В. Бжания</i>	302
<i>Александр Миктатович Тария</i>	304
<i>Юрий Гудисович Аргун</i>	307

Редактор *С. Аргун*
Верстка *Л. Малхасян*

Формат 84x108/32. Тираж 500
Усл. печ. л. 16
Заказ №